

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ

МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта»
г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ
Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск двенадцатый

Шуя 2020

*Научный редактор
доктор исторических наук, профессор Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского филиала Ивановского государственного университета*

В сборнике представлены материалы XX и XXI (2018 г., 2019 г.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых Шуйским филиалом ИвГУ и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Шуйская старина» посвящен повседневной истории Шуи и Шуйского уезда с древнейших времен до начала XX века, следующий раздел «В уездном городе N» знакомит с жизнью соседних губерний, заключительный – «Записки провинциалов: век XX» – содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

ISBN

© Шуйский филиал ИвГУ, 2020

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Иеромонах ТИХОН (ЗАХАРОВ)
(с. Введенье)

ПЛЕССКИЕ ВЛАДЕНИЯ НИКОЛО-ШАРТОМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Наиболее древними письменными документами Николо-Шартомского монастыря, относящимися к середине XV в., считаются жалованные грамоты на землевладения в Плесском уезде. Это, в первую очередь, жалованная и несудимая грамота великого князя Московского Василия Васильевича II настоятелю Шартомского монастыря архимандриту Александру от 1452 г. и грамота его сына – великого князя Ивана Васильевича III шартомскому архимандриту Иоанникию («Оникею») от 1463 г.

Первая грамота является пожалованием на двор в Плесе: «Что собе поставили двор внутри города на Плесе, и кого к себе в тот двор перезовут людей из иных княженей», и деревню Ярцево, «что им дал на Плесе же Тимофей Костянтинов». Во втором документе подтверждаются владения Шартомского монастыря в Плесском уезде, и монастырь призывается освоить несколько пустующих земель «в Дору в Залесье» – Парховскую пустошь с Микольской межой, деревню Ярлыково с землями, пустоши Королятик, Хлябовскую, Песьяково и Лихолаево и иные пустоши, прилегающие к деревне Ярцево: «все де те пустоши лежат пусты от мору и лесом поросли». На эти пустующие земли архимандрит с братьею призывается «перезвать жити людей из иных княженей».

К этим актам можно также причислить заповедную грамоту великого князя Ивана IV от 1541 г., написанную на обороте грамоты 1452 г. – в небольшой приписке подтверждаются прежние права Шартомского монастыря на владения в Плесском уезде: «Князь великий Иван Васильевич всеа Руси... пожаловал Николы чудотворца шартомского архимандрита Тихона з братьею сея у них грамоты рушити не велел никому ничем, а велел у них ходить о всем по тому, как в сей грамоте писано».

Две первые грамоты известны в списках конца XVIII в.¹ и опубликованы в известном сборнике актов Северо-Восточной Руси под редакцией Л. В. Черепнина². Подлинники грамот ранее хранились в архиве Николо-Шартомского монастыря, они упоминаются в

описи монастырского имущества, составленной в 1764 г.³ В той же описи приведены еще два документа, относящихся к Плесу, текст которых неизвестен, но содержание ясно из заголовков: «Грамота великого князя Ивана Васильевича о строении двора в городе Плесе 7005 (1497) году» и «Грамота Данила митрополита о строении церкви в городе Плесе 7041 (1533) году»⁴.

Таким образом, на основании известных нам документов, можно заключить, что, по крайней мере, сотню лет Шартомский монастырь имел вотчины в Плесе и в близлежащих землях. В монастырских актах XVII в. и более поздних документах плесские вотчины уже не упоминаются, и нет также сведений об их отчуждении.

Очевидно, что сведения из перечисленных документов следует согласовать с известными фактами из истории Плеса XV в. Именно в этот период начинает возводиться и укрепляться плесская крепость, повышается военно-политическое значение города. Строительство деревянной крепости в Плесе началось в 1410 г. по указу великого князя Василия Дмитриевича I после нашествия на Москву ордынского хана Едигея. Как повествует о том Воскресенская летопись: «Князь великий Василей повеле рубити град Плесо»⁵. Московский правитель возводил опорный пункт на подступах к Костроме, где он тогда скрывался, укрепляя тем самым волжские рубежи против набегов татар. Положение Плеса имело очевидные стратегические преимущества благодаря крутому берегу и широкому обзору окрестностей на прямом участке Волги. Также в нижнем после Плеса русле Волги, близ древнего селения, называемого Чувиль, находился естественный каменный лабиринт, затруднявший проход судов. Сложный рельеф волжского дна в этом месте образовывал так называемые «Плесские ворота», через которые было трудно пройти, не зная фарватера. Так, крепость становилась и важным таможенным пунктом: здесь перекрывался волжский путь для северных недругов – новгородских разбойников-ушкуйников, которые занимались грабежом русских селений, действуя в паре с идущими следом новгородскими купцами. Последний такой разорительный поход ушкуйников по Волге состоялся именно в 1409 г.⁶

Становление плесской крепости не было поступательным. Уже в 1429 г., в правление великого князя Василия Темного, сына Василия I, Плес вместе с Галичем, Костромой и Лухом был разорен войсками хана Махмута Хази⁷. Как пишет о том Н. Карамзин: «Единственною целию сих [татарских] впадений был грабеж»⁸. Деревянная крепость в Плесе была вскоре восстановлена, но, видимо, в

меньших размерах⁹. Важное значение Плесу придавал и преемник Василия II – его сын великий князь Иван III, вступивший на престол в 1462 г. В его правление плесская крепость состояла в череде крепостей «казанской украины»¹⁰. В Плесе неоднократно собирались русские полки вплоть до покорения Казанского ханства. Известно большое сражение с казанскими татарами близ Плеса в 1540 г., в котором русские одержали полную победу. Заслуживает внимания описание летописцем этой битвы: «...и учинися бои пониже Костромы у Пятницы святы на Плеси»¹¹. Хотя это замечание неясно, но можно предположить, что оно относится к деревянной церкви, находящейся внутри плесской крепости – начала постройки 1533 г., согласно вышеприведенной шартомской грамоте.

Кроме той главной роли в становлении и укрепления Плеса, которую сыграли великие князья московские, представляется существенным отметить влияние других князей, в частности, князей суздальских, лишенных к тому времени своих исконных владений. В самый разгар борьбы за великокняжеский стол с Дмитрием Шемякой и Василием Косым великий князь Василий II решает ослабить позиции их союзников – суздальских князей Федора и Василия Юрьевичей, противопоставляя этому союзу договор с Иваном Васильевичем Горбатым, троюродным братом мятежных суздальцев. По окончательной грамоте Василия II с Иваном Горбатым, подписанной в 1449 г., Иван Васильевич полностью переходил на службу к московскому князю и обязывался вернуть «безхитростно» все старые ярлыки, полученные на свои прежние земли от Орды, и впредь «новых ярлыков не имати»¹². В обмен на это великий князь пожаловал Ивана Васильевича «его вотчиною» – несколькими селами в суздальских пределах. Таким образом, суздальский князь Иван Васильевич переходил на положение прекарного держателя владений великого князя московского¹³. С этого времени потомки из ветви князей Горбатовых мирно переходили на службу к московским князьям, они назначались воеводами во многих совместных походах. Такая политика уступок вотчин прежним владельцам на условиях подчинения Москве поддерживалась и в отношении других русских князей.

В нашем случае примечателен список пожалований, описанный в договоре с Иваном Васильевичем Горбатым: «Тебя пожаловал [князь великий] в отчину и в удел, Городцом, и с волостми... да твоею вотчиною в Суждале, что было за своим отцем, Дором да полу-Заречьем, и селы Опольскими, опрочь слободки, что на Ирме-

се»¹⁴. Область «в Дору в Залесье», как мы видели, упоминается в жалованной грамоте Ивана III от 1463 г., возможно, что здесь имеются в виду и те же волости. Как известно, князья Горбатые были потомственными покровителями Николо-Шартомского монастыря, на землях которых находился монастырь. Возможно, с подачи князей Горбатовых правовые привилегии на землевладения Шартомского монастыря были заверены жалованными грамотами московских князей, что подтверждало благоволение Москвы к заключившему с ней договор суздальским князем Иваном Горбатым. Крестьяне на переданных селениях и «призываемые» из других вотчин переподчинялись, соответственно, монастырским властям.

Следует отметить, что жалованные грамоты, выдаваемые великими князьями монастырям¹⁵, имели весьма важное для значения для последних. Грамота не только подтверждала акт дарения селений и земель «грамотчику» и освобождала монастырских людей от пошлин, но предоставляла со стороны великого князя правовую защиту в судебно-гражданских делах¹⁶. В тексте жалованной грамоты содержался перечень запретов для местных волостителей и тиунов (помощников), а также боярских людей, которые нередко бесцеремонно въезжали в чужой двор и требовали стола, кормов и подвод, распоряжаясь в монастырской вотчине не лучше татарских баскаков. Типовой в документе являлась заключительная формула: «И кому будет чего искати на архимандриче прикашике, ино его сужу аз сам, князь великий, или боярин мой введенный». Исключения составляли случаи убийства, разбоя и воровства («опроче душегубства и разбоя и татьбы с поличным»), эти случаи разбирались местными властями. Кроме того, каждый новый московский князь производил ревизию прежних пожалований, выдавая новые грамоты на землевладения или подтверждая существующие. Это правило можно видеть на примере жалованной грамоты Шартомскому монастырю от великого князя Ивана Васильевича: Иван III вступил на престол 28 марта 1462 г., и 8 августа следующего года было выдано пожалование шартомскому архимандриту на землевладения близ Плеса.

Известно, что дарование землевладений и правовых привилегий монастырям было частью политики московских князей, стремившихся упрочить союз с Церковью, которая в лице митрополитов Московских всемерно поддерживала великого князя в его усилиях закрепить единоначалие Москвы. Можно думать, что в указанной выше «плесской» грамоте 1463 г. помимо получения правовых при-

вилегий и освобождения на пять лет от дани великому князю, монастырь, в том числе, привлекался и как колонизатор опустевших от мора земель. Настоятель с братией обязывался освоить перечисленные в грамоте пустоши, призвав на них крестьян из иных княжений (кроме княжения великого князя), способствуя тем самым заселению округа стратегического важного города. Шартомский монастырь был ближайшей к Плесу монашеской обителью, и наличие ее двора в крепости могло рассматриваться, в том числе, в значении государственной задачи.

Исследователи отмечают, что Плес был на особом положении: строительством, управлением и содержанием крепости ведали не местные властители, а непосредственно великий князь московский. Влиятельные бояре Сабуровы, которым исстари принадлежали плесские земли, не имели ресурсов строить и поддерживать мощный по тому времени военный форпост. И Сабуровы, и Горбатые, и Бельские, хотя и владели близлежащими землями, рассматривались московским князем лишь как соратники в постоянном противостоянии на этом рубеже с казанскими татарами.

Весь ареал монастырских владений, описанный в «плесских» грамотах, установить сложно. Есть основания полагать, что часть этих владений находилась достаточно удаленно от самого Пlesa, в стане Шухомаш (в районе села Упино-Середа, ныне г. Фурманов). В этой области находилось принадлежавшее Шартомскому монастырю село Шухомошь, которое упоминается в заповедной грамоте 1485 г. московского великого князя Ивана Молодого князьям Невидским¹⁷. Принадлежность деревни Ярлыково¹⁸ князьям Горбатым-Шуйским подтверждается текстом духовной грамоты 1535 г. князя Михаила Васильевича Горбатого, где он завещает селение своей супруге Анне: «А село Ярлыково с деревнями дал есми жене своей Анне за ее приданое, что есми за нею взял да истерял, вольно ей то село продать и отдати и по душе дать»¹⁹. Сама княгиня Анна пожертвовала село Ярлыково суздальскому Покровскому женскому монастырю²⁰.

Вопросы управления монастырскими властями плесскими вотчинами остаются в области предположений. По-видимому, сбор оброка производился людьми из монастырского двора в Плесе, а само сообщение с монастырем не должно быть затруднительным: движение конного всадника из Шартомского монастыря в Плес (в направлении с юга на север) могло составлять примерно половину дневного пути.

Заклячая повествование о землевладениях Николо-Шартомского монастыря в Плесе, отметим, что участие монастыря в жизни города-крепости приходилось на сложное военное время. Монастырь мог рассматриваться и как колонизатор пустующих земель в регионе, и как устроитель церковной жизни в плесской крепости. Получение жалованных грамот на владения в плесском уезде было, как предполагается, не без участия потомственных благотворителей монастыря князей Горбатов-Шуйских, а именно, родоначальника ветви Горбатов – князя Ивана Васильевича. Заключение мирного договора между Василием II и Иваном Горбатым с переходом последнего на службу к московскому князю, стало условием возвращения князьям Горбатым части их прежних суздальских владений. Шартомский монастырь имел двор в Плесе и небольшую часть владений в плесском уезде, которыми распоряжался около сотни лет – с середины XV до середины XVI вв. Обстоятельства упразднения «плесских» вотчин монастыря остаются неизвестными, возможно, что передача их другим владельцам связана с решениями Стоглавого собора 1550 г.

Можно добавить, что нынешнее присутствие Шартомского монастыря в Плесе – храм св. великомученицы Варвары является подворьем монастыря – имеет конкретное историческое обоснование.

¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1920. Л. 39 – 40 об. (№ 21, 22).

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI. Т. 3. Под ред. Л.В. Черепнина. – М.: АН СССР, 1964. – С. 134–135.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 214.

⁴ Там же.

⁵ Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. – СПб., 1859. – С. 85.

⁶ Панченко Г.В. Плес на изломах времен: от военной крепости к городу-курорту // Уваровские чтения-VI: граница и пограничье в истории и культуре. – Муром, 2006. – С. 285–289.

⁷ «В лето 6937. Приходиша татарове к Галичю безвестно на князя Юрья Дмитревича, и стоя в Галиче месяц, а на Крещение, пришед в Кострому, взяли и Плесо, и Лух, и отыдоша на Низ Волгою». – Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. – СПб., 1901. – С. 8.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 5. – Гл. 3.

⁹ Травкин П.Н. Плесская крепость 1410 года // Плесский сборник. Вып. 1. – Плес, 1993. – С. 175–178.

¹⁰ Плес и Плесская волость в XV–XVI веках // Иваново-Вознесенский край: история и современность. Материалы II областной краеведческой конференции. – Иваново, 1992.

¹¹ Вологодско-пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. – М.–Л.: АН СССР, 1959. – С. 324.

¹² Бахрушин С.В. Духовные и договорные грамоты великий и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 155–160.

¹³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. – М.–Л.: АН СССР, 1948. – С. 148.

¹⁴ Бахрушин С.В. Указ. Соч. С. 158.

¹⁵ Следует заметить, что великокняжеские привилегии на землевладения давались далеко не всем монастырям.

¹⁶ Описание прав на освобождение от повинностей и податей (тархан) и независимый от местных властей гражданский суд (несудимая грамота) обычно совмещались в одном документе.

¹⁷ ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Л. 2. Иван Иванович Молодой (†1490) – старший сын и соправитель Ивана III.

¹⁸ Деревня (село) Ярлыково расположена близ села Дунилово.

¹⁹ Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 129.

²⁰ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – М.: Наука, 1984. – 367 с.

Б. Л. МАКАРЬЯНЦ
(г. Иваново)

ПОХВАЛА НА Икону ОДИГИТРИИ ШУЙСКУЮ: ОСОБЕННОСТИ ГИМНОГРАФИИ

Понѣже убо человѣческий род обыче прѣздники святыхъ с похвалами прѣздновати, а ѿже святѣйшии всехъ честныѣ Царицы прѣздники Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, попремногу с любовію почитати должны есмь, и яко вышней святыхъ и вышнюю похвалу приносѣти <...>¹.

Наставление о необходимости «вышнюю похвалу приносѣти» в честь Божией Матери и Её праздников русские книжники воспринимали как великую ответственность перед людьми и перед Богом. Из них немногие имели возможность потрудиться над переводами греческих образцов гимнографии, и лишь единицы – над составлением Похвалы Божией Матери в честь Её новой иконы, явленной в России. В числе отечественных гимнов XVII в. таким редким примером является Похвала на икону Одигитрии из Шуи². Риторическое совершенство Похвалы, известной по списку из ярославского сборника (1692)³, указывает на её московское происхождение.

Величание чтимой иконы Одигитрией вынесено в заглавие текста, что, несомненно, отложилось на общем стиле произведения. Там же, в заглавии, указано точное местонахождение святыни. *«Похвалá<...> на чудотворную и цельбоносную <...> и честную икону Одигитрия, сущия во граде Шуи, во храме живоноснаго Воскресения...»*⁴. Праздничная модальность речи заявлена с первой фразы и выражена словами псалмопевца царя Давида: *«Воструби́терече: в новоме́сячии трубо́ю, во благознаменітый день прáздника ва́шего»*⁵. Далее за призывом *«почтём прáздника свѣтлостъ»*, следует величание присутствующих: *«Слы́ши но́вый изра́илю, богосóбранный правосла́вных соборе́»*, что приличествует собранию первых лиц государства и Церкви. Следующий фрагмент описывает богословский смысл иконы, ставшей первопричиной праздника. Вступительную часть продолжают краткие сведения о бывшей в *«сто шестьдесят вторóm и трѣтíем лѣтех»*⁶ *«смертоно́сной язве в лю́дях»*, и о создании в Шуе *«чудотворного о́браза Богома́тери»*, ставшего источником *«мно́жества неизрече́нных и неизче́тных чудес и исцелѣний»*⁷. Затем, словами *«просла́вим Сию́»*, начинается собственно Похвала, торжественное славословие *«прáзднику нача́лствующей»* Божией Матери и Её новочтимому образу.

Местом пребывания *«честной иконы Одигитрии»*, как показано выше, названа Воскресенская церковь. Но именуется она просто *«храмом»*, а не собором, что является отголоском хронологии прославления. Следует сказать, что исторически Воскресенская церковь Шуи к середине XVII в. была двухъярусным деревянным строением и располагалась за чертой крепости, «на посаде». Состоявшийся 28 июля 1667 г. шуйский акт прославления местночтимой чудотворной иконы не изменил статуса церкви. Исследователи локальной истории полагают, что рядовой храм стал соборным не ранее 1690 г.⁸. Передачу посадской церкви функций собора (после подобающей реконструкции) мог своей властью решить на местном уровне Суздальский митрополит. Но в локальной истории Ярославля известно тождественное (sic!) освящение престола в честь иконы Богоматери из Шуи, состоявшееся 10 июля 1690 г.⁹. Церковь, избранная к освящению во славу Одигитрии Шуйской, была расположена в Кремле, поблизости от Успенского кафедрального собора и Митрополичьих палат. Это деяние несколько превышало рамки личной инициативы Ростовского митрополита. Столь основательные зодческие преобразования в двух соседних митрополиях могли последовать лишь за вышестоящим *московским* актом прославления иконы Одигитрии из

Шуи. В свою очередь московская Похвала, подготовленная к этому акту, отразила предысторию прославления иконы и представила исходный статус Воскресенской церкви. Другим отголоском процесса канонизации в Похвале являются два взаимосвязанных возгласения: «*Рáдуется Россiя днесъ о Христѣ, <показавшему нам> вочеловечения Своего образъ*», и «*Рáдуется днесъ Цѣркви востѣчная, яко дадѣся ей Богомáтере икѣна чюдотвѣрная*»¹⁰. Как можно понять из исторического контекста, «радость России» связана с тем, что известный шуйский акт прославления (1667) легализовал местное почитание образа Божией Матери до всероссийского уровня. Но упоминание здесь о «радости всей Восточной Церкви» выражает почести более высокому, *вселенскому* чину прославляемой иконы, что, вероятно, и стало основной идеей московского акта канонизации иконы Одигитрии из Шуи.

Далее скажем несколько слов об особенностях риторики Похвалы. В соответствии со спецификой жанра, в тексте широко представлены цитаты из Священного Писания. Но в ряде случаев они искусно переработаны автором сообразно Празднику. Интересна вариация Благовещенского приветствия в тексте Похвалы. «*Пригласи́м той гаври́лово приглаше́ние. Рцем Мáтери рáдостная. Рáдуйся благодáтная. Рáдуйся пресвѣтлая, Ёюже тьма отгна́ся, и свет введен бысть. Рáдуйся благодáтная, Ёюже за́кон умолче́, и рáдость процветѣ́. Рáдуйся рáдости нача́ло, и кля́твы потре́бление. Рáдуйся вои́стинну благодáтная, Госпо́дь с тобо́ю, о тебе́ по́слежде, Ёже тобо́ю пе́рвее*»¹¹. Духовное приветствие «*Рáдуйся, благодатная*» происходит от слов архангела Гавриила, обращённых к Приснодеве Марии, и является одной из основ евангельского повествования. Здесь автор Похвалы воздаёт должное архангельскому наречению: *Благодатная*, и возвышенной фигурой речи напоминает о роли Божией Матери в Божественном Домостроительстве.

Кроме священных текстов автор обращается к образцовой гимнографии: «*Преслáвная глаго́лашася о тебе́, гра́де Бо́жий*»¹². Привлечение данного стиха восходит к Первому Слову на Успение Божией Матери преп. Иоанна Дамаскина. Древний гимнограф, поставив цитату из псалмопевца Давида в зачин своего Слова, даёт к ней такое пояснение: «Ведь кого же подразумевать нам под градом невидимого и неопишемого Бога, <...>, как не Ты единственную, неопишемо вместившую пресущественное Слово Божие?»¹³. Автор Похвалы находит другое соответствующее иносказание псалмопев-

ца: «*Гра́де царя вели́каго*»¹⁴, и дополняет своего канонизованного предшественника, проявляя немалое богословское дерзновение.

В качестве иллюстрации высокого мастерства гимнографа приведём ещё несколько примеров из текста Похвалы. «*Ра́дуйся свя́тая святы́х второ́я катапе́тасмо, яже пречестне́й херувимов осене́нием, ели́ко и Того́уже в незаходи́мых Го́спода в ложесна́х, яко завесо́ю покрыви́ши во чре́ве понесла́ еси́*»¹⁵. Общий смысл этой сложной метафоры вдохновляется также событием Благовещения («*елико и Того <...>во чреве понесла еси*»). Греческое понятие *катапéтасма* означает храмовую завесу, отделяющую алтарь, «Святая Святых». При этом вся фраза выстроена очень точно и по богословию и по форме. Красноречие автора преобразует телесное материнство в священную завесу, «*пречестней херувимов*» сохраняющую самого Господа.

«*Ра́дуйся, Ма́ти чистотству́ющая*» – другой пример, где автор Похвалы воспевает исключительную чистоту материнства Приснодевы Марии, имея ввиду 40-дневный период после родов. Считалось, что обычные роженицы в этот период находились «в нечистоте» и не допускались к церковной службе. Далее автор продолжает свою мысль: «*и Де́вою до́ящая*»¹⁶, то есть, Дева, но при этом кормящая («*до́ящая*») Мать. Такая, почти физиологическая, передача материнского естества Богоматери является редкостью для русской Богородичной гимнографии. Сила этой сдвоенной метафоры видится в том, что она роднит недостижимый по чистоте женский образ со всеми, рождающими «*во гресех*», дочерьми праматери Евы.

Ещё образец риторики из Похвалы: «*Ты еси́ соломо́нов одр <...>его́ же си́льный <...>шестьдеся́т обхо́дят боготворе́нных писа́ний*»¹⁷. Тема этой царственной метафоры происходит из Песни Песней: «*Се одр Соломо́нь, шестьдеся́т си́льных окрест его́, от си́льных израи́левых*»¹⁸. Но автор Похвалы выстраивает иной образ, который обобщает все ветхозаветные откровения о Божией Матери. Здесь, как и в предыдущих примерах, свободное владение первоисточником и продуманное красноречие проистекают от глубокого знания лучших образцов литургической поэзии. Такая риторическая широта предполагает особое положение автора в иерархии книжников при патриархе Иоакиме.

Многоопытность гимнографа проявляется и в композиции Похвалы. Так, в этом тексте имеется ектения из духовных возглашений «*Ра́дуйся*» и «*Благословена Ты в женах*». Все они даны в *акафистной* форме и вместе составляют число *двенадцать*, повторяя струк-

туру икоса Великого Акафиста. В этом фрагменте прослеживается аналогия с Похвальным Словом на Успение Богородицы преп. Феодора Студита¹⁹. Четвёртый раздел его Слова на Успение также содержит *двенадцать* подобных возгласий. Аналогия очевидна, поскольку оба гимна в этой части цитируют пророчества о Богородице. Автор Похвалы следом приводит исчерпывающую подборку таковых «многозванных именований» из Ветхого Завета. Далее в Похвале следует другая группа обрадований, в виде развёрнутых *кондаков*, по образцу стихотворного периода, принятого в *канонах*. Общее число таких обрадований (*восемь*) также связано со структурой канона, включающего *восемь* песней. Сочетание Акафиста и Канона – избирательная особенность последования Утрени Субботы Акафиста, службы из Постной Триоди, именуемой Похвала Пресвятой Богородице. Таким образом, автором Похвалы учтены все формы гимнографии, что придаёт стилю произведения синоптический характер.

Но и это далеко не все достоинства речи искушенного богослова. Иногда его мысль обращена не к Первообразу, а вступает в диалог с иконой, участвующей в празднестве. Приведём наиболее важный для нас пример такой риторики. Мы вправе сказать, что этот диалог важен и для автора, поскольку он трижды называет Бога Сына именем *Ветхаго денми*.

*Ны́неже само́го Законода́вца и Творца́, ви́дим по смотре́нию плоти́ю описы́ема, Иису́с существомъ неописанный, и на руку́ Ма́терню, яко Младенца **Вѣтхаго дѣнми** держа́ща: Иису́с на плещу́ херувимску́ присно со Отце́м и со Святы́м Духом, неразлучно почи́вающего*²⁰. Это пролог с изъяснением образа Бога Сына на иконе: неописуемый «по Божеству», *Ветхий денми*, нас ради, изображен «по человечеству» Младенцем на материнских руках.

*Вся́ка ду́ша да хва́лит Бо́га: вся́ка ду́ша да поклоні́тся: вся́к язы́к да поёт, и да сла́вит превѣчнаго Бо́га: **Вѣтхаго дѣнми**, с плоти́ю на Ма́терню руку́ держа́ма, поистинне во оскуде́нии на землі́, то́гдож в не́дрех Отчих, по і́стине без оскуде́ния на небесе́х суща́*²¹. Здесь следует углублённое толкование темы *превечности*: *Ветхий денми*, завершивший земной путь («оскудевший на земле»), остаётся неотделимым от неистощаемых «недр Отчих», достойным славы и поклонения в своём земном образе («с плотью»).

*Сего́ ра́ди разуме́йте вси язы́цы, и пока́ряться: ви́дите Младенца́ воображе́нна **Вѣтхаго дѣнми**, на руку́ Прі́сно Дѣвы держа́ма, ве́руйте и поклоня́йтесь: і́бо честь иконопоклонѣ́ния на пер-*

вообразное восходит²². Итоговая строфа в серии о *Ветхом денми*, «Младенцем воображенного» на чтимой иконе. Словам «Сего ради» предпослан развёрнутый тезис о Богосыновстве. Следом автор от лица Церкви обращается ко «всем языцем», убеждая, что поклонение Сему в иконном образе восходит и на Первообраз.

Имя *Ветхий денми*, по итогам Большого Московского собора (1667), изъяснялось как возраст Бога Сына²³ «в конце времен». Заметим, что иконография Богомладенца из классической композиции Одигитрии не подходит под книжное определение образа *Ветхаго денми*. Тем не менее, в глазах автора Похвалы, это строгое и взыскующее имя Бога Сына становится правомочным. Чтимая икона из Шуи имеет единственный признак, соответствующий этому богословскому образу, а именно, *свиток в деснице* Богомладенца. В классической композиции Одигитрии доминирует десница с благословляющим знамением, а свиток покоится в левой руке Бога Сына. Напротив, акцентуация свитка, вознесённого Божественной десницей, вызывает в памяти христианина откровение о Страшном Суде и о пришествии Христа-Судии (*Ветхаго денми*). Притом жест «знамения свитком» присутствует не только на подлиннике²⁴ из Шуи, но и хорошо различим на старших аналогах этого сюжета, датируемых XVI в.²⁵ По видимому, этот выразительный знак унаследован из пра-шуйского сюжета и включает в себе эсхатологическую идею византийского богослова.

Возвращаясь к образной системе Похвалы в честь Одигитрии Шуйской, заметим, что настойчивое упоминание в её тексте имени *Ветхаго денми* имеет частную предысторию. Повторим, что для России *свиток в деснице* Богомладенца диссонирует с классическим сюжетом Одигитрии. В нашем случае, в деловой переписке 1667 г. икона из Шуи единогласно именовалась Одигитрией²⁶ всеми участниками событий. Возможно, что прямое знакомство с иконой из Шуи в Москве и замеченное расхождение с архетипом Одигитрии (более всего – по рисунку десницы), поначалу вызвало недоумение у столичных богословов и иконописцев. Известны три храмовых списка²⁷ XVII в., где свиток из десницы оказался удалён, а сама десница изображена с именословным перстосложением. Как кажется, все они по времени создания примыкают к первому этапу прославления. Коррекция рисунка десницы привела к утрате важной смысловой доминанты (свитка). Позднее ошибка восприятия сюжета была осознана, и создатели московского списка²⁸ новой святыни постарались исправить эту погрешность, вернув свиток в десницу Бо-

гомладенца. Специалисты нашего времени справедливо относят к особенностям Шуйской Одигитрии необычную позицию Богомладенца и богослужебные облачения на обеих фигурах²⁹. Но автор Похвалы, сообразно своему мировоззрению, ключевым отличием священного изображения видит *свиток в Божественной деснице*³⁰, и троекратным привлечением имени *Ветхаго денми* отдаёт должное иконному образу Бога Сына. Добавим, что после сличения иконы, прославившейся в Воскресенской церкви Шуи, с её старшими аналогами XVI в., она стала почитаться *явленной*. Такой чин иконы Одигитрии из Шуи нашёл отражение в книжных сборниках о явлениях Божией Матери, а также в аналогичных иконописных сводах, начиная с XVIII в.

В тексте Похвалы усматриваются и другие связи с сюжетом именно московского списка иконы из Шуи. Так воспринимаются слова, относящиеся к образу Бога Сына: «*Семѹ клáняются архáнгелы...*», следующие за фразой «*вѣдим Сего по смотрѣнию матеролѣпно я́ко Младѣнца держѣ́ма, но от áнгелов Того́жде немóлчно слáвима*»³¹. Отметим, что лики Архангелов привнесены в сюжет Шуйской Одигитрии наособицу, как исключение, только на иконе мастера из круга Оружейной палаты (ГТГ). Клейма с поясными изображениями Архангелов понимались как отличительный знак Одигитрии из Царьграда, и этими изобразительными средствами мастер передал повышение статуса чудотворной иконы из Шуи. В свою очередь, автор Похвалы мог выделить «*поклонение Архангелов*», как элитную деталь, связующую две иконы Одигитрии, Шуйскую и старшую Смоленскую.

Ещё одним соприкосновением Похвалы, теперь с изображением Божией Матери, является троекратная (в разных местах текста)³² цитата из 44-го псалма: «*рѣсны златѣми одѣяна*», что соответствует убранству царственной особы. Иконописец Оружейной палаты выделил одежды Богоматери именно золотым цветом. Щедрое употребление «творёного золота» в доличном письме является общей особенностью стиля Оружейной палаты, но при воспроизведении иконы Одигитрии Шуйской этот приём являлся новацией, способной привлечь к себе внимание Её гимнографа.

По нашему предположению, икона «Богоматерь Шуйская»³³ (ГТГ) была создана непосредственно к московскому прославлению шуйской святыни. Кроме названных иконописных деталей, её особенностью было точное повторение размеров протографа из Шуи. Последующее перемещение такого равноценного аналога новочти-

мой иконы в Ярославль, объяснимо усердием митрополита Ионы. Возможно, этот список был выкуплен специально для церкви, избранной к освящению в честь Шуйской Одигитрии, и на которую открывался вид непосредственно из Митрополичьих палат. Особый этикет той эпохи в отношении к Божией Матери позволяет предположить и торжественное «путное шествие» новой иконы из Москвы в Ярославль. При этом Одигитрия действительно выполняла бы свою *путеводную* функцию. Кроме того, дополнив образ Одигитрии из Шуи изображениями Архангелов, создатели придали московской иконе особое, элитное качество. Ярославцы встречали не столько новую икону, но более – первообразную Царицу и Владычицу, заранее подготовив и освятив к этому событию новый престол. Список частной Похвалы и Сказания (РНБ), также был создан ради достойного почитания новой Одигитрии среди ярославцев. Немаловажно и то, что московский образ имел ярославский прототип (1682)³⁴. Известна также прорись начала XVIII в., соответствующая иконе мастера Оружейной палаты. Она представлена в Филимоновском собрании (ГРМ) и подписана кратким титулом «Шуискіа»³⁵. Очевидно, после московской канонизации эта прорись получила типовой общероссийский статус, поскольку именно по её рисунку создано большинство тезоименитых образцов иконописания XVII–XIX вв.

Ярославская реплика Похвалы не имеет логического завершения, но утрата исходного текста невелика. Последние фразы списка обращены к новозаветным событиям: *«Тебѣ величаѣм, нѡвый завѣте, Егѡже мессія Христѡс написа»*³⁶. Далее упомянуты праздники Крещения и Обрезания, и для завершения Похвалы недостаёт метафор, связанных с великими и двенадцатыми праздниками. На малый объём лакуны указывают и переплётные особенности блока Сказания и Похвалы. Все его тетради пронумерованы и имеют по восемь листов. Текст Похвалы помещается на двух последних тетрадах: 12 («ВІ») и 13 («ГІ»). Концевая тетрадь имеет шесть листов и прошита посередине, т.е., так заготовлена. Запись доведена до нижнего поля лицевой стороны шестого листа тетради, а его оборот оставлен пустым и перечёркнут косой линией. Если оригинал Похвалы оставался в Москве, то восполнить концовку было затруднительно, и список остался незавершённым. В таком виде блок Сказания и Похвалы вошёл в сборник ярославского соборного иерея Григория Потапова (1692).

Тем не менее, даже неполная реплика Похвалы на икону Одигитрии из Шуи передаёт особое достоинство новочтимой святыни. Высокие риторические качества Похвалы предназначались как предмету почитания, а именно, новой иконе Одигитрии, так и предстоящему *«богосóбранному правослáвных собóру»* из первых лиц Московского государства. Если год этого события можно назвать достаточно уверенно (1690), то уточнить *день* московского чествования этой иконы намного сложнее. В качестве осторожной гипотезы можно назвать Вторник Пасхи, как день, выделенный в Месяцеслове для особого праздника Одигитрии. Празднование в этот день Иверской Одигитрии, ранее введённое патриархом Никоном, создало богослужебно-календарный прецедент, который позволял оказать такую же почесть Одигитрии Шуйской. Стараниями патриарха Никона Иверская Одигитрия удостоилась частного почитания в Валдайском Святоозерском ставропигиальном монастыре и частного же Похвального слова, изданного Валдайской типографией (1659)³⁷. Похвала на икону Одигитрии из Шуи по гимнографическим качествам значительно превосходит опубликованное сочинение. Можно думать, что в исторической обстановке второй половины XVII в. риторические достоинства Похвалы (1690) несли в себе и соревновательный аспект, с целью показать новые возможности церковно-славянского языка, реформированного в ходе богослужебной sprawy.

Печатные Минеи начала XVII в. включали последования в честь пяти чудотворных икон Божией Матери: Владимирской, Смоленской, Казанской, Знамение (в Великом Новгороде) и Благовещение (в Великом Устюге)³⁸. По итоговому минейному кодексу конца XVII в. четыре из них были отнесены к особому разряду полиелейных богослужений, в том числе и служба Смоленской иконе Божией Матери. Одигитрия из Шуи была воспринята современниками как подобие Одигитрии Смоленской, их связывало празднование в один день, 28 июля (с 1667 г.). В таких обстоятельствах Похвала на икону из Шуи могла предназначаться на Праздник Одигитрии. В традиции первой трети XVII в. известна *«Слúжба Пресвятéй Богорóдице Одигíтрей»*, с чтением Благодарственного Канона Одигитрии³⁹. По указаниям Цветной Триоди она совершалась во Вторник Пасхи, почитаемый как Собор Богородицы. Чином этой Службы могли воспользоваться ради уникального события канонизации новой Одигитрии. Последование Похвалы изобилует духовным приветствием «Радуйся!», что гармонирует с радостным настроением как упомя-

нутаго Канона, так и всей Службы Богородице Одигитрии, и допускает чтение Похвалы во Вторник Светлой седмицы. Возможно, именно это имел ввиду её автор, призывая собравшихся *«почтить праздника светлость»*.

С позиций агиологии, частная Похвала, сопровождающая канонизацию, соотносится со *всероссийским* статусом новочтимого подвижника или новой чудотворной иконы. Но в нашем случае, как уже было сказано, достоинство Одигитрии из Шуи выделено особым тропом: *«Рáдуется днесь цѣркви востѡчная, яко дадѣся ей, от-рáда медотѡчная, Богомáтере икѡна чудотвѡрная»*, где участие в празднике дня всей «Церкви восточной» соотносится с наивысшим, вселенским чином чудотворной иконы. Введение Одигитрии из Шуи в число вселенских икон Одигитрии, празднуемых во Вторник Пасхи, могло состояться только соборным согласием русских иерархов и патриарха Иоакима. И надо признать, в Похвале новой Одигитрии, соименной величайшим святыням православного мира, в полной мере выразилась «радость России» от выдающегося события своего времени.

Итак, подведём некоторые итоги. Как мы стремились показать в этой статье: 1) Похвала на икону Одигитрии из Шуи представляет собой одно из наиболее совершенных сочинений этого жанра и отражает повышение статуса новочтимой национальной святыни. 2) Автор этого гимна в качестве риторического эталона использовал Похвалы Иоанна Дамаскина и Феодора Студита из Службы на Успение Пресвятой Богородицы. 3) Композиционное сближение акафиста и канона в Похвале связано с Утреней Субботы Акафиста из Постной Триоди, но общее настроение Похвалы более созвучно духовной радости Светлой седмицы, что допускает её отношение к чину богослужения Вторника Пасхи. 4) Образная система Похвалы сочетается с рядом деталей московского списка Шуйской Одигитрии и несёт в себе отпечаток богословских споров второй половины XVII в. 5) Кроме того, ярославский экземпляр Похвалы косвенно указывает на активное участие Ростовского митрополита Ионы в московском прославлении Шуйской Одигитрии; вместе с тем его архипастырское благочестие проявилось и в храмоздательной деятельности в пределах ярославского Кремля.

¹ «Так как род человеческий по обычаю праздники святых с похвалами празднует, то праздники Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, которая святейшая из всех честная Царица, с еще большей любовью почитать мы должны и как высшей из святых и наивысшую похвалу приносить».

РНБ, Софийское собр., № 1318, л. 9. Слово похвальное честному Покрову Пречистой Владычицы и Приснодевы Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия. Перевод М.А. Федотовой.

² РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Текст Похвалы в русской транскрипции приводится в книге *Никонов Н.И.* Шуйская Смоленская икона Божией Матери. СПб., 2008. С. 196–205. В данной статье цитаты проверены по оригиналу рукописи РНБ.

³ Сборник (Q.XVII.79), составленный ярославским соборным священником не позднее 20 января 1692 года, датируется по владельческой записи на Л. 558, приведённой на <ил. 7>.

⁴ РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 162.

⁵ Там же. Л. 162. Цитата из Псалма 80:4. Кириллический номер псалма проставлен на боковом поле справа. Славянское число «ѿ» (покой) в рукописи напоминает число «Г».

⁶ Указаны годы от Сотворения мира, в пересчёте от Рождества Христова: 1654–1655 годы.

⁷ Там же. Л. 163–164 об.

⁸ *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей. – М., 1851. – С. 104. *Лядов И.М.* Историческая и современная записка о городе Шуйе. – М., 1863. – С. 12.

⁹ *Рутман Т.А.* Храмы и святыни Ярославля. – Ярославль: Рутман А., 2008. – С. 61.

¹⁰ РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 165 об. Полный текст цитаты: «Радуется Россия днесь о Христѣ, глаголя: ныне разруши мою печаль, Бог мой и Господь. Днесь покажь нам смотре́ния Своего тайнство, богомужный вочеловече́ния Своего́образ, на руку́ воображе́н Присно Де́выя Ма́тере: Егѡже иногда́ входяща во Египет, крѣпости Божества́ не терпяще́ идоли падоша. Радуется днесь Це́ркви восточная, яко даде́ся Ей отра́да медоточная, Богома́тере ико́на чудотворная».

¹¹ РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 165.

¹² Там же. Л. 162. Пс. 86:3. Публикация Н.И. Никонова (2008) передаёт эту цитату с искажением: «...о Тебѣ, в гра́де Бо́жиин». Текст рукописи более точно передаёт известный стих, и предлог «в» здесь отсутствует.

¹³ Слова на Богородичные праздники / Творения преподобного Иоанна Дамаскина. – М.: Мартис, 1997. – С. 261.

¹⁴ Пс. 47:3. Благокоренным ра́дованием всея земли́: горы́ Сио́нския, ребра́ се́верова, град Царя́ Вели́каго.

¹⁵ Там же. Л. 170 об.

¹⁶ РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 167 об. В публикации Похвалы Н.И. Никоновым (2008) вторая часть метафоры не приводится.

¹⁷ Там же. Л. 173.

¹⁸ Песнь Песней, 3:7.

¹⁹ Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе. Т.2. – СПб., 1908. – С. 109–114.

²⁰ РНБ: Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 162 об.

²¹ Там же. Л. 165 об.

²² Там же. Л. 166 об.–167.

²³ «... Даниил проро́к глаголет: яко ви́дехъ Ве́тхаго де́нми се́дяща на суди́щи. И то не о Отце́ разуме́ется, но о Сы́не, еже бу́дет во второ́е Егѡ прише́ствие суди́ти вся́кого язы́ка Стра́шным судомъ». О исправлении некоторых церковных вещей / Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. 2-е изд. М., 1893. Л. 23об.

²⁴ *Гундобин П.И.* Описание Воскресенского собора города Шуи. – М., 1862. Литография без указания автора.

²⁵ ГИМ. Инв. № 4512/54627; МИХМ. Инв. № М-222305; ГТГ. Инв. № 13885. Полную аналогию рисунка фигур в старшей серии икон XVI века и на иконе Одигитрии из Шуи (1654) отметила *Сидоренко Г.В.*: Пята Спасителя. // Чудотворная икона в Византии и древней Руси: / Ред.-сост. Лидов А.М. – М.: Мартис, 1996. – С. 323.

²⁶ Икона Богоматери из Шуи уверенно именовалась Одигитрией в деловой переписке 1667 года, видимо, опираясь на события в ходе праздника Одигитрии предыдущего 1666 года. Особый раздел Сказания об иконе перечисляет более 30 «различных чудес <...>, которые совершила Она у Своего чудотворного образа, в праздник свой, установленный <...> в 28 день июля». *Сказание о чудесах*, бывших от Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери. – Шуя, 1883. – Русский перевод иерея Евлампия Правдина. – С. 27–52.

²⁷ МРИ № ЧМ-336 (70,0 x 59,7 см); а также процессионные двусторонние иконы в ГРМ: № ДРЖ-2622 и № ДРЖ-1475.

²⁸ ГТГ, № АРХ. ДР-62 (110,5 x 96 см). *Лидов А.М., Сидоренко Г.В.* Чудотворный образ. – М., 2001. – С. 35.

²⁹ *Тарасова Е.Н.* Богословие иконографического извода Богоматери «Одигитрии» Шуйской-Смоленской // Светильник. – 2002. – № 6. (ноябрь–декабрь). – С. 41. Детали облачений описаны по ранним аналогам XVI в..

³⁰ Саровская рукопись Сказания об иконе из Шуи 1783 года (производная от старшего Суздальского протографа), в пересказе чуда о самоначертанном рисовании иконы, также акцентирует именно свиток в деснице, как основное отличие Шуйского сюжета: «у Превéчнаго Младéнца свéток в руцé на колéнце я́коже ны́не от сего́ Шуйская по начертáнию особли́во». РГАДА Ф. 357, Оп. 1, Д. 109, Л 26–26об.

³¹ РНБ: Ф. 550. ОСРК. Q.XVII.79. Л. 167.

³² Там же. Л. 162, 169 об., 172 об.

³³ Поступление этой иконы (№ АРХ. ДР-62) из т.н. «Ростовской коллекции» на хранение в ГТГ документально прослежено в работе: *Кочетков И.А.* Иконы из Ростова в собрании Третьяковской галереи. История поступления // История и культура Ростовской земли. – Ростов: Содействие, 1995. – С. 206. К сожалению, в сопроводительных музейных документах 1937 года храмовая принадлежность иконы указана неточно.

³⁴ *Шилов В.С.* Стенопись церкви Спаса Нерукотворного в селе Заболотье: богословская программа и иконографические особенности // X научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль, 2006. – С. 42, 47. Приношу благодарность автору статьи за любезно предоставленные сведения по истории фресок данной церкви.

³⁵ *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. – СПб., 1910. – С. 134.

³⁶ РНБ: Ф. 550. ОСРК. Q.XVII.79. Л. 173.

³⁷ Слово похвальное в честь Иверской иконы Божией Матери / Рай мысленный. – М.: Иверский монастырь, 1658–1659. – Л. 35–48.

³⁸ *Лебедь М.А.* Деятельность Московского печатного двора (на примере минейного комплекса первой трети XVII в.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М., 2011. – С. 18, 21.

³⁹ *Плюханова М.Б.* «Кипящие свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. – СПб.: Пушкинским Дом, 2016. – С. 181.

**О текстологии Похвалы
на икону Одигитрии Шуйскую**

Похвала в честь иконы Одигитрии из города Шуя Суздальской митрополии, созданная на исходе XVII в., сохранилась в учительно-житийном сборнике¹ (РНБ) из коллекции графа и сенатора Ф. А. Толстого². Первое описание сборника было сделано известным петербургским историком П. М. Строевым (1827). Публикуя оглавление тома, исследователь отделил Похвалу от Сказания, и тем отметил её самостоятельное значение³. В наши дни в новом издании Словаря книжников и книжности Древней Руси вышла статья Д. М. Буланина⁴ (2004), посвящённая Сказанию о Шуйской иконе Божией Матери. Обсуждая выдающиеся литературные качества цикла, он отметил и особый торжественный стиль частной Похвалы на икону из Шуи. Высокая оценка памятника гимнографии XVII в. в академическом издании послужила поводом к публикации Похвалы в монографии Н. И. Никонова⁵ (2008) по истории почитания иконы из Шуи.

По нашим наблюдениям, в конце сборника (РНБ) помещена запись от 1692 г., сделанная при его продаже «ярославцу Даниле Дмитриеву». Здесь указано, что «переплётчиком книги зачисто», иначе говоря, составителем сборника, был соборный священник по имени Григорий⁶. Запись о составлении книги священником из соборного⁷ причта фактически сообщает о принадлежности переплётного блока Сказания и Похвалы Успенскому собору Ярославля, что отражает высокий статус рукописи. И всё же она не является оригиналом, как показывает ряд описок, допущенных переписчиком. Тем не менее, внимательное прочтение текста Похвалы открывает высокие риторические качества протографа, что указывает на его московское происхождение.

Оригинал текста Похвалы не обнаружен до настоящего времени, что затрудняет окончательное суждение о его авторстве. Тем не менее, возвращение в пространство культуры ярославского экземпляра Похвалы позволяет по достоинству оценить этот образец отечественной литургической мысли конца XVII в. и восполнить историю почитания иконы Одигитрии из Шуи.

¹ РНБ. Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 162–173.

² Граф Фёдор Андреевич Толстой (1758–1849) собрал одну из лучших частных библиотек в России. В 1830 году владелец продал своё собрание Императорской публичной библиотеке (ныне РНБ) в Санкт Петербурге. *Кларк Д.* Славянские рукописи собрания Ф.А. Толстого. – Л.: УО БАН, 1980. – С. 5,7.

³ *Строев П.М.* Второе прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Фёдора Андреевича Толстова. – М., 1827. – С. 24–25.

⁴ *Буланин Д.М.* Сказание о иконе Богоматери Шуйской / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 4. Дополнения. – СПб., 2004. – С. 601–603.

⁵ *Никонов Н.И.* Шуйская Смоленская икона Божией Матери. – СПб.: Ладан, 2008. – С. 196–205.

⁶ РНБ. Ф. 550. ОСПК. Q.XVII.79. Л. 558. Полная цитата: «*3С (7200=1692) года генваря в 3С (20) день продал книгу сию соборный поп Григорей Потапов сын книги переплетчик зачисто Ярославцу посацкому человеку Данилу Дмитриеву сыну кожевнику а подписал сия Ивашко Григорьев сын попов своею рукою*».

⁷ По иерархии ярославских церквей конца XVII века, Успенский храм в Рубленом городе (т.е. в Кремле), единственный в Ярославле имел статус соборного, а также кафедрального для Ростовской митрополии.

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

ШУЙСКИЙ ПЕРЕВОЗ ЧЕРЕЗТЕЗУ В КОНЦЕ XVIII В. И КАТАСТРОФА 1788 Г.

В одном из вариантов экономических примечаний к Генеральному межеванию по г. Шуя (позднее 1798 г.) упоминается, что в городе имеется «один живой деревянный» мост через р. Тезу, «а во время разлития воды бывает паромом и на двух больших лодках перевоз». ¹О технологических особенностях работы данного сооружения позволяют судить сохранившиеся условия на содержание шуйского моста и перевоза через р. Тезу между частными лицами и городским старостой. Во всех трех «обязательствах» (от 20 марта 1799 г., ² 14 марта 1801 г. ³ и 17 марта 1804 г. ⁴) перевозчиков представляет одно лицо (в первом и третьем случае – И. И. Мунин, во втором – А. А. Серебренников). Согласно контракту, содержатель обязывался «в наступающее к разлитию вод время», очистив от снега и льда, выбрать из воды «градской общественной мост» на Тезе, а из земли – соединенную с ним гать. Также требовалось собрать и «мосточки, лежащая на реке Сехе и Фартьяновском враш-

ке». Эти сооружения было необходимо «хранить в безопасном от водного разнесения месте». Во время половодья откупщик должен был организовать перевоз через реку людей и всего их имущества, который осуществлялся «на общественных лодках или казенном пороме» работниками содержателя. Количество последних не регламентировалось («сколько будет потребно»), но оговаривалась их квалификация («во всем способные и сию переправы часть знающие») и профессиональные обязанности («трезвость и исправность»). Материал на починку «имеющих ветхостей» моста, гати и парома содержатель мог получить у старосты. После окончания половодья необходимо было «мосты навести и гать наслатъ по-прежнему», так чтобы проезжающим «никакой остановки, вреда и опасности не было». Далее, в течение всего лета содержатель был должен перевоз «от дождевых наводнений охранять и до разнесения моста и гати не допускать». За все эти работы он получал, кроме казенной суммы, деньги «из общественной градской суммы» и не мог требовать сверх нее «ни единые копейки». Несмотря на требование хранить «деревянный припас» от мостов и гати в безопасном месте, договор предусматривал их наведение как «из тех же бревен которые прежде того на оных имелись», так и «из вновь привезенных». Очевидно, существовавшие условия не могли обеспечить полной сохранности разобранных сооружений.

Описанные контрактные условия эксплуатации перевоза дополняются сведениями расходных книг шуйской общественной суммы. Ежегодно шуяне ассигновали значительные средства на материал и работу по строительству гати: 28 руб. 34 коп. за купленные «для починки гати бревны и тес», 49 руб. 80 коп. за купленный «лес на гать и тес и для пришивания одного гвозди» (1791 г.),⁵ 50 руб. «за починку лежащей по дороге к реке Тезе гати» (1792 г.),⁶ 35 руб. 15 коп. за «мелкий сосновый лес» для починки гати (1795 г.),⁷ 96 руб. за доски «на мост и гати» (1796 г.),⁸ 40 руб. 7 коп. за жерди «для вымощения гати» (12 мая 1797 г.),⁹ 55 руб. 55 коп. за 753 бревна «на обновление гати» (5 февраля 1798 г.),¹⁰ 19,5 руб. за 30 тесниц «на мост и на гать» (15 февраля 1799 г.),¹¹ 80 руб. за 1000 «мелких жердей» на гать (20 февраля 1799 г.),¹² 152 руб. «для мощения гати и за устройство оной» (20 января 1800 г.),¹³ 72 руб. за «перильник для мощения гати» (1801 г.).¹⁴ Наиболее подробные сведения о состоянии гати дает запись о выдаче денег шуянину С. О. Болотову – он в апреле 1793 г. получил 163 руб. 70 коп. на «поправление лежащей по володимерской в город дороге от казенного моста неудоб прохо-

димой гати, простирающейся около ста сажен, ежегодно во время половодья разносимой и никогда в твердость привести не способной».¹⁵ Не менее значительные суммы расходовались также на содержание моста: 40 руб. за купленный «для мосту тес и на гать перильник» (25 октября 1793 г.),¹⁶ 95 руб. 55 коп. за сосновые бревна «и на оные доски» для починки моста, 9 руб. «за устроение на реке Тезе нового моста», 16 руб. 70 коп. «за работу, произведенную на лежащем по реке Тезе мосте и подле оного гати», 1 руб. 51 коп. за гвозди, «купленные для прибивания на мосту досок» (1795 г.),¹⁷ 60 руб. 80 коп. за бревна и столбы, купленные «для зделания вновь» тезинского моста «и за роспилу оных» (13 мая 1797 г.), 30 руб. за тес на тезинский мост (14 мая 1797 г.),¹⁸ 29 руб. 20 коп. за 30 досок и гвозди «для подстилания» на мосту (10 февраля 1798 г.),¹⁹ 50 руб. за «железные болты с кольцами» к мосту (15 июля 1799 г.).²⁰ Приведенные факты свидетельствуют, что мост и гать требовали ежегодной починки, причем в течение всего сезона. Особенно интенсивными были работы в феврале (перед весенним половодьем) и в мае – когда после схода воды требовалось восстанавливать разобранные сооружения. Большую часть работы по ремонту моста явно производили его содержатели (об этом свидетельствует значительное число сведений о покупке материалов без оплаты работ), но нередко шуянам приходилось специально нанимать работников для ремонтных работ на перевозе. Причем работники использовались не только для внушительных мероприятий (как С.О. Болотов в апреле 1793 г.), но даже для мелких работ, вроде наведения моста после половодья из имеющихся материалов (9 руб. И. А. Серебренникову в 1795 г.).

Кроме того, из «общественных сумм» нередко оплачивалось приобретение материалов для содержания самого перевоза (лодок и паромов): 30 руб. «за купленную для перевоза людей во время разлития воды лодку» (15 мая 1797 г.),²¹ 40 руб. за купленную «для народного перевоза лодку» (5 февраля 1799 г.),²² 12 руб. за тес на паром (10 марта 1799 г.), 57 руб. «за купленную для перевоза лотку и на паром тес» (1801 г.).²³ Как видим, инвентарь для перевоза приобретался не только перед заключением контракта с содержателями, но и в самом разгаре работ: шуяне оплачивали не только материал для паромов, но и покупку новых перевозочных средств. В связи с этим возникает вопрос о размере контракта с перевозчиками. Записи о выплатах по этому соглашению имеют устойчивую формулу: деньги выдавались «за перевоз людей во время разлития воды и за содержание во все лето на реке Тезе моста и на градской земле гати

за не соглашением сверх ассигнованной из казны суммы». Следовательно, назначенный Владимирской казенной палатой размер контракта не могла удовлетворить содержателей, и шуяне были вынуждены ежегодно прибавлять к нему солидную сумму из «общественных денег». В 1791 г. эта формула оснащена также упоминанием о «строении на градской земле в неудоб проходимом месте гати». Очевидно, пункт о наблюдении за гатью был введен в условия именно в этом году. Обычно в качестве перевозчика выступал И. И. Мунин (1792, 1796, 1798, 1800, 1804 гг.), дважды он действовал в паре с Ф. Ф. Саратовцевым (1791, 1793 гг.), по одному разу – в паре с С. М. Войлошниковым (1795 г.) и А. А. Серебренниковым (1797 г.). Один раз Серебренников заменил Мунина (1801 г.). Размер суммы при этом не был устойчивым: 95 руб. (1791 г.), 60 руб. (1792, 1793 гг.), 100 руб. (1795, 1796 гг.), 50 руб. (1797 г.), 25 руб. (1798 г.), 125 руб. (1800 г.), 120 руб. (1801 г.), 150 руб. (1804 г. по контракту). О дате выплаты сведений практически не имеется (деньги за 1798 г. были получены 25 марта, за 1797 г. – 9 мая, за 1799 г. – 5 сентября). В 1795 г. сумма была уплачена перевозчику в два приема (30 руб. и 70 руб.).²⁴

Несмотря на то, что Мунин, Серебренников, Саратовцев и Войлошников занимались перевозом в течение многих лет, ни один из них не имел профессионального отношения к «перевозному делу». Согласно обывательской книге г. Шуи 1794 г., Мунин имел промысел «от разных съестных припасов и от огородных овощей», Саратовцев промышлял «от хозяев фабричным товаром», Серебренников торговал «разным мелочным товаром», а Войлошников «торг имел мучной и пряничной».²⁵ Все они имели опыт исполнения общественных должностей, но не слишком высоких: Саратовцев успел послужить «рассыльщиком и сборщиком», Мунин «соляным приемщиком и рассыльщиком», Серебренников – сторожем при Думе и магистрате и соляным приемщиком. Самым опытным оказался Войлошников – кроме рассыльщика, сборщика и соляного целовальника, он в течение трех лет был задействован в должности магистратского ратмана, а также думского гласного. Невысокое общественное положение этих лиц свидетельствует о весьма среднем имущественном состоянии, которое никак не могло способствовать вложению ими значительных сумм в улучшение технического состояния тезинского перевоза.

Выплаченная перевозчику сумма не всегда совпадала с суммой контракта: в 1799 г. Мунин денег не получил (по соглашению ему

полагалось 25 руб.), а в 1801 г. Серебrenиков получил 120 руб. (вместо 125 руб. по контракту). Это свидетельствует о том, что размер выплат по соглашению мог колебаться в зависимости от входящих обстоятельств. В числе этих обстоятельств наиболее значимым представляется поддержка переправы в надлежащем техническом состоянии. Внеплановые повреждения, полученные в результате природных катаклизмов или халатности содержателя и требующие немедленного исправления, могли привести к вычетам из контрактной суммы (поскольку ремонт осуществлялся с использованием общественных материалов, а зачастую и нанятыми городом лицами). Несомненно, с техническим состоянием перевоза к началу его содержания связаны и резкие колебания контрактной суммы: от 25 до 150 руб. Исходя из этого состояния, оценивался объем работ содержателя, которые требовалось выполнить в текущем году. Эта оценка предполагала длительный торг между городом и содержателем. Итоги подобной расстановки сил обычно оказывались плачевны для «перевозного дела»: староста стремился удовлетворить откупщиков наименьшей суммой, а те, в свою очередь, старались максимально сэкономить на содержании перевоза, откладывая ремонтные мероприятия до того момента, когда они оказывались уже неизбежными. Да и в этом случае у них, как мы видели, зачастую не хватало технических сил: чтобы избежать остановки переправы, общество было вынуждено нанимать специальных работников.

Эта явно нездоровая ситуация создавала серьезные предпосылки для трагедии, которая и случилась 18 апреля 1788 г. Началось все с того, что «профессиональные» перевозчики (И. И. Мунин и Ф. Ф. Саратовцев) к торгу не явились. Вместо них содержать переправу пожелали шуйские мещане П. С. Ушаков, В. В. Бессонов и П. А. Еременский.²⁶ Об этом городничий дважды (8 и 22 марта) информировал Владимирскую казенную палату, но никаких предписаний не получил. В результате 31 марта новые перевозчики все же заключили в казенной палате контракт на содержание моста и перевоза. Они были обязаны содержать казенный мост через Тезу (9 плотов на воде и 2 – на берегах), а в «полую воду» переправлять желающих с одного берега на другой с помощью парома. Последний представлял собой следующее сооружение – две больших лодки, между которыми был положен настил – 15 досок с двумя желобами (в контракте он именуется «плотом», как и пролет моста, что заставляет предположить использование в качестве настила именно

части съемного моста). На пароме необходимо было иметь 6 распашных весел, 3 кормовых, и 2 шеста с железными наконечниками. Лодки под плот перевозчики обязывались иметь собственные. Перевоз должен был работать в течение всего светового дня «кроме большой погоды и плытья льду». Ночью можно было перевозить (причем «только в самой тихой случай») государственных служащих «по казенной нужде», либо знатных персон. Ремонт инвентаря производился исключительно «своим коштом» перевозчиков. Переправу через Тезу требовалось «содержать во всякой исправности», избегая остановок, а также исключая взимание платы с проезжающих. За весь этот комплекс работ, требующих значительных затрат физических сил и материальных средств, откупщики получали от казны явно неадекватное вознаграждение – 25 руб. 25 коп.

Катастрофа случилась на второй день после Пасхи, во вторник 18 апреля 1788 г. К этому времени шуйская паромная переправа действовала уже в течение двух недель. На перевозе работали три человека: Петр Сергеевич Ушаков, Василий Васильевич Бессонов и Потап Аввакумович Еременский. Последние двое трудились на лодках, а Ушаков – на пароме. Ему помогали двое работников – крестьянин с Воскресенского Василий Иванович Анисов и шуйский мещанин Яков Алексеевич Коновалов.²⁷ Последний был нанят только на один день (за 25 коп.) «по случаю большого торгового дня». Трагедия случилась около 2 часов дня (по тогдашнему счету – в 8-м часу), когда паром совершал уже пятый рейс. В этот момент Ушаков работал шестом, Коновалов – управлял кормовым веслом, а Анисов – находился «на гребле». Утонул лишь начальник – Ушаков, Коновалова сняли «висящего на кормовом весле», а Анисова – с причальной веревки. Кроме них, спаслись еще 16 чел. (были подобраны лодками перевозчиков и выплыли самостоятельно). В донесении городничего главной причиной трагедии назывался случившийся в тот момент на реке «большой ветер», но не было указано ни точное число погибших, ни другие подробности. В связи с этим для расследования обстоятельств дела в Шую был командирован губернский стряпчий уголовных дел майор И.И. Евреинов (2 мая 1788 г.).²⁸

Постепенно в ходе допросов стали выясняться подробности происшествия. При этом было выявлено две противоположных точки зрения на причины катастрофы. Первая из них состояла в том, что крушение стало следствием некомпетентности и злостных нарушений технической безопасности, допущенных перевозчиками. Эту позицию отстаивала некоторая часть пострадавших. Альтернатив-

ную точку зрения высказала другая сторона: в числе ее сторонников оказались не только перевозчики, но и городское начальство. Они настаивали на том, что нарушение технических требований было минимальным, а причиной трагедии стало неадекватное поведение самих пострадавших.

По словам спасшихся в ходе катастрофы крестьян «разных округ и вотчин» (6 чел.) перед трагическими событиями на паром «множество сильно нашло народу, что уже и перевозчики совладать не могли». Последние пытались остановить переправу, но пассажиры не послушали их и «силою отплыли от берега». Признавали они и наличие среди публики на пароме «нескольких пьяных», причем часть их оказалась не допущена на переправу – они «с перевозчиками дрались и их бранили». Еще один спасшийся (крестьянин д. Мужиловки Егор Дмитриев) указывал на конкретного человека, который насильно хотел прорваться на паром – перевозчики неоднократно сталкивали его и все же оставили на берегу.²⁹ Подобные показания от пострадавших объясняются тем, что были получены городничим непосредственно в день трагедии. Таким образом, они отражают скорее, не точку зрения допрошенных, а мнение шуйского начальства, которому было выгодно представить катастрофу исключительно следствием разбушевавшейся стихии и действий обывателей. Наиболее подробно эта версия была изложена фурьером Самуилом Найденовым – главным ответственным за пасхальную катастрофу со стороны городских властей. По его словам, перевозчики не смогли совладать с неорганизованной толпой желающих переправиться: пассажиры «насели» на паром в изрядном количестве, причем многие оказались на нем нелегально – «по пояс по мелкоте доходили до него и садились». Поскольку в числе потенциальных пассажиров оказалось немалое число пьяных, они «сделали драку и ссору с перевозчиками», в ходе которой пострадал и сам Найденов. Чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, он направился за помощью к городничему, запретив перевозчикам продолжать работу. Но паром все же «усилиями народа» отплыл от берега, так что катастрофа оказалась неминуема. Таким же образом описывал трагический рейс парома и Анисов – «насевшие на паром» люди не вняли запрещениям перевозчиков, устроили с ними драку и отпихнули паром от берега. Тонуть он стал не только от перегрузки, но и «смятения» между пассажирами, так что команда не имела возможности «того парома порядочно и поправить».³⁰

15 июня перед следствием предстал главный виновник происшествия – сержантом Никитой Яковлевым в собственном доме был задержан Коновалов. На допросе он признался, что в день катастрофы после обеда был «немного пьян». По его словам, посадкой пассажиров занимался Ушаков, впуская их «по доске по одному» на палубу, но пьяные люди «усилившись, начали входить и самовольно», поскольку отлучился Найденов. Он сказал Ушакову, «чтоб поменьше ставил народу, что де не в омут [нам. – Е.Б.] их сажать». Одного из наиболее наглых «нелегалов» – дворового человека с. Мельничного, Исаю Дементьева – Коновалов столкнул с паром. Обиженный Дементьев, «осердясь, кинул на паром палкой и зашиб» Анисова. Работники немедленно соскочили с паромы и напали на буяна – «стали драть его за волосы». Во время драки «пропускной режим» был окончательно нарушен – на пароме оказалось много лишнего народа. Когда Анисов и Коновалов вскочили обратно, Ушаков велел отваливать от берега. На середине реки Коновалов увидел, что «в одной лодке течет вода под приборку», и сделал попытку пристать к острову, но багор до берега не достал и паром снесло в сторону. Ветер в этот момент стал крепчать, лодки наполнились водой и паром начал погружаться.³¹

Иную точку зрения приняли истцы: приказные служители помещиков, крестьяне которых погибли при переправе. Приказчик Н. П. Кашинцева сообщал, что перевозчики «в рассуждении праздничного дня были не в трезвом состоянии». Не осознавая возможных последствий, они «насажали» на паром «множественное число людей», невзирая на его «ветхость». Сами бдительные пассажиры, «усматривая возможность потопления», неоднократно обращали на это внимание и уговаривали Коновалова «несколько ссадить народу». В ответ тот легкомысленно бросил, что паром может поднять и больше. Остальные истцы также указывали на вину перевозчиков, выделяя в качестве главных причин разные факторы: «многолюдство и ветхость» паромы (приказчик Н. В. Каблуковой), «неусмотрение и пьянство перевозчиков» (приказчики Т. И. Болотникова и кн. Е. С. Борятинской).³² Подробные показания с уличением перевозчиков в явных нарушениях дали четверо крестьян: Я. П. Замуслаев (д. Горлицыно), Роман Алексеев (д. Новино), Дмитрий Савельев (д. Студенцы), Дмитрий Ефимов (д. Гриткино).³³

Первый из них напоминал, что едва паром немного удалился от берега, встревоженные пассажиры просили перевозчиков «збавить людей и для того причалить». В ответ Коновалов «избрал» их

скверными словами, обвинив в трусости: «Разве вы омуту не видали?». Алексеев подробно описал казус с течью в лодке. По его словам, случился он еще на берегу – Коновалов просил его «сесть в лодку и посмотреть, не потечет ли вода». Увидев, что лодка повреждена, он просил, чтобы перевозчики причалили к берегу для облегчения парома. За это крестьянин д. Горлицына Гаврило Тимофеев даже предложил им деньги (1 руб.), но те не послушались и, «выбравив» Алексеева, «отвалили от берега». Когда лодки наполнились водой, он вновь обратился к перевозчикам с просьбой вернуться назад, в ответ на что получил «скверную ругань» и насмешливую сентенцию об «омуте». На середине реки под водой уже оказался весь паром и Алексеев, «видев свою конечную погибель», бросился в воду и переплыл на остров. Оттуда он наблюдал за последним этапом катастрофы – паром неожиданно покачнулся, и большинство пассажиров оказалось в воде. Аналогичные показания дали Савельев и Ефимов. Отличались они лишь в деталях: по словам Савельева, во время решающего толчка люди находились по колени в воде, Ефимов и Алексеев утверждали, что вода доходила им уже до груди. По-разному они оценивали и количество лиц, оставшихся на пароме после падения: Замуслаев насчитывал 14, Алексеев – 15, Савельев и Ефимов – 17 чел. При этом все они утверждали, что причиной катастрофы оказались не ветер и волны, которые в тот момент были «средними» (лишь Замуслаев, «за страхом» погоду не запомнил). Все их показания подводили к тому, что главными виновниками происшествия являлись члены паромной команды.

Как свидетельствуют показания Алексева, часть пассажиров покинула паром еще до рокового толчка, направившись к ближайшему острову или к берегу. Остальных «смыло» водой после того, как паром неожиданно покачнулся. В воде оказались и члены паромной команды. Коновалов выплыл обратно и с помощью веревки, которую ему сбросил неизвестный, вновь взобрался на паром, где вместе с ним оказалось 15 чел., стоящих по грудь в воде. На помощь потерпевшим крушение бросились перевозчики, работавшие на отдельных лодках – Бессонов и Еременский. Первый показывал, что, услышав о катастрофе от стоявших на берегу людей, направился к парому, по пути выловивплывущего по реке живого «мужика» и мертвую крестьянку. Оставив «улов» на городском берегу, он направился к парому вместе с лодкой П. А. Еременского (который также уже успел спасти одного человека и принял в лодку фурыера

Найденова). Они перевезли на берег всех находившихся у парома людей (некоторые выплыли и сами). Бессонов переправлял их «на луговую сторону», а Еременский – на городской берег. Если Бессонов «за тогда бывшим страхом не мог упомянуть» числа спасенных, то хладнокровный Еременский указал его точно – он переправил на берег 6, а Бессонов – 12 чел. Коновалов сначала оказался на «луговой стороне», но после окончания «спасательной операции» Бессонов забрал его обратно. Едва ступив на «городской берег», они подверглись атаке Найденова – тот избил их палкой, приговаривая: «На что много [людей на паром. – *Е.Б.*] насажали?». В это время на берегу уже находился городничий и множество народа.³⁴

Часть собравшихся необходимо было переправить на другой берег, и две лодки с этим справиться были явно не в состоянии. Бессонов получил приказ поднять полузатопленный паром и приступить к работе. Вместе с помощниками (пятью десятскими и полицейским сержантом) он «отлил воду из парома», после чего работа возобновилась – до сумерек им удалось трижды совершить рейсы через Тезу. Помогали ему специально назначенные городничим унтер-офицер Степан Петров, сотский, пятидесятский и двое десятских. Они отмечали, что «по вылитии воды» поддерживавшие паром лодки оказались «твердыми» и ни одна из них течи не давала. Техническое состояние и оснастка парома, а также квалификация перевозчиков стали одним из главных вопросов, интересовавших следствие: ответственность за это должны были нести не только перевозчики, но и местные власти.

Шуйский городничий М. Н. Теприцкий сообщал, что для наблюдения за перевозом им был специально командирован фурьер Самуил Найденов. Он «словесно напутствовал» его паром не перегружать, при «большой погоде» ни под каким видом его не перевозить, никуда от переправы не отлучаться, а в случае ссоры на перевозе немедленно рапортовать ему. Найденов утверждал, что еще при первом пуске парома, едва доехав до противоположного берега, перевозчики «повредили одну из паромных лодок», так что в дальнейшем в этот день паром более не работал. Поврежденную лодку заменили новой (Бессонов приобрел ее в д. Алешеве), но и ее перевозчики вскоре «разломили, наехавши на мель». После этого в очередном рапорте (он ежедневно отдавал их вечером) Найденов доложил городничему, что перевозчики «неспособны и управлять паромом не умеют», на что получил сакраментальный ответ: «Лучше взять негде». Теприцкий полагал, что они «люди к перевозу способ-

ные и прежде его имели исправно». Содержателям было указано изыскать «способнейшие лодки», которые они получили у прежних перевозчиков «из-под старого парома». После ремонта паром успешно работал вплоть до трагического происшествия (да и после него действовал вполне исправно, при числе пассажиров до 50 чел.).³⁵

Что касается оснащения, то показания перевозчиков опровергали утверждения крестьян об отсутствии на пароме средств для вычерпывания воды (Алексеев) и спасательных лодок (Замуслаев). Еременский отмечал, что на пароме «для вылития воды была одна лейка и шайка», а по словам Бессонова, именно с помощью бывшей на пароме лодки и привезенного ведра им удалось вычерпать воду и поднять его на поверхность. Пресловутая поврежденная лодка, о которой упоминал Алексеев, как выяснилось в ходе дальнейшей работы парома, также серьезно не пострадала (хотя приказчик кн. Е. С. Борятинской свидетельствовал, что еще за неделю до происшествия имел возможность убедиться в ее «ненадежности»). 13 мая 1788 г. паром был специально освидетельствован. Он оказался «к перевозу способен, лодки под ним твердые и течи в них не оказалось». На настил были поставлены 66 рабочих, после чего паром оказался «не весьма грузен»: от борта лодок до воды «оставалась четверть и более» (20 см). Из этого был сделан вывод, что паром «и еще поднять может 6 чел. и в тихую погоду без всякой опасности перевезти». Но в случае даже небольшого волнения перевозить такое количество людей было опасно.³⁶ О численности пассажиров все участники давали разную информацию. Лица, настаивавшие на невиновности перевозчиков, давали не слишком высокие оценки: 40 чел. (шестеро спасшихся крестьян), 50-60 чел. (Егор Дмитриев), 50 чел. (Анисов). Еременский отмечал, что обычно на паром сажали не более 50 чел., но во время трагедии число пассажиров достигало 60-ти. Совсем другие цифры давали приказчики Н. П. Кашинцева (80 чел.) и Т. И. Болотникова (70 чел.). Их показания подтверждали крестьяне Савельев (80 чел.) и Замуслаев (70 чел.). Лишь приказчик Е. С. Борятинской ограничился числом в «60 с лишком» чел.

Еще одной серьезной претензией к перевозчикам было взимание с пассажиров платы, не предусмотренной условиями контракта. Найденов оправдывался тем, что жалоб на это к нему не поступало. Алексеев отмечал, что за перевоз мужчины платили по копейке или деньге (0,5 коп.), а женщины – по яйцу. Именно поэтому у выловленного из воды Ушакова обнаружено «некоторое число» денег (до

50 коп.) в бахиле и яиц за пазухой. Подтверждал этот факт и Анисов, упоминая, что плата не была фиксированной («кто что дает»), а ему самому как наемному работнику денег не доставалось. Дмитрий Ефимов также упоминал, что деньги с пассажиров брали по возможности, «а которой не дал, или не случится, то перевозили и без платы». Очевидно, плату взимал только главный перевозчик – Ушаков – когда пассажиры по сходням поднимались на настил. Жадность не пошла ему впрок – именно собранные в качестве оплаты деньги и яйца и утащили Ушакова на дно. Но в этот день многие лица, разгоряченные вином, взбирались на паром с мелководья, минуя «пропускной контроль». Именно с одним из них и случилась драка у работников. Сам Исай Дементьев уверял, что после отказа оплатить проезд его, «выбравив», столкнули с парома, а на берегу устроили экзекуцию – Коновалов схватил за волосы, а остальные «били рычагами». Он направился с жалобой к городничему, но вовремя спохватился, что без свидетеля его словам никто не поверит. Можно, однако, думать, что причиной драки оказалась вовсе не плата (которая взималась не обязательно), а стремление Дементьева попасть на паром нелегалом.³⁷

Число погибших в ходе трагедии 18 апреля точно установить невозможно. Извлеченные из воды тела, во избежание нежелательных толков, как можно быстрее стремились передать на места: Роман Алексеев на следующий день наблюдал, как городничий пытался отдать под расписку около 20 тел старостам и приказчикам окрестных помещиков, явившимся в Шую. Растерянные старосты пытались отказываться, но получив лаконичный ответ: «Как хотите, я и сам схороню», – вынуждены были подчиниться. Всего в течение 4-х дней «на погребение» было выдано 31 тело: 9 мужчин и 22 женщины. 19 апреля, явившиеся в Шую старосты и крестьяне получили 17 тел, на следующий день – еще 12 тел, оставшиеся два тела были выданы 21 и 23 апреля. Вместе с телами выдавалось и имущество (в том случае, когда его удавалось найти): крестьянин с. Дроздова Иван Григорьев получил не только тело отца, Григория Михайлова, но при нем 20 коп. денег и полпуда гречневой муки, а крестьянину д. Медвежьего Ивану Силантьеву вместе с телом жены были выдан «пещер берестяной» с 2 руб. денег.³⁸ Значительную часть тел приняли родственники: отцы (4), дядя (2), сын, муж и брат (по 1), некоторую часть – одноотчинные крестьяне (7), остальных старосты и приказчики (16). Еще один погибший – П.С. Ушаков – был похоронен на кладбище при Шуйской Троицкой

церкви. При этом извлечены были явно не все погибшие: в заявлении приказчика Т. И. Болотникова в их числе фигурирует крестьянка с. Дрозова Прасковья Никитина, тело которой в реке обнаружить не удалось. Оно так и не было найдено, в отличие от тела крестьянки д. Новина, Екатерины Андреевой – в заявлении она также обозначена, как не обнаруженная, однако тело ее было найдено на второй день и 20 апреля передано в вотчину. Впоследствии были обнаружены еще три тела – в приговоре фигурирует цифра в 35 погибших.³⁹

Заявления в уездный суд о своих пострадавших подали только приказчики Н. П. Кашинцева, Т. И. Болотникова, Н. В. Каблуковой, М. Д. Козинской, А. И. Ешиной, Т. И. Болотникова, А. А. Голенкина, кн. Е. С. Борятинской. Без внимания инцидент оставило вотчинное начальство И. Г. Полонского, казенного с. Якиманского, В. У. Болотникова, Т. П. Опухтиной, И. А. Мневского, А. И. Чуфарского. Заявления были направлены с 23 апреля (Кашинцев) по 4 мая (Голенкин). Большинство их поступило 25 апреля (Каблукова, Болотников, Ешина, Борятинская). В этих документах указывалось обстоятельства смерти и число погибших (отмечалась и стоимость утонувшего имущества). В частности, с крестьянкой д. Гриткина Авдотьей Алексеевой пропали ее «животы» (5 руб. 80 коп.), крестьянка с. Спас-Юрцева Марья Васильева утонула с деньгами (25 руб.) и холстом, а из «животов» (26 руб.) крестьян сд. Абрамова Ивана Дмитриева и Дарьи Герасимовой при них осталось только 10 руб. 20 коп.⁴⁰

Расследование велось достаточно активно. В первый раз все подозреваемые (Анисов, Бессонов, Еременский, Найденов) дали показания непосредственно в день трагедии. После прибытия следователя все они были допрошены вторично (10 мая). Это было связано с тем, что первый допрос, данный городничему, не устраивал Евреина возможной предвзятостью. Однако они упорно отстаивали версию о непричастности к катастрофе. После подачи заявлений приказчиками были сняты показания с пострадавших во время крушения парома вотчинных крестьян (Алексеев дал их 8 мая, а Замуслаев, Савельев и Ефимов – 11 мая). Позднее был разыскан и участник драки с перевозчиками, Исай Дементьев (12 мая). Большой удачей стал арест Коновалова, который объяснял, что скрываться вовсе не собирался, просто «на Троицын день» направился во Владимир на богомолье, а затем слег с больными ногами. Однако полностью картину происшествия прояснить так и не удалось. Осталось непо-

нятным самое главное: была ли течь в одной из паромных лодок во время переправы, и кто стал виновником столпотворения – перевозчики, или сами пострадавшие. Обычные процедуры следствия – священническое увещание и повальный обыск о подозреваемых – ничего не дали (28 июля повальным обыском был оправдан Анисов, 3 августа – Бессонов, Коновалов и Еременский).⁴¹ Наконец, 7 сентября 1788 г. Шуйский уездный суд постановил: Найденова, «за несмотрение и небытие» при происшествии отослать во Владимирскую комендантскую канцелярию. Перевозчики получили более жестокий урок: Еремеевского, Бессонова и Коновалова полагалось «в страх другим» высечь кнутом (а более всего – последнего). Анисова полагалось наказать только плетью. Перевозчикам в вину вменялось то, что они покинули «главный паромный перевоз», несмотря на базарный день. Коновалов был признан главным виновником происшествия – он не остановил паром, хотя видел его перегрузку.⁴² 29 декабря 1788 г. это решение было утверждено в Департаменте уголовных дел губернского магистрата, а 26 апреля 1789 г. его утвердил владимирский наместник П.Г. Лазарев. Наказание для виновников страшной трагедии следовало учинить на месте преступления: в г. Шуе у р. Тезы, «где они перевоз имели». Бессонов и Еременский должны были получить по 15, а Коновалов – 25 ударов кнутом.⁴³

Подводя итоги одной из самых трагических страниц в истории Шуи, следует заметить, что причиной гибели людей были не только внешние обстоятельства: наплыв народа, «ветхость» парома, сильный ветер и волнение на реке. Оказавший решающую роль на катастрофу «человеческий фактор» стал следствием ущербной политики казны по отношению к содержанию речного перевоза. Выделяемая откупщикам сумма была настолько мала, что не покрывала даже их материальных затрат, не говоря уж об извлечении прибыли. В результате большую часть суммы перевозчикам компенсировало городское общество, причем обе стороны стремились минимизировать затраты. Эта порочная практика и привела к вопиющим нарушениям технической безопасности: неисправности одной из лодок, малому числу команды на пароме, использованию неопытного работника, а также денежным поборам с публики, спровоцировавшей перегрузку. Не в последнюю очередь подобная ситуация была следствием появления на перевозе неопытных содержателей, что также было обусловлено малым размером суммы, выделяемой на перевоз как казной, так и городским обществом.

Несмотря на то, что изменить ситуацию коренным образом шуяне были не в силах, определенные выводы из апрельской трагедии 1788 г. были сделаны. Сравнивая контракт 1788 г. с условиями, заключаемыми перевозчиками в 1799, 1801 и 1804 гг., можно заметить некоторые важные отличия. В казенном договоре не идет речи о съеме и настиле моста и гати, но главное – перевозчики обязывались иметь свои собственные лодки «исправные и твердые», а весь ремонт осуществлять за свой счет. В более поздних контрактах зафиксирована обязанность общества поставлять содержателям любой материал, необходимый для ремонта. А в исключительных случаях горожане нанимали и работников для ремонтных работ на перевозе. Эта практика позволяла плотно контролировать техническое состояние парома, а соответственно – избегать повторения событий 1788 г. С этой же целью в договор были введены условия о съеме моста и гати, что должно было минимизировать расходы перевозчиков на ремонт этих сооружений, съедавшие большую часть заработанной ими суммы. Возможно, следствием пасхальной катастрофы стало и введение в договор условий о квалификации и «трезвости» рабочих на перевозе.

¹ Черненко Д.А., Голубинский А.А., Хитров Д.А.. Город Шуя в межевых описаниях конца XVIII века: сведения о городском хозяйстве // <http://www.opentextnn.ru/history/histgeography/?id=6976>

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 83. Оп. 5. Д. 16. Л. 12 об.-13.

³ Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 13-13 об.

⁴ Там же. Д. 23. Л. 3.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 4 об., 5 об.

⁶ Там же. Д. 4. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 55 Л. 1 об.

⁸ Там же. Д. 62. Л. 4 об.

⁹ Там же. Д. 75. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 90. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 98. Л. 1 об.

¹² Там же. Л. 1 об.-2.

¹³ Там же. Д. 108. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 113. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 5 об.

¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 55. Л. 1 об., 3 об., 5 об., 9 об.

¹⁸ Там же. Д. 75. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Д. 90. Л. 2.

²⁰ Там же. Д. 98. Л. 2, 4 об.

²¹ Там же. Д. 75. Л. 5.

²² Там же. Д. 98. Л. 1 об.

²³ Там же. Д. 113. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 4. Л. 5 об.; Там же. Д. 22. Л. 6; Там же. Д. 40. Л. 3 об.; Там же. Д. 55. Л. 2 об., 8 об.; Там же. Д. 62. Л. 2 об.; Там же. Д. 75. Л. 3 об.; Там же. Д. 90. Л. 2, 15 об.; Там же. Д. 108. Л. 5; Там же. Д. 113 Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 42. Л. 11 об.-12, 34 об.-35, 45 об.-46, 46 об.-47.

²⁶ В шуйской обывательской книге 1794 г. отмечен только Бессонов: он «записался в мещанство из бегов», занимался портняжным ремеслом и несколько лет прослужил «в магистрате и в Думе в рассыльщиках» // Там же. Д. 42. Л. 7 об.-8.

²⁷ Согласно обывательской книге 1794 г., он имел ремесло «кирпичника» и в течение года исполнял должность сотского // Там же. Л. 16 об.-27.

²⁸ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 271. Л. 1-2, 4-5 об.

²⁹ Там же. Л. 6-7.

³⁰ Там же. Л. 8-13 об.

³¹ Там же. Л. 103-104.

³² Там же. Л. 18-18 об., 20-20 об., 22-22 об., 26-26 об.

³³ Там же. Л. 63-64, 75-78.

³⁴ Там же. Л. 65-70.

³⁵ Там же. Л. 60, 65-65 об., 90-91 об.

³⁶ Там же. Л. 81-81 об.

³⁷ Там же. Л. 79-79 об.

³⁸ На Григория Михайлова было получено две расписки – 19 числа тело принял сын, а на следующий день – староста Яков Васильев.

³⁹ Там же. Л. 38-45.

⁴⁰ Там же. Л. 18-31.

⁴¹ Там же. Л. 105, 110-123 об.

⁴² Там же. Л. 148 об.-149 об.

⁴³ Там же. Л. 189-190.

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

ШУЙСКИЙ МНОГОДЕТНЫЙ ОТЕЦ XVIII В. ФЕДОР ВАСИЛЬЕВ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Легендарный многодетный отец Федор Васильев, происходивший из с. Введенского Шуйского уезда, давно вошел в число самых известных фигур нашего края, не слишком богатого яркими личностями. На просторах Интернета можно отыскать огромное количество статей и материалов о нем. Недавно даже поступило предложение о возведении памятника этому «плодовитому земляку», который «мог бы стать хорошим примером для ивановских отцов» и «повысить туристическую привлекательность региона».¹ В десятках статей даются самые разнообразные сведения о Васильеве, не гово-

ря уж о его двух женах. Ведь в книгу рекордов Гиннесса попал не сам многодетный отец, а первая из жен, родившая ему 69 детей, под именем «госпожи Васильевой»: ее действительное имя так и осталось неизвестным.² Несмотря на указание всемирно известной книги, что «для женщины не исключаются 27 беременностей в течение ее фертильных лет», остаются серьезные вопросы относительно признания правомерности этого рекорда. Прежде всего, согласно «первоисточнику», к 1782 г. 83 ребенка из 87 оставались в живых. Учитывая огромное количество многоплодных беременностей: 4 четверни, 7 троен, 16 двоен от первой жены, 2 тройни и 6 двоен от второй – такая выживаемость представляется фантастической. Нужно сказать прямо, что учитывая тяжелые условия протекания беременности и полное отсутствие медицинского обслуживания, подобная рождаемость и выживаемость являет собой невероятный феномен, к разгадке которого мы постараемся приблизиться.

Прежде всего, следует обратиться к источникам. Кочующий из заметки в заметку текст принадлежит перу известного русского историка И. Н. Болтина, опубликовавшего в 1788 г. двухтомный труд: «Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка». К тому времени издание 6-томного труда Никола-Габриэля Леклерка было еще не закончено (1783-1794 гг.), но вызвало резкую критику со стороны российской элиты (включая императрицу Екатерину II). Опровергая положение француза, что «всякий народ, находящийся в рабстве, или кочевой, не может быть никогда плодороден, доказательством тому – Россия», Болтин приводил данные ревизий, свидетельствующие о неуклонном росте населения, завершая экскурс «примером частного плодородия». «В присланной к переписи ведомости в Московскую губернскую канцелярию из Шуйского уездного суда 1782 года, февраля 27 дня показано, что того ж уезда экономического ведомства бывшего владения Николаевского монастыря что на речке на Каширке, у крестьянина Федора Васильева, которому от роду 75 лет, было две жены, с коими прижил он детей: с первою 27 брех, в коих были 4 четверни, 7 тройни, 16 двойни, с другою женою 8 брех, в которых были 2 тройни, 6 двойни, итого 18 чел., всего же имел он с обеими женами детей 87 чел., из коих померло 4, а ныне налицо в живых 83 чел.»³ Аналогичный текст воспроизвел историк петровского времени И. И. Голиков в последнем томе «Дополнений к деяниям Петра Великого».⁴

Для составителей «Книги рекордов» более авторитетным послужил другой источник: в одном из номеров за 1783 г. известней-

шого британского журнала «The Gentleman's Magazine», доставлявшего своим читателям новости и комментарии практически на любую тему, появилась заметка о письме из Санкт-Петербурга от 13 августа 1782 г., в котором рассказывалось о Федоре Васильеве (Т. 53. С. 753). Согласно данным корреспондента, 75-летний Васильев находился в добром здравии в «правительстве Москвы» (имеется в виду Московская губернская канцелярия). Из его 87-ми детей умерло лишь трое (здесь расхождение с данными Болтина), и в скором времени крестьянин должен быть представлен к императрице. Автор призывал доверять сообщению, «каким бы удивительным оно не было», поскольку сведения эти содержались в частном письме английского торговца из российской столицы к его родственникам на Туманный Альбион. Для читателей журнала эта ссылка выглядела весьма убедительно, но современный исследователь вряд ли может удовлетвориться этим анекдотом, все сведения в котором (кроме представления Васильева Екатерине II) восходят к тексту донесения, цитируемого Болтиным. «Книга рекордов» ссылается еще на одного автора – издателя 3-томной «Панорамы Санкт-Петербурга» А. П. Башуцкого,⁵ но его текст слово в слово повторяет сведения Болтина, разве что с очередной ошибкой – количество выживших детей уменьшается до 82-х.

Длительное время этими источниками сведения о шуйском феноменальном отце и его героических женах исчерпывались. Так было до появления «родословной Федора Васильева» у шуйского энтузиаста Владимира Петровича Бабайкина. Этому документу посвящены две обширные публикации в шуйской газете «Местный спрос».⁶ В них автор ссылается на «документально обоснованную родословную» Федора Васильева, отыскавшуюся на Урале у краеведа-любителя В. Н. Казанского. К последнему документ попал от владимирского краеведа А. В. Лисицына. Впрочем, он осуществлял лишь «окончательную шлифовку генеалогического древа», а составителем его стал учитель истории Захарьинской школы, которому «на глаза попались заметки» семинариста Александра Васильевича Широкогорова, сына настоятеля Введенской церкви с. Введенского, сделанные в 1870 г. Именно он «обрисовал начальные контуры семейного древа Васильевых», якобы используя архивы «Введенской церкви и Николо-Шартомского монастыря». Эти сведения представляются весьма логичными, вплоть до столкновения с фактами. Василий Григорьевич Широкогоров действительно был настоятелем Введенской церкви с 19 мая 1869 г. вплоть до смерти 12 октября

1910 г. Вот только сын Александр родился у него 18 июня 1886 г. и заметки о Васильеве мог оставить не ранее начала XX в.⁷ Между тем в архиве Введенской церкви, согласно справочному изданию 1898 г., копии метрических книг имелись только начиная с 1803 г., а исповедных ведомостей – и вовсе с 1829 г.⁸ Что касается архива Шартомского монастыря, то за период с 1722 г. он сохранился практически полностью, поступив 23 марта 1923 г. в Иваново-Вознесенский губернский архив.⁹ Но никаких сведений о замечательном крестьянине в монастырских документах не имеется.

Родословная А. В. Лисицына уточняет целый ряд фактов биографии Федора Васильева. В ней даются его годы жизни (1704-1790 гг.), место жительства – с. Введение, а также имя второй жены Васильева – Анна, происходившей якобы из с. Мельничное. После секуляризации монастырских земель Екатериной II (1764 г.) попавший в число «экономических» крестьян Васильев якобы, перебрался на новое место жительства – хутор Куфрино близ д. Желтоносово. Родоначальником ветви Васильевых, удостоившейся составления родословной, стал сын Федора Алексей (р. 1743 г.), якобы переданный на воспитание в д. Теплинцево крепостному крестьянину помещицы А. Г. Плаутиной. Собственно, начиная с него, родословная сомнений не вызывает. Можно принять и его связь с желтоносовскими крестьянами Николаем, Михаилом, Гавриилом и Андреем Федоровичами. А вот тождество их отца, Федора Васильева, со своим тезкой, получившим известность в 1782 г. – представляется весьма сомнительным. Прежде всего, неясным остается исчезновение остальных 78 детей из огромной семьи Васильевых – сведения о них у составителей родословной начисто отсутствуют.

Между тем, подтверждение основных фактов биографии отца-феномена с помощью документов XVIII в., на первый взгляд, представляется делом весьма несложным. Исследователям хорошо известно, что в этот период проводились регулярные переписи населения с целью внесения налогоплательщиков в государственный кадастр. Естественно, не обошли они стороной и крупнейшую вотчину Шуйского уезда, принадлежавшую Николо-Шартомскому монастырю. Ее описание вошло в писцовые книги А. И. Векова 1627-1630 гг.,¹⁰ переписные книги кн. С. В. Клубкова-Масальского 1646 г.,¹¹ Д. И. Гурьева 1677 г.,¹² А. О. Теприцкого 1685 г.¹³ В июне 1710 г. староста монастырской вотчины М. И. Карпов вместе с попами Василием Ивановым и Федором Ивановым подали сказки о количестве населения стольнику Д. И. Рудину.¹⁴ В августе 1715 г. мона-

стырская вотчина попала в переписные книги по уезду ландрата А. Ф. Татищева.¹⁵

В дальнейшем был введен учет населения по ревизским сказкам. I-я ревизия стартовала по указу от 26 ноября 1718 г. и продолжалась в течение шести лет, коснувшись Шуйского уезда и вотчин Николо-Шартомского монастыря в 1722 г.,¹⁶ а II-я добралась до шуйских вотчин монастыря в 1744 г.¹⁷ Если эти описания учитывали только мужское население, то последние следующий три ревизии включали в свою орбиту и женщин. Ревизскую сказку III-й ревизии подали в июле 1762 г. старосты с. Пупков Иван Дементьев и с. Королятина Федор Никитин, вторую сказку – старосты с. Чернец Афанасий Данилов и д. Тимофеевки Петр Афанасьев.¹⁸ Здесь следует заметить, что в ходе частичной секуляризации церковных земель Петром I в 1710 г. часть вотчин Шартомского монастыря попала в число «заопределенных», доход с которых шел в государственную казну.¹⁹ Вследствие этого все монастырские вотчины уезда были поделены на четыре трети: Пупковскую, Калачевскую, Новую (Нововолостную) и Чернецкую, причем две последних оказались подчинены государственной Коллегии экономии.²⁰ Поэтому ревизские сказки III-й ревизии были поданы отдельно от «монастырских» крестьян (Пупковской и Калачевской третей) и отдельно – от «экономических».

После общей секуляризации монастырских вотчин 1764 г. в ведомство Коллегии экономии попали все крестьяне Николо-Шартомского монастыря. Ревизские сказки IV-й ревизии были поданы в мае 1782 г. старостой д. Мизгина И. А. Шутовым (Пупковская треть), старостой д. Гриткина Н. А. Маркеловым (Чернецкая и Нововолостная трети), и в июне 1782 г. старостой с. Калачева А. Г. Шикиным (Калачевская треть).²¹ Ревизские сказки V-й ревизии подавались в июне 1795 г. старостой с. Пупков Л. А. Павликовым (Пупковская треть), д. Захарова В. П. Елховым (Чернецкая треть), д. Кошечева Я. И. Полонским (Нововолостная треть) и д. Семьинова М. Б. Синицыным (Калачевская треть).²² В Пупковскую треть входили два села под монастырем – Пупки и Введенское, а также деревни Мизгино, Семухино, Жаворонково, Поповка и осадный двор монастыря в шуйской «осыпи». К Калачевской относились, кроме села Калачево и сельца Королятино, деревни Слободка и Семьиново. Чернецкую треть составляли село Чернцы и деревни Иваково, Семьиново, Захарово, Поповка, Трясцыно, Гриткино и Ярумино. Нововолостаная треть включала в себя часть с. Пупки, а также де-

ревни Кошеево, Мирково, Тимофеевка, Бородино, Толчково, Гумнищи, Нефедьево и Кожевниково. Как видим, между разными «третьими» оказалось разделено не только село Пупки, но также деревни Поповка и Семьиново. Часть их в 1710 г. осталась во владении монастыря, а часть – была причислена к Коллегии экономии.

Словом, количество источников по демографии вотчины Николо-Шартомского монастыря является вполне достаточным, чтобы полностью реконструировать историю семьи Федора Васильева на протяжении XVII-XVIII вв. Этому не может помешать неполнота некоторых из них. Переписные сказки 1722 и 1744 гг. дают сведения только о мужском населении, причем в более раннем документе значительная часть текста «угасла» и просто не читается. Поля ревизских сказок 1762 г. сильно повреждены гниением, и небольшая часть текста на них утрачена. Сказка Калачевской трети 1795 г. включает сведения только о крестьянах села, ее часть с перечислением деревенского населения утрачена. Но оставшиеся источники достаточно полны и разнообразны. Сказки, поданные в 1710 г., включают сведения обо всех жителях двора с указанием возраста. В их число могли входить не только дети хозяина (с семьями), но и их прямые родственники: племянники, зятья, снохи: «Во дворе Василей Матфеев сын Кузнец, 55 лет, у него жена Ирина Андреева дочь, 54 лет, у него сын Петр, 25 лет, жена его Ирина Петрова дочь, 24 лет, у них сын Иван, 2 лет, племянник Григорей Иванов, 30 лет, у него жена Марья Иванова, 34 лет». Учет велся по дворам: после сведений о наличном населении перечислялись пустые дворы с указанием причины выбытия хозяина (уход в солдаты, бегство, смерть): «Дворовое место Петра Юрьева, бежал з женою и з детьми в 1708-м году». Итог подводился указанием общего числа «бестягольных дворов»: «Да в том же селе Пупке салдацких одинатцать дворов, а в них живут матери, сестры и жены их бес тягла». При этом значительное количество деревень было показано с пометой «а ныне пустошь» и указанием хозяев пустых дворов и причиной «запустения». В это число попали 33 деревни, лишь две из которых (Зименки и Дворищи) позднее ненадолго возродились.

У казны имелись определенные основания сомневаться в полноте этих сведений, в связи с чем и была проведена ландратская перепись 1715 г. В ней при сохранении формуляра, мы находим еще более подробное описание населения: «Во дворе Мелентей Афонасьев сын Щепетинников, 47 лет, у него жена Вера Семенова дочь, 39 лет, у них дети: дочь Парасковья, 9 лет, Дарья, 5 лет, Анна, 4 лет, у

него сноха вдова Анна Васильева дочь Федоровская жена Афонасьева, 44 лет, у нее дети дочь девка Парасковья, 7 лет, сын Назар, 3 лет». Подробно описаны были на сей раз дворы «солдатских жен», попавшие в категорию «избенки» (23 двора – 3 чел. м.п., 32 чел. ж.п.). «Избенки вдовы Ирины Павловы дочери Дементьевской жены Иванова, у нее дети: дочь девка Василиса, 9 лет, Овдотья, 7 лет, а муж ее в 1710-м году умре в Санкт-Питербурхе в работниках, а кормятца миром». Отдельного описания удостоились «нищетки» дворы, хозяйки которых потеряли кормильцев не на государственной службе (12 дворов – 26 чел. ж.п.). «Двор нищей вдовы Домны Ивановы дочери Семеновской жены, а она Домна 67 лет, у нея сын Петр Семенов в бегах, дочь девка Овдотья, 10 лет, кормитца миром». Всего по итогам переписи в монастырской вотчине оказалось 225 жилых дворов, в которых проживало 808 чел. м.п. и 804 чел. ж.п. Эти итоги сильно уступали численности населения, обозначенной в переписных книгах 1685 г.: согласно им, за монастырем значилось 446 крестьянских и бобыльских дворов (1219 чел.), 9 «нищих» дворов (24 чел.), а также 54 двора «служных» людей и казенных ремесленников (106 чел.). Исходя из того, что в данной переписи учитывались лишь лица мужского пола, к 1715 г. мы наблюдаем сокращение численности населения монастырских вотчин на 40%.

Следующие две переписи включают только жителей мужского пола. Особенное внимание уделялось лицам, прежде не положенным в подушный оклад: «Умершего, написанного в прежнюю перепись Петра Васильева дети: написанный в прежнюю перепись Иван, 35 лет, в прежнюю перепись не положенный в подушной оклад Михайла, 25 лет. У Ивана дети, после переписи рожденные: Иван, 17 лет, Тихон, 9 лет, Григорий, 6 лет». Женщины не указывались даже в том случае, когда являлись фактической хозяйкой двора (принцип учета хозяев двора применялся при всех прежних переписях): «Умершего написанного в прежнюю перепись Якова Васильева сын, после переписи рожденный, Василий, 13 лет». Впервые вводился учет крестьян, покинувших прежнее место жительства: «Перешедший того ж Шуйского уезду оной же вотчины из деревни Кошчеева, написанный в прежней переписи в той деревне Кошчеев, Иван Козьмин, 50 лет. У него сын, при прежней переписи не положенный в подушной оклад, Иван, 25 лет». Попадали в перепись также приемные и незаконнорожденные дети: «Приимыш Лукоян Иванов, 10 лет, а отец его Иван Васильев в прежнюю перепись написан той же вотчины в деревне Захарове»; «После переписи не-

законнорожденный Николай Дмитриев, 13 лет». В этой переписи отмечены даже близнецы: «Петр Гаврилов, 33 лет. У него дети, после переписи рожденные: Григорий, 10 лет, Александр, 10 лет, близнецы, Петр, 7 лет». В 1722 г. в монастырской вотчине оказалось 1169 человек м.п., причем в итоговой ведомости они распределены по возрастным промежуткам: до 20-ти лет – с 5-летней градацией, затем – с 10-летней. В первой группе первенство принадлежало младенцам до 5-ти лет – 177 чел., во второй – мужчинам от 30-ти до 40-ка лет (140 чел.). К 1748 г. число мужского населения несколько уменьшилось, составив 1138 чел.

Начиная с ревизии 1762 г., применялся единообразный формуляр, вводивший две графы: возраст фигуранта по прежней переписи и по новой ревизии. В случае его выбытия причина указывалась в графе между ними. Теперь ревизии учитывали не только женское население, но и обязательно – его происхождение (это касалось жен). Указывались в новом формуляре и причины убыли населения, как мужского (уход в рекруты, смерть, перевод в другое селение, приписка к иному сословию), так и женского (смерть, выдача в замужество). «Василей Васильев, 58 лет. Его жена Ульяна Иванова, 41 году, взята Суздальского уезду вотчины Ивана Данилова сына Чавкина из села Кохмы по отпускной. У них дети: написанный в последнюю ревизию Григорий, 29 лет, рожденные после ревизии Иван, 19 лет, Андрей, 16 лет, Анисья, 9 лет. Дочь Афимья, 25 лет выдана в замужество Суздальского уезду вотчины вдовы Федосьи Андреевны Шереметева в село Горицы. У Григорья жена Анна Иванова дочь, 26 лет, старинная той вотчины. У них дети, рожденные после ревизии, Иван, 8 лет, Дмитрий, 30 недель». Таким образом, обосновывался факт выбытия любого лица. Скрыться от переписи было затруднительно даже одному человеку, не говоря о большом семействе.

Согласно ревизии 1762 г., в монастырских вотчинах проживало 1020 чел. м.п. и 1088 ж.п. К 1782 г. численность населения несколько увеличилась – до 1043 чел. м.п., 1220 чел. ж.п. По ревизии 1795 г. не сохранилось данных по трем селениям. В описанных селениях оказалось 911 м.п. и 1087 ж.п. Принимая для оставшихся населенных пунктов данные прежней переписи, получим 1045 душ м.п. и 1242 ж.п. Данные ревизий свидетельствуют также о сокращении числа поселений в вотчине: между 1748 и 1762 гг. исчезли 7 деревень – Кошелево, Хлябово, Выгузово, Зименки, Возмихово, Малое Ярунино, Дворищи. Причем первые три имели в 1744 г. весьма

внушительное мужское население (45, 39 и 36 чел.). Итак, анализ динамики численности монастырского населения в течение конца XVII-XVIII вв. свидетельствует, что после резкого падения на рубеже веков (вызванного значительным усилением налогового гнета и регулярными наборами на армейскую и казенную службу), население вотчины делает внушительный скачок к началу 1720-х гг., практически восстановив прежнюю численность. Но после этого рост мужского населения вотчины практически прекращается. Женское население в течение последней трети XVIII в. вырастает тоже не слишком внушительно – на 14%. В этих условиях появление «отца-феномена» представляется явлением еще более удивительным.

Общепринятым является представление, что массовое получение фамилий крестьянами приходится на последнюю четверть XIX в. Но вотчина Николо-Шартомского монастыря в этом отношении представляет собой определенный феномен. В переписи 1715 г. в селах Пупки и Введенское хозяева 30 дворов уже имеют фамилии и лишь в 16 дворах фамилии у них отсутствуют. Зато в остальной части вотчины фамилий почти не встречается. Этот факт имеет вполне рациональное объяснение: большая часть населения «подмонастырных» сел представляла собой «служебников» и казенных ремесленников монастыря. В следующих переписях фамилии исчезают, но уже в ревизских сказках 1782 г. все крестьяне поголовно имеют собственные фамилии. В случае их отсутствия имеется специальная помета: «Дмитрий Петров, 62 лет, а прозвания ему нет». Ряд фигурантов переписи имели даже двойные «прозвания»: Останин-Шухов, Шапошников-Шуров, Груздев-Новожилов. Поскольку почти все фамилии 1715 г. имеют аналогии в 1782 г., можно утверждать, что они имели достаточно устойчивый характер, но в переписных документах до IV-й ревизии не фиксировались.

Таким образом, Федор Васильев должен был иметь и фамилию. Вот только сплошной поиск в переписных книгах и ревизских сказках XVIII в. не позволил обнаружить в вотчине Николо-Шартомского монастыря ни одного лица с подходящими данными. Единственным «кандидатом» на роль многодетного отца можно признать крестьянина д. Жаворонково Федора Васильевича Яровицына. Он родился он в 1715 г., потерял первую жену, от которой имел дочь Стефаниду (р. 1732 г.) и сына Андрея (1739-1758 гг.). Вторая жена – Мария Михайловна – оказалась ровесницей дочери (р. 1732 г.). Еще один Федор Васильевич, родившийся в 1715 г. и проживавший в д. Выгузово – потомков не имел. Таким образом,

Федор Васильев с обозначенными поисковыми данными никогда не проживал в вотчине Николо-Шартомского монастыря в XVIII в. В связи с этим возникает резонный вопрос об источнике Болтина. Он, как мы помним, ссылается на некую «присланную к переписи ведомость Шуйского уездного суда» от 27 февраля 1782 г. Но ревизские сказки «экономической вотчины» Шартомского монастыря были поданы только в мае-июне. В журналах Шуйского уездного суда никаких следов цитируемого Болтиным донесения в Московскую губернскую канцелярию не осталось. Мало того – из судебных журналов выясняется, что указ о проведении новой ревизии с императорским манифестом был получен в суде только 30 января 1782 г.²³ Месячный срок для предоставления «переписной ведомости» представляется просто нереальным.

Авторы родословной Федора Васильева, оказавшейся у В. П. Бабайкина свидетельствуют, что его потомки проживали на хуторе Куфрино и в д. Желтоносово. Вот только эта деревня, хотя и располагалась рядом с Введенским (относилась к его приходу), никогда не входила в монастырскую вотчину. В 1774 г. она принадлежала помещицам А. М. Завесовой и пяти родным сестрам Сабуровым – Александре, Анне, Евдокии, Елене и Марии Михайловне.²⁴ Никаких следов многочисленного потомства Федора Васильева в этой деревне также не обнаруживается. Но в ревизских сказках VII-й ревизии по д. Желтоносово, поданных наследниками прежних владельцев А. К. Завесовым (март 1816 г.) и Д. А. Сеченовым (январь 1817 г.), никаких сведений о потомках Федора Васильева не обнаруживается, да и вообще фигурирует всего 15 человек м.п. и 11 ж.п.²⁵

Согласно переписи монастырской вотчины 1748 г., по 5 сыновей имели двое крестьян – Григорий Павлов из д. Захарово (старший Никита родился в 1733 г., младший Осип – в 1744 г.) и введенский крестьянин Яков Васильев (старший Семен родился в 1720 г., младший Григорий – в 1741 г.). Превзошел их лишь Алексей Матвеев из д. Гриткино, имевший 6 сыновей: 14-летнего Кирилла, 12-летнего Григория, 11-летнего Василия, 3-летнего Петра, годового Ивана и полугодового Петра. Самым старым отцом оказался крестьянин д. Выгузово Иван Гаврилов: сын Семен появился, когда ему было 57 лет, братья-близнецы Симон и Петр – когда Ивану исполнилось 69 лет, а Афанасий стал подарком отцу на 74-летие. Наибольший разрыв между братьями демонстрируют дети королятинского крестьянина Игнатия Данилова: старший Василий родился в 1704 г., а младший Иван – в 1730 г. Аналогичный 26-летний раз-

рыв – у сыновей крестьянина с. Пупки Степана Иванова: 43-летнего Федора и 17-летнего Михаила. Самым молодым отцом оказался крестьянин д. Семьиново 18-летний Алексей Семенов, сыну которого Григорию уже исполнилось 4 года. Но наряду с ним встречается настоящий феномен: согласно данным переписи, у 32-летнего крестьянина д. Гриткино Карпа Григорьева имелся 25-летний сын Михаил. Впрочем, появление 7-летнего отца скорее, относится не к биологическим, а к канцелярским феноменам – возраст сына был записан со слов, поскольку в прежнюю перепись он не попал по небрежению. В переписи же 1782 г. нам удалось выявить всего две семьи с большим количеством детей. Крестьянин д. Ярумино Ф. И. Коровин 43 лет имел 5 дочерей (возраста 18, 17, 15, 8 и 2 лет), а также четырех сыновей (возраста 23, 20, 12 и 5 лет). Крестьянин с. Введенского А.Г. Боровихин (1709-1779 гг.) также был отцом 9 детей: сыновей Степана (р. 1741), Василия (р. 1743), Афанасия (р. 1746), Василия (р. 1755) и Агапа (р. 1758), дочерей Параскевы (р. 1743), Марии (р. 1745), Анны (р. 1756) и Ирины (р. 1757).

Таким образом, реальность феноменального отца из вотчины Николо-Шартомского монастыря Шуйского уезда оказывается под большим вопросом. Источник сообщения английского торговца, попавшего в известный британский журнал и русского историка Болтина, – несомненно, один и тот же. Причем он явно имел письменный характер – именно благодаря неточному прочтению речка Шартма превратилась у Болтина в «Каширку». Вот только происхождение его из Шуйского уездного суда вызывает определенные сомнения. Возможно, сведения об этом таинственном донесении отложились в архиве Московской губернской канцелярии. Поиски продолжаются...

¹ Ивановская газета. – 2019. – 28 марта.

² <https://www.guinnessworldrecords.com/world-records/most-prolific-mother-ever>

³ Болтин И.Н. Примечания на историю Древние и нынешние России г. Леклерка. Т.2. – СПб., 1788. – С. 324-325.

⁴ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т.18. – М., 1797. – С. 461.

⁵ Баицуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга. Т. 1-3. – СПб., 1834.

⁶ Бабайкин В.П. Потомок Федора Васильева обнаружен во Введении // Местный спрос. 15 октября 2013 г.; Он же. Рекордсмен мировой книги рекордов Гиннеса – непревзойденный бренд Шуйской земли // Местный спрос. – 2018. – 18 сентября.⁷ Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. – 1918 г.) / Сост. О.И. Захарова. – Иваново: ИвГУ, 2003. – С. 221-222.

⁸ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. – Владимир, 1898. – С. 79.

- ⁹ Касаткин В.В. Монастыри, соборы, и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX в. Ч. 1. – Владимир, 1906. – С. 123–127; Архивы во Владимирской губернии. Т. 1. Вып. 1. – Владимир, 1916. – С. 94; Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 26. Л. 21, 25, 26, 30, 34, 37.
- ¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11329. Л. 203 об.-240.
- ¹¹ Там же. Д. 11330. Л. 172-218 об.
- ¹² Там же. Д. 11324. Л. 138-167 об.
- ¹³ Там же. Д. 464. Л. 168-223.
- ¹⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 469. Л. 63-101.
- ¹⁵ Там же. Д. 470. Л. 177-232 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 4242. Л. 145-169 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 4143. Л. 21-69.
- ¹⁸ Там же. Д. 4145. Л. 223-279 об.
- ¹⁹ Смолич И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. – М.: Православная Энциклопедия, 1997. – С. 270.
- ²⁰ ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 145-152 об.; Там же. Д. 4. Л. 217.
- ²¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 301. Оп. 5. Д. 172. Л. 1-123 об., 167-196 об.
- ²² Там же. Д. 245. Л. 71-173 об.
- ²³ ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 80. Л. 49 об.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 1157. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.
- ²⁵ ГАИО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 17. Л. 64 об.-66; Там же. Д. 39. Л. 636-639.

Н. В. ЦИКУЛИНА
(г. Кохма)

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА «ИВАНОВО-НОВКИ». СТАНЦИЯ КОХМА (К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ)

Неподалеку от города Кохмы есть железнодорожная станция Кохма. В 2018 г. ей исполнилось 150 лет. И хоть само здание до наших дней не сохранилось, более ста лет оно верой и правдой служило людям. 15 сентября 1868 г. газета «Владимирские губернские ведомости» сообщала читателям о торжественном открытии Шуйско-Ивановской железной дороги («Иваново-Новки»).

Некоторое время спустя в газете «Старый Владимирец» появилась заметка о том, что происходило на станции Кохма накануне этого важного события: «... Господин инженер-генерал-лейтенант барон Дельвиг с другими инженерными чинами и строителями дороги, проезжая по всей линии для освидетельствования исправного состояния ее, прибыли и на станцию Кохма. Здесь они встречены были от купечества и крестьянского общества с хлебом-солью, при-

чем хором певчих, проживающих в селе Кохме, Шуйских 1-й гильдии купцов братьев Ясунинских исполнен был народный гимн «Боже, царя храни!» Вслед за тем живущий там Шуйский мещанин Иван Григорьев Щербаков пожертвовал для вокзала большую икону Рождества Христова и еще прежде того поднес строителям железной дороги икону Святого Благоверного Великого князя Александра Невского. Потом начались тосты за здоровье Государя Императора и всего царствующего Дома, за Министерство путей сообщения, за учредителей и строителей дороги, за жертвователя икон И. Г. Щербакова, причем одним из членов комиссии высказано было несколько приветственных слов г-ну Щербакову с выражением признательности за его приношения. Последний тост был за кохомское купечество. Во все это время певчие пели многолетие, при громких криках «Ура!» многочисленного народа, собравшегося по этому случаю к вокзалу. Торжество было самое одушевленное, да и нельзя не радоваться такому великому для нас делу, как устройству железного пути, столь необходимого и полезного для фабрикации здешнего края, путь этот много доставит выгод скорым и удобным сообщением с местами сбыта мануфактурных произведений здешних и приобретения необходимых материалов для производства их».

И еще немного истории. Вспомним события, предшествовавшие торжественному открытию железной дороги. 9 мая 1867 г. была утверждена концессия на строительство железной дороги от Новок до села Иванова через Шую. Общество, получив разрешение на концессию по строительству дороги, представило залог – 180 000 рублей. Общий капитал акционерного общества составлял более 7 млн. рублей.

Дорога строилась в течение одного года. 20 июля 1868 г. правление общества «Шуйско-Ивановская железная дорога» известило акционеров о состоянии работ по строительству дороги: «Всего произведено земляных работ в объеме 222 825 куб. сажень. Производится каменная кладка опор железного моста через реку Уводь отверстием 47 сажень. Станционные здания в основном построены, заканчивается их отделка. Производится укладка путей станций Ивановской и Шуйской, уложено 9 верст главного пути. На всем протяжении линии установлены телеграфные столбы с изоляторами».

24-25 июля все работы по сооружению дороги были осмотрены министром путей сообщения, который проехал в поезде по уже го-

товому пути Шуйско-Ивановской железной дороги от места соединения ее с Нижегородской линией до моста через реку Уводь на 11 версте. 5 сентября в 5 часов вечера 1868 г. в Шую из Новок прибыл первый пробный поезд, а 15 сентября совершилось событие, давно всеми ожидаемое, – открытие Шуйско-Ивановской железной дороги.

«С экстренным поездом, – писали газеты, – в 10 часов на станцию Московско-Нижегородская дорога Новки прибыли его Высокопреосвященство Антоний, архиепископ Владимирский и Суздальский, его Превосходительство владимирский губернатор В. Н. Струков, владимирский губернский предводитель дворянства граф Н. Н. Апраксин, инженер, генерал-лейтенант барон Дельвиг, а также строители дороги: гг. Горбов, Мамонтов, Бусурин, Ридель с приглашенными ими гостями. Сюда же прибыл с депутацией от граждан Вознесенского посада посадский голова, почетный гражданин С. Н. Гарелин. В палатке на платформе Новской станции совершено было молебствие при многочисленном собрании местных жителей. По окончании молебствия высокопреосвященный окропил путь и все вагоны святой водой.

То же самое происходило на всех станциях до Ивановской, и на каждой из них поезд встречен был многочисленной толпой народа с восторженными криками. На Ивановской станции волостной старшина Дарвинский встретил строителей с хлебом, солью от всего ивановского общества. После обычного молебствия гг. строителями был дан роскошный обед в здании, принадлежащем вокзалу. В числе гостей были: вице-директор департамента мануфактур и торговли д.с.с. Ермаков, академик М. П. Погодин, секретарь американского посольства г. Куртин, г. Полетика и другие».

2 ноября 1868 г. Министерство путей сообщения доложило министру финансов: «По освидетельствованию особой технической комиссией 14 сентября с. г. Шуйско-Ивановской дороги, оказалось возможным открыть по ней постоянное движение, что и последовало 16-го того же сентября».

В отчете правления общества «Шуйско-Ивановская железная дорога» указано, что с 16 сентября по 1 ноября 1868 г. провезено 15 023 пассажира, выручено за провоз их и за 3958 пудов багажа 10 820-50 руб., за провоз разного груза – 19 450-90 руб.

В объявлении в газете «Владимирские губернские ведомости» от 19 октября сообщалось, что «согласно предписанию почтового департамента от 30 сентября № 14760, по Шуйско-Ивановской же-

лезной дороге, идущей от Новкинской станции, с 20 октября 1868 г. будет начато ежедневное отправление почты с пассажирскими поездами в г. Шую и Вознесенский посад».

Подвижной состав дороги в первый год ее эксплуатации составлял: 14 паровозов, 28 пассажирских и 170 товарных вагонов. За первый год эксплуатации, т. е. за 1869-й, по дороге было перевезено 123 460 пассажиров и 4 311 619 пудов грузов. Через год подвижной состав на линии Новки - Иваново уменьшился на 50%, излишек оставили в запас».¹

Одним из первых станционных смотрителей на станции Кохма был Сергей Виноградский, который в 1879 г. был переведен в Шую, а на его место перемещен сортировщик Иван Гусев из Иваново-Вознесенска. По сведениям Ольги Мохоновой, на станции Кохма в конце позапрошлого века работали двое ее родственников. Это Василий Владимирович Белороссов (телеграфист?) и Михаил Иванович Скороспехов – кассир.

В 1890 г. купцы Ясунинские построили железнодорожную ветку, ведущую к предприятию. Так было удобнее отправлять и принимать товары. В годы Великой Отечественной войны по ней прямо к госпиталю привозили раненых бойцов.

Однако товарооборот на станции Кохма был невелик. В конце XIX в. станции, в зависимости от количества обсуживаемых пассажиров и вагонов, прибывающих или отправляемых со станции, были разделены на классы. Кохма была отнесена к станциям 5-го класса.

В «Отчетах правления общества Шуйско-Ивановской железной дороги за 1873 год» отмечалось, что по вывозу лидирует мануфактурный товар, по привозу же – хлеб, лес и дрова. Отъехавших пассажиров числится 4 394 человека, а прибывших – 4 654.

В 1893 г. на станции Кохма был сделан внутренний ремонт пассажирских помещений и квартиры начальника станции, а также ремонт отхожих мест с переделкой печей и отбелкой стен и потолков. Ещё был произведен ремонт открытой платформы станции с перекладкой наружной каменной стенки и мелкий текущий ремонт открытых платформ.

В 1894 г. только в период с 1 мая по 1 сентября было отправлено 26 850 вагонов, продано 87 375 пассажирских билетов, выдано 3 275 багажных квитанций. Число пассажиров увеличилось в десятки раз!

Многие годы именно по железной дороге прибывали в Кохму люди. В 1901 г., июльским днем, из Шуи в Кохму проследовал министр внутренних дел егермейстер высочайшего двора Дмитрий Сергеевич Сипягин, обозревавший Владимирскую губернию, отбывший таким же образом вечером того же дня в Иваново-Вознесенск.

В 1904 г. при станции Кохма была открыта «Бумаготкацкая фабрика П. Е. Долгова с сыновьями», а затем им был открыт поблизости и кабак. После революции фабрика была национализирована. В 1924 г. Кохомский волисполком продал фабрику Иваново-Вознесенскому государственному текстильному тресту, который разобрал корпуса фабрики и пустил полученный кирпич на прикладку к прядильной фабрике Кохомской льняной мануфактуры. От фабричного заведения осталась только каменная палатка и два дома, которые отдали под жилье рабочим.

Как известно, недалеко от станции Кохма располагался и «Лесной склад Братьев Киселевых».

В феврале 1911 г. в Кохму по железной дороге был доставлен бюст императора Александра II, который был установлен на площади.

Шел в 1925 г. от станции к городу Дмитрий Семеновский, в будущем – известный ивановский поэт, а тогда – корреспондент газеты, автор нескольких очерков о Кохме в «Рабочем крае».

В 1940-е г. свой путь от станции до Кохмы описал Юрий Нагибин в своей повести «Встань и иди». Кстати, именно из-за ошибки в «Указателе волостей, станов и городов» за 1914 г. Кохма представлена в его книге как Рохма. Герой повести Сергей выходит на «небольшой Рохомской платформе» и идет «вначале еловым, густо пахнущим лесом, затем полем и небом» к городу.

В архиве Кохомского музея хранятся фотографии, переданные ранее Костиной Татьяной Степановной. Ее родители – Носковы Степан Евтропьевич и Екатерина Яковлевна работали на станции Кохма. На одной из них – коллектив железнодорожников предвоенного 1940 г.

Шли годы. В 1976 г. на станции началось внедрение автоматизации и механизации, при этом штат сократился более чем в 1,5 раза.

В 1979 г. в Ивановском районе был зарегистрирован поселок Железнодорожный, выросший при станции за последние годы.

Жители поселка предпочитали добираться до Иванова поездом (утром уезжали и вечером возвращались).

В 1993 г. станцию обслуживал коллектив из 21 человека. В то время значительно вырос поток пассажиров на поезд «Иваново-Новки» – билет на автобус от Кохмы до Шуи стоил 24 рубля, а на поезд – 4 рубля.

Со временем станция утратила пассажирское значение, а стала зависеть от работы промышленных предприятий, от грузов, прибывающих на ТЭЦ-3 и комбинат «Зеленый». Шесть приемно-отправочных кохомских путей считались всегда стабильным и рабочим участком дороги. Серьезных аварий здесь не было.

12 января 1994 г., вечером, вышедший из Шуи паровоз со служебным вагоном, в котором была поездная бригада, около станции Кохма ударился в стоявшие на запасных путях вагоны. Три вагона, гружённые углём, и один вагон первого класса были разбиты.

В начале XXI в. старое здание железнодорожного вокзала было снесено.

¹ Романов А // Рабочий край. – 2017. – 22 сентября.

О. Н. МОХОНОВА
(г. Шуя)

ЗАГАДКА «ПИСЬМА ИЗ ТУРЦИИ»

Работая в архиве Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта над материалами о моём прадеде С. П. Куроедове, я заинтересовалась документом, который был обозначен как «Письмо родственника из Турции».

Письмо это много лет хранилось в нашей семье и было передано в музей вместе с другими документами С. П. Куроедова. Загадка письма была в том, что адресовано оно было не Куроедовым, а совершенно незнакомым мне людям. Никаких пояснений к нему не было. Я решила разгадать эту загадку.

Во-первых, нужно было установить, кто автор и кто адресат письма. Подписано письмо так – «любящий брат Ваш подпоручик И. Георгиевский». А начиналось оно так: «Турция. Бивуак у д. Домогилы. 18 сент. 1877 г. Прелюбезнейшие Братец Василий Владимирович и Сестрица Мария Матвеевна! С неделю тому назад как получил я Ваше дорогое письмо и не знаю, как благодарить Вас за него. Желательно было тот час же ответить Вам, но служебные обя-

занности и частые тревоги воспрепятствовали исполнению моего желания. Как бы то ни было, но все-таки задержал с ответом и прошу прощения. Радуюсь и благодарю Бога, что Вы и Ваш птенец, а мой племянник Коля, живы и здоровы и сожалею, что милая Маша плачет и убивается Бог знает из-за чего». Мою прабабушку звали Фотиния Матвеевна, значит, Мария Матвеевна – ее сестра. Девичья фамилия сестер – Георгиевские, а письмо подписано – подпоручик И. Георгиевский. Следовательно, автор письма их родной брат. А «братец Василий Владимирович» – муж Марии Матвеевны. Фамилию супругов помог установить интернет – Белороссовы¹.

Во-вторых, из дальнейшего чтения письма стало ясно, что оно пришло с войны. В 1877-78 гг. Россия вела войну с Турцией по освобождению Балкан. Но военные действия велись не только на Балканах, но и в самой Турции. Вот что узнаём мы об этой войне из письма: «Посмотрела бы ты, дорогая, на меня, то и не плакала: у меня смерть над головой, а я весел и песенки распеваю, и разве взгрустнётся только тогда, когда задумаюсь о том, приведётся ли увидеться с Вами? Но я надеюсь, что не только увижусь с Вами, но и несколько деньков прогощу у Вас. Но желанию удовольствия увидеться с Вами скоро быть не может, потому что зимовать придётся в Турции, и может быть, только на следующее лето возвратимся мы в Россию, но и то только может быть, а может и не быть. Турки дерутся стойко, не так просто с ними управиться, как оно казалось, но все-таки их стойкость разобьётся вдребезги о храбрость наших солдатиков – богатырей русских». Дальше мы узнаём из письма о том, какое денежное довольствие получали низшие офицеры (подпоручик – самое первое офицерское звание) во время Балканской кампании: «Всё содержание, которое на мою долю придётся более 60 рублей в месяц, выдают нам империалами и серебряными рублями, кто как пожелает». Много это или мало, можно судить по тому, что посылал подпоручик Георгиевский своему отцу и родственникам на родину: «На одной неделе в первых числах августа послал я им [отцу и сёстрам. – *О. М.*] три письма и в них 11 империалов, и в одно же время послал и Братцу (?) одно письмо с двумя полуимпериалами. Посылаю вам также три червончика в гостинчик. Вам, Василий Владимирович, один вместо турецкого табаку, тебе, Маша, вместо платка один, а один – Коле на конфеты». Но и самому солдату ещё оставалось денег, чтобы сфотографироваться (обещает прислать сестре фотокарточку) и купить себе тёплые вещи для зимы: «Наступили здесь холодные ночи, и на Балканских горах видел уже снег.

Для зимы имею полушубочек, а от осеннего дождя купил непромокаемое пальто, которое не только воды, но и сырость не пропускает».

Но для меня, конечно, самым интересным было узнать из письма о родственниках подпоручика Георгиевского и соответственно его сестры, моей прабабушки. Из письма видно, что он вёл с роднёй активную переписку и получал ответные послания. В первую очередь он пишет отцу Матвею Тимофеевич Георгиевскому в с. Архагел-Остров Суздальского уезда Владимирской губернии², где отец служил священником: «Пишут тятенька и Клавдя [сестра Клавдия Матвеевна. – *О. М.*], что они живы и что здоровье тятеньки плохо, что видно из почерка, до крайности изменившегося вследствие дрожания рук». Молодой человек, офицер трогательно называет отца «тятенька», что говорит о любви и уважении к отцу, уже начинающему болеть. Болезнь будет прогрессировать, и в 1878 г. отец уйдёт «за штат», а через 3 года умрёт «от медленного паралича».

Из письма видно, что подпоручик Георгиевский любит родные края, мысленно переносится туда, где родился и вырос: «Думаю, и у вас наступили уже холода и морозы. Ездили ли на праздник Богородицы в Архангел и как там проводили праздник?».

Но самое удивительное для меня было узнать, что воевал подпоручик Георгиевский не один, а вместе с братом Михаилом Матвеевичем Георгиевским, военным священником³. В письме он делится с родными новостью: «В первых числах августа о. Михаилу Бог дал сына, наречённого по настоянию Марии Михайловны Матвеем. Семейство его и сам он в добром здравии. Брат вместе со мной пишет вам письмо». Для меня было очень ценно узнать, что у моей прабабушки был ещё один брат – Михаил Матвеевич, а также что его жену звали Мария Михайлова и что был у их сын Матвей, названный без сомнения в честь деда. Все эти сведения помогли мне в дальнейшем разыскать материал о Михаиле Матвеевиче Георгиевском и его детях и внуках. Это был удивительный человек! В молодости – полковой священник, участвовавший в Балканской кампании и получивший самую высокую военную награду для священника – наперстный крест на георгиевской ленте, которым награждались за особые заслуги на войне. Во второй половине жизни о. Михаил служил в Спасо-Троицком соборе п. Колпино, имел многие награды и был любим своей паствой. Он вырастил и воспитал достойными людьми 12 детей. Упомянутый в письме Матвей Михайлович⁴ был пятым ребёнком. Он хоть и не стал священником, но имел отноше-

ние к духовному поприщу. После окончания Петербургской духовной семинарии поехал в Читу, где более 10 лет служил преподавателем Читинского духовного училища. Потом пошёл на повышение – был переведён в Тобольск на должность инспектора духовных училищ Сибири.

Отдельно нужно сказать о супруге о. Михаила Марии Михайловне⁵. Она – дочь диакона Покровского собора г. Иваново-Вознесенск Михаила Фёдоровича Сперанского, представительница большого и уважаемого рода Сперанских, хорошо известного в наших краях.

В конце письма по обычаю того времени было положено передавать поклоны близким людям, родне. Письмо из Турции не исключение. И благодаря этому я узнала о других родственниках моей прабабушки. Вот конец письма: «Как поживает Дядюшка с семейством и Катерина Михайловна с мужем? Увидитесь с ними – поклон им от меня. Так и Михаилу Фёдоровичу с семейством и всем родным и знакомым».

«Дядюшка с семейством» – это родной брат о. Матвея Михаил Тимофеевич Георгиевский – священник Покровского собора в Иваново-Вознесенске⁶. Семейство о. Михаила было знатное – 19 детей, правда, до взрослого возраста дожили не все. Катерина Михайловна⁷ – одна из дочерей о. Михаила, двоюродная сестра автора письма и его родных брата и сестёр. Почему именно её упоминает подпоручик Георгиевский? Думаю, потому, что её муж работал вместе с мужем Марии Матвеевны на станции Кохма. Его звали Михаил Иванович Скороспехов. А Михаил Фёдорович – это диакон Покровского собора Сперанский⁸, отец Марии Михайловны Георгиевской.

Вот сколько дорогой мне информации сохранило для истории одно-единственное письмо!

Но пока я не сказала о главном – о судьбе автора «письма из Турции». Как его звали? Как сложилась его судьба? Вернулся ли он с той далёкой войны? Чтобы ответить на эти вопросы, потребовалось время. Но я все-таки разгадала и эту загадку. Один из ивановских краеведов прислал мне выписку из исповедных записей села Остров за 1860 год⁹. В этой выписке перечислены все дети о. Матвея, родившиеся до этого года. Среди них и указан мальчик семи лет Иван Георгиевский (1853 г.р.). Это и есть будущий автор «письма из Турции», подпоручик 159-го Гурийского полка русской армии.

Что же стало с ним в дальнейшем? Есть такая книга, изданная в 1878 году, которая называется так «Памятник Восточной войны

1877-1878 гг., заключающий в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестёр милосердия и отличившихся рядовых», автор А. А. Старчевский¹⁰. А в ней есть запись: «Георгиевский [без имени. – О. М.] – подпоручик Гурийского полка ранен 20 сентября 1877 года в Азии». Нетрудно посчитать, что ранение случилось через два дня после того, как было написано письмо. Была ли рана смертельной? Точного свидетельства этому нет. Но скорее всего, была. Никаких более поздних сведений об Иване Матвеевиче Георгиевском я не нашла. Косвенным доказательством его гибели может служить и тот факт, что в семье сестёр так бережно сохранялось именно это письмо, присланное братом с войны, потому что оно оказалось последним, и сохранялось как единственная память о брате.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 90. Оп. 2. Д. 1. МК Покровского собора г.Ив.-Вознесенска: В 1872 у ППГ Вас. Влад. Белороссова и Марии Матв. р. Николай. Воспр.: св. Мих. Тим. Георгиевский с доч. Агнией.

² «Награжден камилавкой...с. Остров священник Матвей Георгиевский // ВЕВ. – 1875. – №10. – 15 мая.

³ Колпинцы: историко-биографический справочник / авт.-сост. Е.П. Сизёнов. – СПб.: Серебряный век, 2009.

⁴ Российский государственный исторический архив г. СПб. М.М. Георгиевский // Шифр Ф. 796. Оп. 441. Д. 68-1-18.

⁵ ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 62. КБО Покровской ц. с.Иванова:

10.09.1867 венч. студ. ВДС Мих. Матв. Георгиевский, 23, жит. врем. в доме отца – Сузд. у. с. Архангел-Остров свящ. Мат. Тим. Георгиевского – и Покр. ц. диак. М.Ф. Сперанского дочь Марья, 18. По жен. – п. Иневеж диакон Мих. Рождественский и оконч. ВС Ив. Ефим. Протопопов. По нев. – с. Маршева св. И.Ф. Сперанский, студенты ВС Ник. Сперанский и Мих. Алснд. Правдин.

⁶Захарова О. И. Иереи Шуйского уезда Владимирской губ. (19 в.–1918 г.): историко-генеалогический справочник. – Иваново: ИвГУ, 2003.

⁷ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 100. МК Покровского соб. г.Ив.-Вознесенска: 1878-1879. У кассира ж.д. М.И. Скороспехова (и дочери св. Георгиевского) р. Владимир. В. – св. М.Т. Георгиевский и дочь свящ. Мария Петрова Рождественская.

⁸Притяжение рода: методические и справочно-информационные материалы по генеалогии / Сост. О.И. Захарова. – Иваново: ИвГУ, 2004. – с.291.

⁹Исповедальные ведомости за 1860 год Владимирской епархии Суздальского округа с. Остров Архангельской церкви.

¹⁰ Старчевский А. А. Памятник Восточной войны 1877-1878 гг., заключающий в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых, контуженных: генералов, штаб и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестёр милосердия и отличившихся рядовых. – СПб., 1878. – С.49.

Е. В. СТАВРОВСКАЯ
(г. Шуя)

**ПЕРВЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ШУЕ:
«ПАМЯТНИК ДЛЯ Г. ШУИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБ.»
Я. И. БОРИСОГЛЕБСКОГО**

Периодические издания как сейчас, так и в прошлом являются источником ценных сведений по многим вопросам. По истории уездного города Шуи сведения можно найти во «Владимирских губернских ведомостях», «Владимирских епархиальных ведомостях», «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии» и др. Особое место занимают провинциальные справочные издания – так называемые «Памятные книжки».

Памятные книжки – это ежегодники официальной справочной информации, выпускавшиеся в 89 губерниях и областях Российской империи с середины 1830-х до 1917 года. Выпускались местными официальными лицами и органами внутренних дел.

Во Владимирской губернии Памятные книжки издавались с 1844 г. до 1917 г. В библиотечном фонде МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г.о. Шуя представлены Памятные книжки за 1862, 1895, 1900, 1902, 1903, 1906, 1908-1916 гг. Несмотря на то, что в разные годы несколько менялось их название: «Памятная книжка Владимирской губернии» (1848, 1862, 1895, 1900), «Владимирский календарь и справочная книжка» (1902), «Владимирский календарь и памятная книжка» (1903-1912), «Календарь и памятная книжка Владимирской губернии» (1913-1916), состав их был примерно одинаков.

Особое место в фонде музея занимает памятная книжка не по всей губернии, а по одному из уездных городов. Речь идет о «Памятнике для г. Шуи Владимирской губернии».¹ Эта небольшая по формату и объему (всего 16 страниц) брошюра является первым (и скорее всего, единственным) в дореволюционный период города справочным изданием. Вышел «Памятник...» в 1880 г., составителем указан Я. И. Борисоглебский. Яков Иванович Борисоглебский (1827-1913) – секретарь Шуйской городской думы, владелец первой в Шуре типографии, краевед².

По своей структуре «Памятник для г. Шуи» очень напоминает «Памятные книжки Владимирской губернии». Он включает следующие разделы:

- План г. Шуи с разделением на пожарные участки (с объяснением).

- Краткие статистические сведения о г. Шуе.

- Адрес-календарь г. Шуи (содержит 6 частей).

- Приложения №1, 2, 3.

Наиболее ценную информацию содержит цветной план города с разделением на пожарные участки и комментарии к плану, так как проблема пожаров в Шуе всегда была очень острой, до строительства противопожарного водопровода оставалось еще 3 года. Так, из объяснений пожарных знаков становится понятной система оповещения о пожаре. Город был разделен на 5 пожарных участков (3 на левобережье и 2 в заречной части). Если пожар случался в кварталах, относящихся к первому участку, то на городской каланче днем появлялся один черный шар, ночью – один фонарь; если во втором участке, то два шара и два фонаря и т.д. Если же возгорание происходило на территории 5 участка, то днем появлялся черный крест, а ночью – 5 фонарей.

Информация эта оставалась актуальной еще много лет. Об этом свидетельствует надпись черными чернилами в верхней части обложки, сделанная шуйским городским головой С. А. Щеколдиным: «8 апреля 1897. В пожарное депо для руководства планом при пожарах. Гор.Гол. С.Щ.».

Адрес-календарь включает:

- список представителей администрации, судебная часть – приставы, адвокаты, нотариусы;

- перечень учебных и благотворительных заведений с адресами и фамилиями попечителей, начальников и директоров;

- сведения по железной дороге – начальство и график движения поездов;

- медицинский персонал – врачи, фельдшеры, акушерки с адресами;

- перечень промышленных и торговых заведений с разделением по видам товаров (хлебные, мясные, рыбные, вино, галантерея и т.д.).

В качестве приложений представлены финансовые данные: сведения о городских доходах и расходах за 1879 г., обзор действий Городского Общественного Банка за весь период существования

банка, т.е. с момента его открытия 26 октября 1867 г. по 1 января 1880 г. и отдельно за истекший 1879 г. и валовый сбор и расход Шуйско-Ивановской железной дороги с начала ее открытия в 1868г.

Таким образом, Памятные книжки губерний и отдельных городов наряду с другими источниками являются одним из наиболее ценных провинциальных источников информации по истории, важный источник генеалогической информации.

¹ МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г.о. Шуя. Ед.хр. 2452.

² *Ставровская Е.В.* Я.И.Борисоглебский: издатель, поэт, краевед // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. 2. – Шуя, 2002. – С. 22 – 24.

К. Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОРОДЕ ШУЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В 1882 г. в Петербурге возникла одна из старейших общественных организаций современной Российской Федерации – Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО). Во главе его встал младший брат императора Александра III – великий князь Сергей Александрович. После его гибели от руки эсера-террориста в 1905 г. организацию возглавила его вдова – великая княгиня Елизавета Федоровна. Главной целью общества являлась забота о русских паломниках, которые посещали Палестину, улучшение условий их пребывания на Святой Земле. Также общество опекало православное арабское население, которое проживало в Палестине, ИППО устраивало для них школы, больницы и другие социокультурные учреждения. Одновременно оно старалось противодействовать католической и лютеранской церквям, которые стремились если не вытеснить с Ближнего Востока, то, по крайней мере, ограничить здесь православие и православные учреждения.

Сначала организационные структуры общества действовали только в Петербурге. В провинциальных городах проживали лишь отдельные члены Палестинского общества, организация не была массовой. С 1893 г. началось создание отделов ИППО в губерниях

и областях России. Первым был основан Якутский отдел в марте 1893 г. Затем в 1893-94 гг. появились последовательно Одесский, Волынский, Вятский, Оренбургский, Пензенский, Рязанский и другие отделы. Владимирский отдела Палестинского общества был семнадцатым в стране по времени открытия.

Его учредительное собрание состоялось 9 апреля 1895 г. в покоех епархиального владыки Сергия, архиепископа Владимирского и Суздальского. На нем были выбраны должностные лица отдела. Председателем его стал архиепископ Сергий, его товарищем (заместителем) – епархиальный викарий Тихон, епископ Муромский, казначеем – статский советник И. С. Крутиков, делопроизводителем, на которого была возложена вся текущая работа – преподаватель духовной семинарии Василий Гаврилович Добронравов, известный владимирский краевед, автор книг о церквях и монастырях губернии, один из главных деятелей Владимирской губернской архивной комиссии.¹

Среди первых 19 членов Владимирского отдела были, кроме епархиального начальства, высшие гражданские чиновники губернии: губернатор М. Н. Теренин, вице-губернатор Н. П. Урусов, губернский предводитель дворянства М. М. Леонтьев, а также более десятка представителей предпринимательской элиты – промышленники и торговцы из Владимира. Они делились на несколько категорий. Внесшие единовременно 500 р. становились пожизненными действительными членами, просто действительные члены были обязаны ежегодно платить по 25 р. Внесшие единовременно 200 р. именовались пожизненными членами-сотрудниками, просто члены-сотрудники каждый год платили по 10 р. Представителей уездных городов здесь пока не было.

Но в дальнейшем в состав отдела постепенно начали вступать общественники из провинциального социума. Это было духовенство, а также местные предприниматели, которые могли оказать организации существенную материальную помощь. К марту 1896 г. (отчетный год в Палестинском обществе первоначально не соответствовал календарному, а считался с 1 марта по 1 марта), т.е. менее, чем через год после начала деятельности отдела, в нем насчитывалось уже несколько десятков членов.

За первый же год существования отдела в него вступили несколько предпринимателей из Шуйского уезда. Самый большой взнос в 200 р. внесли А. И. Гарелин, Н. Г. Бурылин – владельцы крупнейших текстильных фабрик в Иваново-Вознесенске,

В. А. Ясюнинский – один из хозяев фабрики в селе Кохма, фабрикант из Шуи Михаил Алексеевич Попов, шуйский торговец Иван Иванович Турушин. Они стали пожизненным членами-сотрудникам. В действительные члены вступили: шуйский фабрикант Иван Михайлович Терентьев, иваново-вознесенский ситцевик Н. Н. Фокин.²

Руководители Палестинского общества считали его самой главной целью ознакомление широких масс населения с деятельностью ИППО на Ближнем Востоке, с положением православного населения в Палестине и с тем, что представляла собой в прошлом и настоящем сама Святая Земля, о которой подавляющее большинство россиян знали только из евангельских текстов. Для этого местные отделы с первых шагов своей деятельности стали устраивать Палестинские чтения, т.е. лекции и собеседования, в которых говорилось об истории и географии Палестины, современном состоянии Святой Земли, о деятельности Палестинского общества по поддержке православия на Ближнем Востоке, по созданию для российских паломников более комфортных условий при посещении ими Иерусалима и других святых мест.

Руководители Владимирского отдела уже на первом году своей деятельности решили, что следует провести Палестинские чтения там, где до этого проводились так называемые внебогослужебные собеседования и где население активно их посещало. Это были города Владимир, Муром, Киржач, Шуя, Иваново-Вознесенск.³

На второй год деятельности Владимирского отдела ИППО (1896-97) чтения стали проводиться не только в городах, но и в крупных селах – Кохма, Тейково, Васильевское и Дунилово. В 1898-99 г. они пришли а Афанасьевское, в 1899-1900 г. – в погост Ильинское-Телешово, в 1901-1902 г. – в Китово и Кузнецово.⁴ В Шуе чтения шли в Воскресенском и Покровском соборах, а также в чайной уездного попечительства о народной трезвости, в которой они проводились практически одновременно с религиозно-нравственными чтениями, которые устраивались здесь и раньше.⁵

В Воскресенском соборе г. Шуи Палестинские чтения с большим успехом вел настоятель его о. Евлампий Правдин, который бессменно служил в этом храме в 1867 – 1907 гг., затем были подключены к такой работе с прихожанами и другие священники собора – о. Николай Широкогоров и о. Петр Разумовский. В селе Китово повествовал пастве о Святой Земле о. Александр Воскресен-

ский (служил здесь с 1885 по 1915 г.), а в Кузнецове – о. Михаил Мартиров (настоятельствствовал в селе в 1885 – 1906 гг.).⁶

Одни священники проводили чтения в соответствии с рекомендациями, которые были получены через епархиальное начальство из Петербурга от правления Императорского Православного Палестинского Общества. Другие проявляли инициативу и вырабатывали свои программы знакомства прихожан с историей и современными реалиями Палестины. Например, настоятель Воскресенского собора о. Евлампий Правдин в 1903-1904 гг. вместе со священниками Широкогоровым и Разумовским провел в Воскресенском храме 49 чтений по собственной программе. В ней духовенство познакомило аудиторию с содержанием Ветхого Завета с привязкой его текстов к конкретным местам Восточного Средиземноморья. Также паства выслушала беседы о палестинских подвижниках и о таких святынях вселенского христианства как Иерусалим, Вифлеем, Назарет, горы Фавор и Елеон, Галилейское озеро и др. Большое внимание было уделено книге основателя Палестинского общества В.Н. Хитрово «К священному Гробу Господню. Рассказ старого паломника». Фактически это были воспоминания самого Хитрово, изложенные эмоционально и доходчиво для читателей из простого народа.⁷

Чтения проводились не круглый год, а только в определенный «сезон». Он наступал приблизительно в конце ноября, но большинство священников брались за чтения, как правило, с наступлением Великого поста, когда многие зрелищные мероприятия (например, спектакли в театрах) были запрещены. Для организации «разумного досуга» накануне Пасхи такого рода религиозные мероприятия подходить никак нельзя.

Аудитория Палестинских чтений была многочисленной. В первые годы их проведения в Воскресенском соборе собиралось на эти мероприятия, проводимые о. Евлампием Правдиным, до 1 тыс. человек. В дальнейшем, когда эффект новизны миновал, в тот же храм приходили на чтения до 500 чел. В более скромной по размерам аудитории, т.е. в зале чайной шуйского попечительства о народной трезвости, собирались около 250 чел.⁸

По окончании почти каждого чтения прихожане получали на руки брошюры по палестинской тематике и небольшого размера картинки соответствующего содержания. Их каждый год присылало в большом количестве в каждый местный отдел правление ИППО из столицы. Например, в первый год работы Владимирского отдела на

территории епархии, в том числе в Шуйском уезде, были бесплатно распространены: «Палестинский листок» № 1, десять выпусков «Пастырских собеседований о Святой Земле», небольшая брошюра епископа Томского Макария «Внебогослужебная беседа о Святой Земле» и несколько вариантов видов Палестины. Слушатели разбирали все бесплатные издания, принесенные на то или иное собеседование, их даже не хватало.⁹

На большинство слушателей содержание чтений производило большое впечатление, т.к. они подробно узнавали о тех местах, которые им были знакомы из церковных книг и поучений духовенства, некоторые детали так называемой «священной географии» были для них совершенно новыми, они впервые видели на подаренных им картинах виды Святой Земли. Часто эти иллюстрации занимали свое почетное место в крестьянской избе на стене где-либо рядом с иконами. Прихожане благодарили священников, некоторые слушатели тут же под впечатлением увиденного и услышанного давали обет когда-либо обязательно посетить Святую Землю.¹⁰

Интенсивное проведение Палестинских чтений во время Великого поста было в значительной степени направлено на подготовку прихожан к массовому всероссийскому сбору средств Палестинским обществом. Этот сбор осуществлялся в Вербное воскресенье – накануне последней недели Великого поста. Каждый такой сбор приносил во Владимирской епархии по несколько тысяч рублей, которые отправлялись в Петербург в правление ИППО. Учитывая всероссийский характер этой «вербной» кампании, мы не будем останавливаться на нем подробно, а сосредоточим внимание на тех мероприятиях, которые осуществляли активисты Палестинского общества непосредственно на местах.

Им выдавали на руки подписные листы, оформленные по определенному стандарту, каждый имел свой номер. Желавшие сделать пожертвование отдавали сборщику деньги, одновременно вносили свою фамилию в лист и тут же расписывались. Особенно большую активность в этом сборе проявил о. Евлампий Правдин. В первый год деятельности Владимирского отдела ИППО он собрал среди прихожан 133 рубля – больше, чем любой другой активист, взявший в епархии подписной лист.¹¹ В дальнейшем, отец Евлампий не снижал своей активности на этом поприще. Он упоминался практически в каждом годовом отчете Владимирского отдела ИППО, где ему выносилась благодарность.¹² Руководители владимирского отдела организации просто не могли не отметить этой неутомимой

деятельности шуйского протоиерея. В 1907 г. на собрании отдела его члены рекомендовали центральному правлению Палестинского общества присвоить о. Евлампию звание пожизненного действительного члена общества. В том же 1907 году совет ИППО в Петербурге удовлетворил это ходатайство, и о. Евлампий Правдин был удостоен вышеуказанного звания без уплаты 500 рублей, полагавшихся для внесения в таком случае.¹³ Присвоение этого высокого звания почти совпало с выходом о. Евлампия Правдина за штат, т.е. уходом его со службы в связи с преклонным возрастом (это произошло в марте 1907 г.)¹⁴.

В дальнейшем в Воскресенском соборе собирал средства в пользу Палестинского общества священник Павел Светозаров – преемник и зять Евлампия Правдина, обвиненный в 1922 г. в сопротивлении властям при изъятии церковных ценностей и расстрелянный (причислен к лику святых в 2000 г.). Правда, он проявил на палестинском поприще меньшую активность, чем его тесть.¹⁵

В 1899-1900 гг. впервые во Владимирской епархии стал использоваться для пополнения средств ИППО кружечный сбор. В наиболее крупных церквях, являвшихся центрами многочисленных и небедных приходов, были установлены наглухо закрытые емкости с прорезями для опускания денег, они назывались кружками, хотя напоминали этот предмет посуды только отдаленно. Этот способ показал себя менее эффективным, чем сбор по подписным листам. Например, в 1900 г. из кружек было высыпано в Успенском кафедральном соборе во Владимире 10 р. 88 к., в Покровском соборе Иваново-Вознесенска – 11 р. 60 к., в Воскресенском соборе Шуи – всего 3 рубля.¹⁶ В дальнейшем эти суммы стали заметно больше, но все равно не могли конкурировать с вербными и подписными сборами. В 1904 г. из кружки в Воскресенском соборе Шуи высыпали 17 р., а в 1909 г. – 4 р. 77 к.¹⁷

Подводя итоги, следует отметить, что в городе Шуче и Шуйском уезде на рубеже XIX и XX вв. сложился немногочисленный, но деятельный круг активистов большой всероссийской организации – Императорского Православного Палестинского общества. Они вносили в эту организацию денежную лепту, проводили Палестинские чтения, собирали средства, которые в дальнейшем тратились ИППО в основном на строительство российских социально-культурных объектов в Святой Земле и на удешевление паломничества небогатых россиян в Палестину. К сожалению, деятельность Палестинского общества с началом Первой мировой войны почти прекратилась в

связи с тем, что Россия вела ее в том числе с Османской империей, на территории которой находилась вся инфраструктура, созданная ИППО на протяжении десятилетий.

¹ 100 владимирских краеведов. – Владимир: Транзит-икс, 2010. – С. 54 – 56.

² Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1896, 1 апреля. № 7. С. 123 – 124.

³ Там же. 1896, 1 апреля. № 7. С. 115.

⁴ Там же. 1897, 15 апреля. № 8. С. 161; 1899, 15 мая. № 10. С. 182; 1900, 15 мая. № 10. С. 210; 1903, 15 мая. № 10. С. 219.

⁵ Там же. 1905, 1 июня. № 11. С. 304; 1913, 27 апреля. № 17. С. 2.

⁶ Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. – 1918 г.). Историко-генеалогический справочник. – Иваново: ИвГУ, 2003. – С. 36, 41 – 42, 277, 306.

⁷ ВЕВ. 1904, 15 мая. № 10. С. 218.

⁸ Там же. 1904, 15 мая. № 10. С. 218, 1905, 1 июня. № 11. С. 304.

⁹ Там же. 1896, 1 апреля. № 7. С. 116; 1902, 15 апреля. № 8. С. 144.

¹⁰ Там же. 1897, 15 апреля. № 8. С. 162.

¹¹ Там же. 1896, 1 мая. № 9. С. 152.

¹² Там же. 1898, 1 мая. № 9. С. 191; 1901, 1 мая. № 9. С. 139; 1903, 15 мая. № 10. С. 223.

¹³ Там же. 1907, 5 мая. № 11. Приложение. С. 1; 1907, 26 мая. № 21. С. 334.

¹⁴ Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии. С. 36.

¹⁵ ВЕВ. 1909, 25 апреля. № 17. Приложение. С. 5; 1911, 9 апреля. № 15-16. С. 359.

¹⁶ Там же. 1900, 15 мая. № 10. С. 216.

¹⁷ Там же. 1904, 15 мая. № 10. С. 222; 1909, 25 апреля. № 17. Приложение. С. 7.

Д. М. ЧЕРНИХОВСКИЙ
(г. Санкт-Петербург)

К БИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОГО ИНЖЕНЕРА БРАГИНА

К ценным архитектурным комплексам Шуи, утраченным в советский период, относится ансамбль Всехсвятского единоверческого монастыря, располагавшийся в начале Миллионной улицы у моста через Тезу. Самым заметным сооружением монастыря, запечатленным на многих видах Шуи начала XX-го столетия, был крупный пятиглавый Успенский собор.

Освящение соборного храма в Шуйском Всехсвятском единоверческом монастыре 9 сентября 1901 г. стало грандиозным событием. Описание торжества освящения собора, выполненное известным шуйским священником и краеведом Евлампием Правдиным, было издано отдельной брошюрой и дублировано в газете «Влади-

мирские епархиальные ведомости» (№22 за 1901 г.). Освящение проводил настоятель суздальского Спасо-Евфимиева монастыря архимандрит Серафим (в 1997 г. причисленный к свящennemученикам) вместе с настоятельницей шуйского Всехсвятского единоверческого монастыря игуменьей Досифеей, настоятелем Благовещенского керженского единоверческого монастыря Нижегородской губернии архимандритом Филаретом, местными и московскими единоверческими и синодальными священнослужителями. Также на освящении присутствовали настоятельницы следующих женских монастырей: московского Всехсвятского единоверческого (Александра), Покровского единоверческого Нижегородской губернии (Маргарита), Воскресенско-Фёдоровского в с. Сергеево Шуйского уезда (София). Службу сопровождало пение двух хоров монахинь – местного и «выписанного» из Москвы. На церемонии освящения присутствовали многие благодетели: представители шуйских, иваново-вознесенских, петербургских, московских купеческих династий, участвующие в устройстве собора и монастыря (К. Н. Балина, Я. Н. и Ф. Я. Фокины, К. М. Машков, Е. П. Зендолинская, П. Н. Корнилова и др.)¹.

Успенский собор был одним из крупнейших храмов Шуи и окрестностей (в основании собора был квадрат со стороной около 23 м, высота составляла около 30 м). Вместимость собора составляла около тысячи человек. Сопоставимыми с ним по размерам и вместимости были Успенский собор Воскресенско-Фёдоровского монастыря в с. Сергеево и Троицкая церковь в с. Васильевском. Современники отмечали внешнее сходство шуйского Успенского собора с Храмом Христа Спасителя в Москве (данное сравнение по архитектурным чертам, возможно, было не вполне верным, но судьба обоих храмов оказалась схожа – оба были взорваны в 1930-х гг.).

Шуйский Успенский собор имел крупный, вытянутый вверх четверик, увенчанный пятью куполами на световых барабанах с вызолоченными крестами. К основному объёму четверика по сторонам света примыкали небольшие ризалиты с арочными нишами. Срезанные углы четверика над кровлей продолжались восьмигранными барабанами куполов, подобно башням средневековых замков. Ровные ряды кокошников над ризалитами и у оснований купольных барабанов напоминали зубцы крепостных стен. Декор собора был довольно лаконичным и ограничивался небольшим набором повторяющихся деталей (килевидными наличниками, декоративными поясками, кокошниками), что соответствовало монастырскому назна-

чению храма. С трёх сторон (кроме восточной, алтарной) к храму примыкали паперты с входными дверями, в форме кубических палаток-часовен с кокошниками и маленькими главками над четырёхскатными кровлями. Храм был двусветным, тёплым. Внутри на железных балках размещались хоры, рассчитанные на двести человек. Престолы собора посвящались Успению Божией Матери, Святителю и Чудотворцу Николаю, Священномученику Василию пресвитеру Анкирскому.

Евламий Правдин упомянул и о богатом убранстве собора: «внутренний вид поражает зрителя своею грандиозностью, изяществом и богатством... предалтарный иконостас деревянный резной в пять ярусов, густо вызолоченный. Иконы в иконостасе строго греческого письма, все они без риз... стены в храме и столбы выштукатурены и украшены живописью с сплошным орнаментом. На пилястрах и столбах устроены вызолоченные иконостасы». При освящении собора были пожертвованы единоверцами Шуи и Иваново-Вознесенска «20 икон старого монастырского, 10 новгородского, 4 строгановского писем 17 и 18 веков».

Шуйскому Всехсвятскому монастырю по сравнению с другими местными храмами уделено достаточно внимания на дореволюционных фотографиях и серийных открытках. Сохранились виды монастыря и Успенского собора со стороны бывшей Всехсвятской площади (сейчас – Комсомольская пл.), с соборной колокольни, со стороны Заречной части. Имеется фотография внутреннего вида собора с иконостасом. Особого внимания достойна открытка №128 из этнографической серии «Русские типы», на которой изображен сборщик милостыни с фотографией шуйского Всехсвятского монастыря².

Автором проекта Успенского собора Всехсвятского монастыря был гражданский архитектор Сергей Павлович Брагин (1859- 1898), служивший младшим архитектором Владимирского губернского строительного отделения.

Биографические сведения о зодчем пока достаточно скупы, но постепенно информация пополняется. К поиску сведений о С. П. Брагине присоединился архитектор-реставратор В. И. Васильев, собирающий биографические сведения о псковских архитекторах.

Сергей Павлович Брагин, сын отставного фельдфебеля, родился 29 сентября 1859 г. Вероисповедания православного. Место рождения неизвестно (предположительно в Пскове, но документальных подтверждений пока нет; в Пскове Брагин провел детство и юность,

учился в реальном училище, по воинской повинности был приписан к первому призывному участку Псковского уезда). Сергей Павлович закончил Псковское Сергиевское реальное училище в 1880 г. и поступил в Строительное училище в Петербурге (старейшее в России строительное учебное заведение, в настоящее время – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет).

Во время обучения в Строительном училище С. П. Брагин несколько раз обращался к руководству с просьбами материального характера (о назначении стипендии, освобождении от платы за лекции, выдаче пособия на практику по геодезии). Часть прошений была удовлетворена. По частоте и характеру обращений видно, что материальное положение Сергея Павловича в период обучения было критическим. Это подтверждает свидетельство о несостоятельности, предоставленное директору училища для получения стипендии: «Удостоверение Управления 2-й части Пскова сим удостоверяет в том, что воспитанник Санкт-Петербургского Строительного Училища сын отставного фельдфебеля Сергей Павлович Брагин, состояния бедного, так что продолжать далее образование в сказанном училище на свои средства не может, а равно и родители его по несостоятельности своей не могут помочь ему в материальном положении»³. Брагин был уволен из училища со второго курса за неуплату за обучение, но, затем был восстановлен и успешно завершил обучение.

В свидетельстве об окончании института (строительное училище было преобразовано в Институт гражданских инженеров в конце 1882 г.), выданном С. П. Брагину 5 июня 1885 г., отмечалось: «...и при отличном поведении показал отличные успехи. По окончании курса учения в Мае 1885 г. Советом Института Гражданских инженеров удостоен звания Гражданского Инженера с правом производить работы по гражданско-строительной и дорожной частям, носить особый Высочайше утвержденный знак и, при поступлении в гражданскую службу, получить чин X класса»⁴.

Краткие биографические сведения о зодчем приведены в некрологе, опубликованном в журнале «Известия гражданских инженеров» №8 за 1889 г.⁵ (в отчестве допущена ошибка – вместо Павловича указан Петрович).

По окончании института Брагин С. П. был причислен к Техничко-Строительному Комитету Министерства Внутренних Дел и откомандирован на постройку Новороссийской железнодорожной вет-

ви, где на протяжении 80-и вёрст им были произведены все гражданские постройки. С апреля 1887 г. в городе Ковно строил казармы для 28-й артиллерийской бригады. В 1889 г. перешёл на службу во Владимирское губернское Правление младшим архитектором Строительного Отделения, где главным образом занимался строительством казённых зданий. В 1891 г. С. П. Брагин начинает строительство Успенского собора Всехсвятского монастыря в Шуче по собственному проекту. Осенью 1897 г. Сергей Павлович заболел психическим расстройством и 19 октября 1898 г. скончался в городе Пскове 39 лет от роду. Возможно, собор стал его последней и наиболее значительной постройкой, закончить которую ему не удалось.

Удивительно, но печальную судьбу гражданского инженера С. П. Брагина, заболевшего психическим расстройством и оставившего службу, вскоре повторил его преемник. Вакантное место младшего архитектора Владимирского губернского правления в 1899 г. занял архитектор П. Г. Беген, который через несколько лет также заболел психическим расстройством и уволился со службы (среди многочисленных построек П. Бегена есть три крупных пятиглавых храма соборного типа, сопоставимые с Успенским собором гражданского инженера С. Брагина).

В изданном в 1914 г. Русском провинциальном некрополе (Сост. В. В. Шереметевский) упоминается надворный советник Сергей Павлович Брагин, умерший 19.10.1898 на 36 году жизни (ошибка, на самом деле – на 39 году) и похороненный на Дмитриевском кладбище Пскова⁶. Возможно, надгробный памятник уже тогда был в плохом состоянии, к тому же в изданном вскоре отдельном «Псковском некрополе»⁷ (И. Н. Шемякин, 1916) захоронение Брагина уже не упоминается.

Портрет С. П. Брагина приведен в Юбилейном сборнике сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища)⁸.

Дом, принадлежащий матери С. П. Брагина в Пскове (где проживал С. П. Брагин до 1880 г.), был снесен в 1930-х гг. при строительстве Дома пионеров. Дмитриевское кладбище в Пскове существует, но его размеры уменьшились, а часть захоронений уничтожена.

Недавно удалось установить, что по проекту гражданского инженера С. П. Брагина также была построена оригинальная церковно-часовня Архангела Михаила при городской тюрьме в Коврове (про-

ект утверждён к исполнению в МВД 14 января 1894 г.)⁹. Здание церкви в целом сохранилось, но перспективы его передачи Церкви и восстановления достаточно туманны. Есть надежда, что со временем будут обнаружены и другие постройки С. П. Брагина во Владимирской губернии, прояснятся подробности биографии зодчего, будет дана оценка художественной ценности уничтоженного Успенского собора, успевшего за короткое время своего существования стать одним из символов дореволюционной Шуи.

¹Правдин Е. Торжество освящения соборного храма в Шуйском Всехсвятском единовещерском монастыре 9 сентября 1901 г. // Владимирские епархиальные ведомости. – 1901. – №22.

²Возиллов В.В., Барсуков В.А. История города Шуи в открытках и фотографиях. Шуйский историко-художественный и мемориальный музей имени М. В. Фрунзе, Шуйское краеведческое общество. – Иваново: Наша Родина: Реклама-Регион, 2011. – 126 с.

³ЦГИА, Ф. 184. Оп. 2. Д. 64 (личное дело Брагина Сергея). С. 9.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Известия Общества Гражданских инженеров. 1889. – №8. – С.3-4.

⁶Русский провинциальный некрополь. Сост. В.В. Шереметевский. – М.,

1914.<http://www.vrev.ru/bibl.html>

⁷Псковский некрополь. Сост. И.Н. Шемякин. – Псков,

1916.<http://www.vrev.ru/bibl.html>

⁸Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842—1892. – СПб., 1893.

⁹РГИА. Ф.1293. Оп.166. Д.107 (Проект каменной церкви при тюрьме в г. Коврове Владимирской губернии).

Иеромонах ТИХОН (ЗАХАРОВ)
(с. Введенье)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАКРЫТИЯ НИКОЛО-ШАРТОМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Предчувствие скорых массовых гонений на Церковь в самое первое послереволюционное время было тяжелым психологическим фактором для всех верующих людей. Это ожидание скоро воплотилось в конкретных и решительных действиях советского правительства. Было очевидно, что власти в первую очередь обрушатся на форпосты православия – монастыри. Объектом пристального внимания были исторически значимые, знаковые монастыри; в отноше-

нии ряда из них проводились показательные кошунственные акции. Так, закрытие Троице-Сергиевой Лавры сопровождалось сбросом колоколов и осквернением раки с мощами преподобного Сергия Радонежского с «разоблачением обмана» простых верующих в отношении почитания ими святых мощей.

Процессы закрытия монастырей происходили по различным сценариям, нередко попытки упразднения той или иной обители сопровождалась сопротивлением православных. Так, например, в течение почти десятка лет прихожане Александро-Невской Лавры в Петрограде активно противодействовали закрытию своего монастыря. Но для многих русских обителей процесс закрытия происходил, так сказать, «обыденно», с применением одного лишь административного ресурса. Сначала происходил процесс притеснения монастырей в виде непомерных налогов, бухгалтерских проверок, насильственного отчуждения монастырской земли. Иногда власти временно мирились с оставшимися монахами, но вследствие постоянного давления монашествующие были вынуждены оставить свои келии. Следует отметить, что, несмотря на бесперспективность сохранения монастыря, местные жители часто всемерно старались помочь своей обители, правдами и неправдами пытались отстоять святое место для молитвенного служения. Примерно так и случилось в истории закрытия Николо-Шартомского монастыря.

Накануне революции Николо-Шартомская обитель причислялась к третьему штату с численностью братии в двенадцать человек (реально насельников в обители было немногим больше). Содержание обители, согласно приходно-расходным ведомостям, складывалось из нескольких источников и оценивалось как «весьма скудное». По ведомости 1889 г. годовой доход монастыря составлял 4643 рубля¹. Казенное жалование на нужды братии было невелико – немногим более 700 рублей (около 15% от общей суммы), остальной доход приносила речная мельница, аренда покосных земель и рыбных ловель. Тем не менее, небогатый, расположенный в селе монастырь оказался в центре внимания новой власти в первые же послереволюционные годы.

Перечислим содержание некоторых документов из монастырского фонда², которые передают отчасти дух того времени.

13 марта (28 февраля) 1918 года: «Во всех церквях епархии 16 (3) марта было совершено заупокойное богослужение об убиенном Митрополите Владимире³ по случаю исполняющегося 18 (5) марта 40-го дня по смерти».

20 марта 1918 года: «В случае захвата революционными организациями зданий и иного имущества учреждений духовного ведомства незамедлительно оповещать о том приходские собрания в епархии для выражения протестов против такого посягательства... и принятия мер к восстановлению нарушенных прав».

18 (5) мая 1918 года: «В видах предупреждения могущих быть нежелательных эксцессов предписать настоятелям и настоятельницам монастырей и пустыней, духовенству и церковным старостам епархии по требованиям Земельных Комиссариатов предъявлять им планы и другие земельно-учетные материалы на церковные и причтовые земли с тем, чтобы с документов предварительно выдачи снята была копия текста».

28 (15) мая 1918 года: «В связи с лишением права льготной пересылки почтовых отправлений духовных учреждений и должностных лиц духовного ведомства, изыскать средства на отправку корреспонденции... При сношении с духовными учреждениями как духовенство, так и прихожане должны прилагать на ответе почтовые марки в надлежащем количестве»⁴.

В целом внутренний уклад в обители в течение 1918 г. сохранялся: в архивных документах наряду с епархиальными циркулярами, регулирующими отношения с новой властью, встречаются обычные церковные указы о постригах, хиротониях, наградах, переводах, малых судебных тяжбах и пр.

Последним настоятелем Николо-Шартомского монастыря был игумен Иоанникий (Федотов). Ведомость Владимирской духовной консистории кратко сообщает о нем следующие сведения: родом из крестьян, постриженник суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. 4 июня 1912 г. в возрасте 45 лет был назначен исполняющим должность настоятеля Шартомского монастыря, звание игумена получил 17 декабря 1913 г. Какими-то значимыми событиями его настоятельство в Шартомской обители не было отмечено.

В марте 1918 г. случилось расследование небольшого дела в отношении «контрреволюционной пропаганды» игумена Иоанникия⁵. Председатель волостной земской управы Пупковской волости⁶ А. Н. Кунышин по доносу двух свидетелей написал заявление начальнику милиции участка Шуйского уезда, где обвинял настоятеля в угрозах в свой адрес. Игумен, по его словам, выражался в том смысле, «что скоро будет другое право и большевикам будет крах, будем их избивать, и я первый, так говорил игумен, пойду, подниму камень на председателя Кунышина». Настоятель при допросе отри-

цал сказанное, говоря, что при разговоре с братией им было сказано так: «Не дай Бог право перевернется, из нас первому попадет председателю волостной управы». Один из свидетелей, мальчик по фамилии Потемкин, проговорился, выдав слова игумена: «Скоро восстановится старая власть, а этих комитетчиков будем колотить, а председателя первого, как дойдет до нашей часовни – камнем – большего он не достоин». Однако мальчик, по словам следователя, был кем-то запуган, постоянно плакал и ничего определенного сказать больше не мог. При отсутствии других свидетелей следственная комиссия 14 апреля 1918 г. дело прекратила.

В переписке монастыря с Владимирской духовной консисторией в течение того же года уже встречаются письма тревожного содержания. Два из них заслуживают отдельного внимания. Очевидно, что отец настоятель просил архиерея об освобождении его от должности и переводе в Боголюбский монастырь. Из епархиального управления приходит ответ-увещание: «В настоящее тяжелое время увольнение настоятеля от должности сильно отразится на состоянии обители к худшему. А кому же теперь не тяжело? Но в тяжелое время и нужно оставаться настоятелю на своем посту для поддержания обители... Предшествующая опытность [настоятеля] крайне нужна теперь. Перевод же его в Боголюбов монастырь в настоящее время едва ли возможен, так как братия оного не может в настоящее время принять его в число братии. В виду сего оставить для блага обители настоятеля на месте и просьбу его отклонить»⁷ (8 июля 1918 г.). Можно предположить, что, предвидя неизбежное и скорое закрытие обители, настоятель хотел оградить монашескую общину от актов насилия со стороны властей.

12 декабря (29 ноября) 1918 г. из Владимирской консистории приходит указ о создании Приходского совета при храме Николо-Шартомского монастыря⁸. Были утверждены в должностях члены Приходского совета: председатель – игумен Иоанникий, товарищ председателя – священник села Введение Николай Казанский, делопроизводитель – иеромонах Николай, казначей – иеромонах Нифонт, а также несколько местных жителей: Е. Е. Осипкин, П. А. Травин, А. Г. Кочин, С. Я. Горбунов. Создание Приходского совета, очевидно, было вызвано необходимостью скоординировать усилия по сохранению монастыря, поскольку обитель, лишившись прежних источников дохода, попросту не могла уже существовать. Приходской совет, называемый впоследствии «общиной при Николо-Шартомском монастыре», сыграл основную роль в том, что мо-

настырь, будучи активно притесняем, еще несколько лет существовал, и в нем проводились богослужения.

3 августа 1922 г. между «гражданами соребнователями святой церкви Николо-Шартомского монастыря» и Пупковским Волостным Советом был заключен договор о том, что соребнователи приняли «в бессрочное бесплатное пользование находящееся в сем Николо-Шартомском мужеском монастыре церковное здание с богослужебными предметами»⁹. Среди подписей под договором – подпись игумена Иоанникия и еще 63 подписи прихожан¹⁰. В договоре не указано название церкви, в которой члены общины могли совершать богослужения, но скорее всего это была Казанская трапезная церковь. По договору граждане соребнователи обязывались пользоваться зданием церкви «исключительно для удовлетворения религиозных потребностей»¹¹. Особенным пунктом предписывалось, что пользующиеся церковью не должны допускать никакой антисоветской пропаганды: запрещалась раздача и продажа книг, брошюр, листов и посланий, а также произнесение проповедей и речей, враждебных Советской Власти. Запрет на «совершение набатной тревоги для созыва населения в целях возбуждения его против Советской Власти» косвенно указывает, что колокольный звон еще был разрешен. Община обязывалась «из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма и находящихся в нем предметов». Следует отметить, что в контексте происходившего в стране к религиозным чувствам местных жителей отнеслись еще достаточно демократично.

23 марта 1923 г. у «уполномоченного по Николо-Шартомскому монастырю» священника с. Введенского Николая Казанского был принят весь монастырский архив¹². Архив монастыря передавался напрямую в Иваново-Вознесенск, поскольку в Шуе не смогли к этому времени подыскать подходящего помещения для городского архивохранилища. Факт передачи архива Шартомского монастыря означал, что власти в должной мере обратили внимание на богатство архивного материала обители с почти шестисотлетней историей. Но в то же время этот факт свидетельствовал, что в глазах властей монастырь уже не существовал как самостоятельная единица. Следует признать, что своевременная передача монастырского архива сохранила его от неизбежного уничтожения.

Постановление о закрытии «домовой церкви Николо-Шахомского монастыря» было принято на заседании Президиума Шуйского Уездного исполкома (УИК) 1 ноября 1923 г.¹³ Из-за ка-

кой-то бюрократической несогласованности юридическая процедура закрытия откладывалась еще несколько месяцев¹⁴. По содержанию документов, входящих в «Дело о закрытии домового церкви...», можно судить, что на территории монастыря размещались также совхоз и дом инвалидов. В докладной записке Губотсобеца в Президиум Губисполкома от 5 февраля 1924 г. отмечалось: «Выяснилось, что при означенном инвалидном доме [в с. Пупки] имеется церковь, при которой живут три священнослужителя, занимающие покои инвалидного дома. В настоящее время в указанном доме¹⁵ помещается 38 человек. Между тем при условии использования этой церкви можно было бы поместить нам свыше 100 человек... Губотсобез просит указанную церковь закрыть и передать ее Губотсобезу для использования под инвалидов. По нашим сведениям интересы верующих от закрытия этой церкви ни в какой степени не пострадают, т.к. имеется в двух верстах другая церковь¹⁶. Что касается служителей Культа, то последние могут быть использованы при Инвалидном доме в качестве рабочей силы, если они этого пожелают»¹⁷.

В ответе от 18 февраля того же года Губернский исполком соглашается, что «использование для общественных нужд домового церкви Николо-Шахомского монастыря является вполне допустимым», но добавляет, что «для сего необходимо расторжение договора с группой верующих, в пользовании которой в данное время находится упомянутая церковь»¹⁸. Примечательно, что в письме ссылаются на инструкции НКЮ и НКВД (Бюл. НКВД №14-15-23), которым не противоречит данная передача (а точнее, отнятие) церкви у общины верующих для предоставления жилого помещения инвалидному дому. Очевидно, что чиновники стремились исполнять разнарядку чекистов по закрытию церквей и монастырей и использовали данную ситуацию как повод произвести окончательное закрытие монастыря. Весьма характерна в этом смысле анкета на бланке НКВД, в которой даются сведения о закрытых и действующих церквях и монастырях в Пупковской волости Шуйского уезда. Анкета любопытна не только приведенной статистикой, но и самой формулировкой вопросов:

«1) Сколько в губернии (или) уездном городе и волости храмов: православных – 4; католических, лютеранских, сектантских, иудейских, магометанских – нет.

4) Имеются ли монастыри и сколько:

В Шуйском уезде Пупковской волости – 1.

6) Как использованы бывшие монастырские хозяйства и помещения:

Использовано Уотсобезом – инвалидный дом – 1.

7) Во скольких монастырях остаются монашествующие – 1.

И почему – В виду имения в монастыре свыше 20 соревнователей.

10) Занимает ли духовенство должности в Советских учреждениях – занимает.

Священник села Введенского – волостным статистом.

12) Укажите конкретные случаи отношения населения к проведению декрета об отделении церкви от государства – нет никаких»¹⁹.

29 февраля 1924 г. на заседании Президиума Иваново-Вознесенского Губисполкома было вынесено решение удовлетворить ходатайство Шуйского Уисполкома о закрытии «домовой церкви Николо-Шахомского монастыря». Хотя в тексте краткого губернского указа не говорилось об упразднении самой общины при монастыре, но в последующей переписке по делу закрытия этот факт как бы подразумевался. Через месяц дело получило ход, и 9 апреля 1924 г. была собрана комиссия из представителей религиозной общины и волостной администрации, члены которой составили два акта о передаче имущества Николо-Шартомского монастыря. В актах передачи, кроме членов комиссии, организованной из состава местной администрации, присутствовали члены Церковного Совета: В. К. Аржанников, С. В. Макшинов, Е. И. Лодыгин, П. А. Травин, С. Я. Осокин, а также настоятель монастыря, «архимандрит Аникый»²⁰. Эти акты весьма ценны переписью всего имущества монастыря – икон, крестов, Евангелий, антиминсов, облачений, церковной утвари, мебели и даже колоколов – всего 250 именований. Церковное имущество было передано членам Вознесенского Церковного совета (при Вознесенском храме с. Пупки), причем тем же лицам: Аржанникову, Макшинову, Лодыгину, а также священнику названной общины Николаю Казанскому²¹. Через несколько дней теплая домовая церковь «была освобождена от богослужебных принадлежностей»²². Дату заключения акта о передаче имущества монастыря – 9 апреля 1924 г. – можно считать днем юридического закрытия Николо-Шартомской обители.

Однако борьба за монастырские храмы в с. Пупки-Введенское имела продолжение. Буквально через три дня после освобождения Казанской церкви последовало распоряжение о перемещении всех

инвалидов в Макарьевский уезд «в виду неудобства самого инвалидного дома при Николо-Шартомской общине»²³. 6 июня инвалиды были окончательно перемещены во вновь организованный инвалидный дом в совхозе «25 Октября»²⁴. Очевидно, что решение о расширении инвалидного дома за счет помещения храма Шартомского монастыря было лишь поводом для выселения оставшихся там монахов.

Жители села, соровнователи монастырской церкви, продолжили писать обращения, из которых следует выделить так называемое «Покорнейшее прошение» в Губернский исполком от председателя как бы уже не существующего приходского Совета Ефима Аржанникова. Это прошение написано хорошим, почти литературным языком и включает просьбу о возможности совершать богослужения, если не в теплой Казанской (уже освобожденной инвалидами) церкви, «то хоть в других, Акрагантинской или Преображенской, не подвергшихся освобождению от церковной утвари»²⁵. В заключении автор текста прошения отходит от обычного стиля сухой деловой переписки и дополняет его настоящим панегириком архитектурному памятнику древнего монастыря: «Осмеливаемся обратить внимание Губернского Исполкома и на то, что холодный Никольский храм этой общины по своей древности и редкости заслуживает сохранения, как старый ветеран, в течение целых пяти веков стоявший на страже развития и просвещения народного, бывший единственным маяком в крае, бывший свидетелем Смутного времени, видевший у своих стен мятежные толпы поляков, задавшихся целью порабощения русского народа, он заслуживает внимания как памятник того времени, когда он исполнял свою государственную задачу колонизации местного края, он был единственным опорным пунктом, под защитой которого селились русские люди, ведя неустанную борьбу с суровой природой, разрабатывая дикие лесные угодия под пахоту и покос. В настоящее время он уже инвалид, но как инвалид, не требующий для себя государственного расхода на содержание, не обременяет государство своим существованием, а лишь напоминает о том, что в краю у нас было, с чего начиналась и как развивалась наша местная жизнь, прежде чем она вступила на тот славный и великий путь Советского водительства, который готовит ей блестящее будущее. С прекращением же богослужения, при отсутствии лиц, заботящихся о его сохранении, предоставленный самому себе, этот памятник старины естественно делается добычей времени и тех лиц, которые не постесняются ломать из него себе кирпичи для

овинных печей»²⁶. На это поэтическое прошение из Уездного исполкома пришел, как полагается, прозаичный канцелярский ответ: «Общины же Николо-Шахомской ныне не существует, т.к. члены ее входят в состав указанных общин, а поэтому просьбу о восстановлении закрытой церкви следует отклонить»²⁷.

При кажущемся окончательном решении вопроса, в марте 1925 г. в Дуниловский волостной комитет поступило прошение от той же общины верующих о передаче ей в пользование «Архангельской церкви» (видимо, имеется в виду малая церковь святителя Григория Акрагантинского, ныне упраздненная). Более того, 25 марта 1925 г. была вновь организована «религиозная община при бывшем Николо-Шартомском монастыре в с. Введение и Пупки». На собрании под председательством И. В. Головкина был утвержден подробный Устав общины, составлен список членов числом 57 человек. Отказ на это прошение мотивируется тем, что «имеются в наличии другие церкви, в которых религиозные нужды означенных граждан с успехом могут быть удовлетворены»²⁸.

Можно предположить, что губернские и волостные власти не являлись прямыми, идейными борцами с религией на местах, они были лишь последовательными исполнителями ясно обозначившейся государственной политики закрытия монастырей и образовавшихся при них общин верующих. «Карфаген» должен быть, если не разрушен, то, по крайней мере, непременно закрыт. Однако, несмотря на решимость властей избавиться от самого названия слова «монастырь» в документах, местные жители проявили необычайный пример преданности своей обители. И если фактически храмы и помещения Шартомского монастыря им отстоять не удалось, то, по крайней мере, их усердие было свидетельством того духовного влияния, какое оказывала древняя монашеская обитель на свое ближайшее окружение.

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 556. Оп. 111. Д. 968. Л. 204.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 22.

³ Митрополит Владимир Киевский был прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских на Соборе 2000 г.

⁴ ГАИО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 192.

⁵ ГАИО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 76. Л. 1-6.

⁶ Ранее село, где расположен Шартомский монастырь, называлось Пупки Большие или просто Пупок, смежное село по правобережью реки Молохты называлось Введенское. В советское время два села были объединены в одно с названием Введенье.

⁷ ГАИО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 192. Л. 13, 13об., 47.

⁸ Там же. Л. 41 об.

⁹ ГАИО. Ф. Р-211. Оп. 5. Д. 123. Л. 42, 42об., 43. (рукописн.)

¹⁰ Также сделаны подписи за неграмотных.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-211. Оп. 5. Д. 123. Л. 42.

¹² ГАИО. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 26. Л. 21, 25, 26, 30, 34, 37.

¹³ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1356. Л. 21.

¹⁴ Там же. Л. 1, 4, 7.

¹⁵ Вероятно, инвалиды занимали смежные с храмом келии настоятельского корпуса.

¹⁶ Видимо, имеется ввиду Никольская церковь в с. Чернцы.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1356. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ ГАИО. Ф. Р-211. Оп. 5. Д. 123. Л. 68.

²⁰ Так в документе.

²¹ ГАИО. Ф. Р-2399. Оп. 2. Д. 120. Л. 4-6.

²² ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1356. Л. 16.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1356. Л. 17.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 11.

²⁸ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1350. Л. 236.

Е. С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЕНИЙ ДРОЗДОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ШУЙСКОГО РАЙОНА)

После 1917 г. Дроздово стало центром сельского совета в границах церковного прихода. Как и раньше дроздовские селения входили в Якиманнскую волость Шуйского уезда и подчинялись Якиманнскому волисполкому (ВИК). В 1924 г. была образована Шуйская волость, в составе которой оказались Якиманнская и Юрчаковская волости.

В массе своей крестьянство поддержало революцию, надеясь на улучшение жизни на селе. Действительность оказалось гораздо сложнее.

В 1920 г. на общем собрании Якиманнской волости главным вопросом было *обсуждение* «трудовых повинностей» крестьян: «...Принудительной трудовой повинности не должно быть потому что русский народ любить работать без ига принуждения, но по силе для себя и лошади, и сбруи. Реквизиции, конфискации и другие

отборы давят в нас охоту и прилежность развивать хозяйство, а ведь на сельском хозяйстве зиждется государственная жизнь. Этого не должно быть». Крестьяне д. Матвейково жаловались, что «убивает государство крестьян, включая в списки скот, и приходится платить более продналога, через это приходится убивать скот...»¹

Каждый советский крестьянин был обязан отработать определенный минимум «трудодней» как в колхозе, так и на общественных работах. В трудовую повинность также включались вполне себе средневековые «обязательства» по гужевым, строительным отработкам, работе на лесоповале, ремонте дорог и так далее.²

В 1921 г. на заседании Якиманского ВИК неоднократно обсуждали гужевые повинности: «трудовую гужевую повинность по вывозке торфа с болота на фабрики» («почему нам за вывозку не платят денег и почему нет хлебопродовольственных карточек?») и «повинность» по вывозке дров. На каждый дом действовала «норма заготовки» – нужно было заготовить и привести в город 2 ½ куб. саж. дров.

Процесс коллективизация в Дроздове шёл тяжело, хотя кулаков и богачей в дроздовской округе не было. Лишены были избирательных прав, т.е. причислены к «нетрудовым элементам» представители духовенства и несколько торговцев.

В августе 1935 г. в селе Дроздово был организован колхоз, получивший название «Правда». Практически в каждой деревне, кроме самых маленьких, был свой колхоз: в Петрилове «Новая жизнь», в Матвейкове «Верный путь», в Горлицыне «имени 7-го съезда Советов» и т.д.

Проблем в колхозах было великое множество, всё производство держалось на лошадях и людях, неизвестно кто из них больше работал. Были сложности и с подбором «руководящих кадров». В 1936-37 г. (в течение 12 месяцев) в колхозе д. Горлицыно сменилось 4 председателя.

С начала 30-х гг. советские колхозники получили «обязательства» по государственным поставкам. Как правило, это был перечень видов сельскохозяйственной продукции, которые производили колхоз и личные подворья крестьян. Мясо и яйца сдавались независимо от наличия или отсутствия в крестьянских хозяйствах скота и птицы.

Отказавшиеся от вступления в колхоз попадали в разряд единоличников. Для них были введены специальные повышенные нормы.

В мае 1939 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Мероприятия по развитию общественного животноводства в колхозах», где были указаны «нормы обязательных мясопоставок государству»: для колхозных дворов – 36 кг «живого веса», для единоличников – 72 кг.

В октябре 1939 г. на заседании Шуйского райисполкома (РИК) обсуждали вопрос «селения хуторских хозяйств», это требовали последние решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

В июле 1940 г. Шуйский РИК постановил: выделить землю в д. Матвейково Киселеву и Бабайкиной из д. Соловцово, т.к. селение Соловцово «подлежит соснесению в августе м-це этого года». Из Дроздовиц переехали в Петрилово³.

Кроме натурального «оброка» у деревенских жителей были и денежные «повинности» Эти повинности делились на государственные, местные налоги, «добровольно-принудительные» сборы и займы. Самый известный из них – сельскохозяйственный налог, введенный еще в 1923 г. Кроме того, каждая колхозная семья была обязана уплачивать «добровольные сборы» – так называемое самообложение.

Кроме «добровольного» сбора денег с населения использовались штрафы, которые в колхозе измерялись в трудоднях, например такие:

- за хищение колхозными детьми продуктов с колхозных полей штраф для родителей: на 1-й раз 5 трудодней, на 2-й – 10 трудодней;
- за опоздание на работу (выход в поле): в 1-й раз выговор, во 2-й – от 1 до 3 трудодней;
- за кошение травы «во всех улицах» штраф от 2 до 5 трудодней.

В 1946 г. было принято решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства, а в 1948 и 1952 гг. увеличивался главный налог с крестьян – сельскохозяйственный.

Сельскохозяйственный налог включал в себя плату за все личные «средства производства». В 1938 г. для единоличников села Дроздово действовали следующие ставки для этого налога: «огород – 1100 руб. с га, сады и ягодники 600 руб. с га, «покос» – 54, лошади – 180 руб. с гол., коровы – 185, овцы и козы 7, улья рамочного 10 руб.»⁴.

Для колхозников был установлен минимум отработанных за год трудодней, даже для подростков был свой обязательный минимум трудодней – в количестве 50 трудодней в год.

Существовали разные меры воздействия для тех, кто не выполнил личный план по трудодням. Например, можно было существенно обрезать земельный участок при доме. Власть давила на селян со всех сторон, хотя и так жизнь колхозников была не сахар.

Даже в послевоенные годы механизация на селе была низка, основная тяжесть сельскохозяйственных работ ложилась на плечи колхозников. Вот что писала шуйская газета про посевную 1948 г. в колхозе д. Горлицыно: «...из-за перелеска выходят и медленно бредут 4 колхозника с лукошками, подвешенными через плечо. В такт своим шагам мерно вскидывают они правую руку и рассыпают по полю зерна овса...»⁵

Постановлением Совета Министров СССР от 27.08.1956 было запрещено использовать хлеб и другие продукты на корм скоту. За это давали штраф 50 руб. Но чем кормить корову в личном хозяйстве, если и траву скосить часто было негде? Даже в лесу было воспрещено «самовольное» кошение травы.

Площадь приусадебных участков жестко нормировались. Приказом по совхозу «Шуйский» (куда входили одно время дроздовские селения) в феврале 1964 г. размер приусадебного участка «не должен превышать 0,20 га на семью». Таково было требование Постановления Совета Министров РСФСР от 30.12.1963 г.

Лишь в 1960-е гг. стали выдавать паспорта всем колхозникам и выплачивать им пенсии. С этих пор фактически было отменено действовавшее на селе советское «крепостное право».

Цивилизация в русские сёла и деревни сильно запаздывала. От окраин Шуи до Дроздова всего 6 километров, но радио и электричество появились здесь лишь во второй половине 1950-х гг. Электрификация большинства селений дроздовского сельсовета произошла на 40-м году Советской власти. Некоторые отдаленные деревни так и не дожили до «лампочки Ильича».

Проблема дорог и мостов на селе всегда стояла остро. Продавщица магазина в д. Горлицыно в октябре 1978 (!) года на заседании сельсовета отвечала на жалобы покупателей: «Ввиду бездорожья хлеб завозился только 3 раза в месяц...»⁶

Одной из важнейших причин исчезновения деревень в нашем крае, говоря современным бюрократическим языком, была плановая «оптимизация», т.е. «научное» уменьшение количества населенных пунктов.

На декабрьском пленуме 1959 г. было принято решение о необходимости разработки схем районных планировок, следствием

чего стали предложения о необходимости деления сельских населенных пунктов на 2 категории: перспективные и неперспективные. В неперспективных деревнях предлагалось воздерживаться от строительства. С этого времени усилились проблемы многих деревень, и не только малых.

Перспективными считались, прежде всего, центральные усадьбы колхозов и совхозов, остальные поселения – отделения и бригады попадали в категорию неперспективных. Здесь капитальное строительство было сведено к минимуму, закрывались школы, клубы, магазины. В результате население уходило на центральные усадьбы или уезжало в город, и, как результат, деревня действительно становилась неперспективной и постепенно вымирала.⁷

Решением Шуйского РИК от 11 августа 1961 г. «Об утверждении списка населенных пунктов района для развития нового строительства...» к неперспективным из дроздовского сельсовета отнесли Матвейково, Жигари, Батыево, Федорково. Село Дроздово попало в «белый» список, но это было только поначалу...

Летом 1961 г. дроздовский храм во имя Воскресения Христова была закрыт по надуманной причине – «полной непригодности» здания.

Затем покатилась череда трагических событий. В 1964 г. ликвидирован Дроздовский сельсовет, все селения перешли в подчинение Китову. В том же году сельский клуб переведен из Дроздова в д. Новино. Летом 1966 г. закрыта дроздовская библиотека.

В 1972 г. закрыт в селе магазин, закрыта Дроздовская начальная школа. И всё! Через 2 года в селе не осталось ни одного дома.

Полному исчезновению (за исключением одной деревни) целого сельсовета, церковного прихода серьёзно поспособствовала организация близ Китова птицефабрики.

Появление Шуйской птицефабрики вроде бы должно было дать импульс для развития окружающей местности, но на самом деле это помогло только д. Петрилово, где в середине 1970-х были размещены птичники.

В результате Китово получает статус «центральной усадьбы», а деревни умирают одна за другой. Решением Шуйского РИК от 23.09.1971 «Об упорядочении учета и наименования населенных пунктов в районе» из списка селений исключили деревни Федорково, Батыево, Жигари, Матвейково⁸.

В 1974 г. такое же решение приняли по старинному селу Дроздово, ведущему свою историю как минимум с середины XV в. Про-

токол № 7 Шуйского райисполкома буднично зафиксировал: «Не считать населенными пунктами на территории района с. Дроздово Китовского сельсовета, деревни Незабытово Перемиловского сельсовета...» (Кто сейчас помнит деревню Незабытово?)

Не холера, не чума, а чей-то бездушный план, «экономическая целесообразность» выкосила почти все дроздовские деревни и само село. Конечно, часть деревень находились в лесу, вдали от «больших» дорог (например, Матвейково, Жигари), но отдельные деревни (Горлицыно, Новино) и само Дроздово вполне могли успешно существовать и в наше время. Шуйская объездная дорога проходит от месторасположения Новина и Горлицына на расстоянии не более километра.

В июне 1974 г. мой родственник В. В. Ставровский (1910-1989) был в тех местах и пораженный записал в своём дневнике: «...Подъехал к Дроздову – и не узнаю. Снесено всё до последнего домишка... Ограды вокруг церкви нет, кругом бурьян и крапива в человеческий рост... Поэтому поехал мимо церкви слева на Батыево, всё оглядывался назад и ничего не узнавал...»

И в заключение приведу небольшой отрывок из воспоминаний уроженца Дроздова генерал-лейтенанта юстиции Н. Ф. Чистякова (1914-2008) о судьбе родного села: «Как и многие другие деревни и села погибло оно из-за бездорожья, бездушного и равнодушного отношения властей к судьбам жителей. Меня не покидает мысль, что Дроздово и окрестные деревни не только можно, но нужно было сохранить. Для этого требовалось построить дорогу от села до Шуи протяженностью всего-то семь-восемь километров и организовать автобусное движение. От многих бывших дроздовских жителей я слышал рассуждения о том, что они никогда не уехали бы из села, если бы была дорога до Шуи, был магазин, как раньше»⁹.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р221. Оп. 4. Д. 4.

²Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. – Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. – С. 6.

³ ГАИО. Ф. Р1510. Оп. 1. Д. 5319.

⁴ ГАИО. Ф. Р1510. Оп. 1. Д. 5027.

⁵ Шуйский пролетарий (Шуя) // 1948. – 7 мая.

⁶Муниципальное учреждение «Архив городского округа Шуя» (МУ «АГОШ»). Ф. 262. Оп. 1. Д. 338.

⁷Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. – М.: б.и., 1977. – С. 23.

⁸ МУ «АГОШ». Ф. 3. Оп. 1. Д. 628.

⁹ Село наше Дроздово. – Шуя. – С. 36.

«ШУЙСКИЙ ФЛОТ»

Судоходство на реке Теза существовало с древнейших времен. С 1731 по 1837 гг. был долгий перерыв из-за построек мельниц. С 1837 г. судоходство началось заново.

Сначала суда тянули вручную или лошадьми, для чего вдоль берегов реки поддерживалась возможность движения пешеходов и лошадей вдоль берега. Появляются суда особого типа – «тезянки». Это плоскодонные баржи, стандартного размера, способные шлюзоваться в небольших шлюзах. На старых «тезянках» имелись примитивные мачты и паруса, позволяющие двигаться вниз по течению без помощи с берега. Первый пароход на Тезе появился в 1907 г., но суда на «лошадиной тяге» из-за своей дешевизны работали вплоть до 1915 г. Последнюю «тезянку» можно увидеть вблизи Вязниковского порта на берегу – она служит сараем.

Иногда в текстах владимирских краеведов можно встретить сообщение о том, что первым решился открыть судоходную линию на Тезе и Клязьме костромский помещик Катенин. В апреле 1887 г. (по другим данным, в 1886 г.) в Клязьму вошел первый пароход Катенина – «Посыльный», совершавший до того рейсы по Унже, притоку Волги. Во время высокой воды в половодье он доходил до Коврова, в остальное время курсировал от пристани Холуй в Вязниковском уезде до Нижнего Новгорода. Те же сведения указаны в книге Н. Свамицкого «Река Клязьма, пароходство по ней, виды, очерки и картины между Ковровом и Нижним Новгородом», год издания – 1893.¹

Но существующие изображения пароходов Катенина явно указывают на то, что они не способны проходить по узкой и извилистой Тезе, да и пятый шлюз они также не пройдут, чтобы дойти до современного Холуя. Впрочем, если внимательно изучить текст данной книги и ознакомиться с картой местности, то становится понятно, что под фразой «пароход до Холуя» имеется ввиду, что пароход идет не до села Холуй, а до «пристани Холуй». Она расположена в 6 верстах от села, ныне это поселок «Пристань имени 8 февра-

ля» или просто «Имени 8 февраля». От неё в свое время была даже временная узкоколейная железная дорога до Южи и фабрик Балина.

Более значительный и реальный вклад делает пароходство Василия Носкова. К 1910 г. «Кляземско-Городецкий Торговый дом Ф. И. Носков с сыновьями» (учрежден в 1908 г.) владел тремя пароходами: «Федор Носков», «Василий Носков» и «Агафон Носков». В 1905 г. Ф. И. Носков положил начало пароходству по рекам Оке, Клязьме и Тезе. На Тезе для движения судов им впервые была применена паровая сила, а для этого построены пароходы особой конструкции: «Кабардинец» и «Теза». Это маленькие заднеколесные пароходы-буксиры в 46 лошадиных сил, способные пройти шлюзы. Построены они были в 1906 и 1907 гг. и проработали очень долго — до 1956 г. Нововведение способствовало развитию торговли и промышленности в этом районе. После смерти Ф. И. Носкова (1911) семейное дело возглавил его сын Василий — ковровский купец, член Московского и Нижегородского биржевых обществ, съездов судовладельцев Волжского бассейна, Ковровского комитета Красного Креста.

В 1910 г. на общие средства судовладельцы построили компактную землечерпалку «Тезянская 1» производительностью 15 м³/час, способную после модернизации работать как от собственной паровой машины, так и от электричества, подаваемого по проводам с берега. Несмотря на наличие плотин, глубины на некоторых перекатах (к примеру, на Холуйских мелях между третьим и четвертым шлюзами) в маловодные годы падали до 75 см, и лишь работы по дноуглублению позволяли поддерживать их на уровне 85 сантиметров. Значительное количество времени землечерпалка проводила на двухкилометровом участке реки, соединявшем последний пятый шлюз с рекой Клязьмой. Известно, что до появления паровой землечерпалки дноуглубительные работы в этом месте проводились вручную. Землечерпалка прожила невероятный срок, выдержала пожар, уничтоживший настройку, и была распилена на металлолом лишь в конце 1970-х гг.²

Поле 1913 г. Носковых начинает теснить с Клязьмы и Тезы богатое «Товарищество мануфактур А. Я. Балина», имевшее фабрику в селе Юже. Оно завело 2 американских парохода и около 20 непаровых судов (барж, тезянок, баркасов), прибавило к ним несколько арендованных паровых и непаровых судов (Носкова) и открыло «правильную линию» Нижний Новгород — Холуй (порт). Упоминается, что у Балиных было всего 8 судов, отмечая 2 американских

парохода, остаётся 6, из них 2 – это маломощные носковские пароходы Кабардинец и Теза, сменившие владельцев, и 4 «современных».³

Точно можно указать, что из этих четырех начинают работу три парохода: «Южа» 1913 г. постройки (списан в 1956 г.), «Шуя» 1915 г. постройки, «Иранец» 1917 г. постройки (списан в 1956 г.). Все эти пароходы одного проекта – заднеколесные пароходы-буксиры с более совершенными машинами в 60 л.с. Возможно, четвертым пароходом, из новых, Балинских, был «Рыбак», тот же проект нижегородской постройки завода Яковлева для прохождения шлюзов.⁴

Регулярного пассажирского сообщения непосредственно по Тезе открыто не было. Пассажиров брали «с оказией» на свободные места как в пароходы, так и на баржи, без билетов и по устной договоренности.

В годы революции весь речной флот был национализирован и несколько раз менял названия, пристань «Холуй» обрела имя «Имени 8 февраля».

При советской власти в 1925 г. на Тезе открылось регулярное пассажирское сообщение. Для этой цели были переоборудованы две «тезянки» «Идея» и «Смычка» (дощатые плоскодонные баржи небольших размеров), которые со скоростью 6 километров в час (90 километров пути) буксировали колесные пароходы «Шуя», «Южа», «Иранец». Судя по воспоминаниям очевидцев, плавание до Холуя занимало до двух суток с неперменной ночёвкой в Сергеево при бывшем монастыре, на двухэтажные пассажирские баржи набивалось до сотни пассажиров. Пока одна баржа находилась в низовьях, другая была в верховьях реки. Твердого расписания не было, но летом маршруты организовывались не реже раза в два дня. Буксир также тянул помимо пассажирской еще и обычную баржу с промышленным грузом. Много времени занимало разделение сцепки и шлюзование 2 барж и парохода по очереди. Судя по отчету вязниковского технического участка, шлюзование одного судна занимало до 40 минут, нужно было пройти 5 шлюзов.⁵

Суда по-прежнему пропускались 7 месяцев в году, с мая по ноябрь. По дошедшим до нас данным, в 1923 г. было проведено 1905 шлюзований.

С 1935 г. к речному пароходству порта Вязники приписаны катера, работающие на Тезе: скорость движения увеличилась до 14 километров в час, а паровые буксиры стали таскать исключительно

баржи. Число шлюзований резко увеличилось: в 1935 г. – 7411 шлюзований, в 1937 г. – 5654 шлюзования.

Появляются настоящие пассажирские суда. Первым приходит «Речник» 1931 г. постройки в 50 лошадиных сил с двигателем внутреннего сгорания (списан в 1957 г.). Затем построенный на московских верфях в 1932 г. «№ 49» (Тип МСВ 19-метровый) первый катер серийной постройки, в 50 л.с., который ходил в основном до Сергеева (его иногда называют «Пеликаном»), списанный в 1955 г., самый пассажировместимый – около сотни человек. Последним в 1935 г. приходит «Практик» 1935 г. (списан в 1961 г.), меньшей пассажировместимости, который ходил, как и Речник, до Холуя.

В военные годы тезьянская система была практически законсервирована, так как многие работники ушли на фронт. Осенью 1942 г. происходит первая речная «катастрофа» – одну из «тезянок» ветром бросает на закрытые шлюзовые ворота, но они выдерживают удар.

После войны движение на реке возобновляется. В навигацию 1948 г. грузооборот по реке Теза составил 108712 т., вместо намеченных по плану 89800 т., перевезено 20500 пассажиров, вместо 40400. Снижение пассажирских перевозок было связано с тем, что в 1948 г. на реке Теза работал только 1 пассажирский катер, не хватало людей для комплектации плавсостава.

Впрочем, шлюзовую систему приспособили и для иных гражданских целей. При гидроузлах №1,2,3 были созданы колхозные ГЭС мощностью 60 кВт каждая, которые освещали эти гидроузлы. Сергеевская ГЭС при гидроузле №1 подавало энергию совхозу «Ильич» и близлежащим колхозам. В 1950 г. была построена Холуйская гидростанция при гидроузле №4.

После списания «№49» на участке Шуя–Сергеево с 1955 по 1958 гг. временно работает катер «Москвич» в 140 лошадиных сил на 130 пассажиров. Стоит отметить, что это несерийный пассажирский катер (не из серии знаменитых «Москвичей») 1938 г. постройки (списан в 1973 г.), который затем ушел работать на Оку в Коломну. Похоже, что это судно еще на плаву.

В 1958 г. в состав Управления Канала им. Москвы вошло Московско-Окское Бассейновое Управление Пути, включавшее в себя Москворецко-Окскую шлюзованную систему, реки Оку и Клязьму, а также Тезьянскую шлюзованную систему.

Принято решение создать для тезьянской шлюзовой системы специальные современные пассажирские суда, способные проходить короткие шлюзы. Первым становится «К-122». Это судно про-

екта К-80 (1526), специально изготовленное под тезянскую систему. Его длина была уменьшена на пару метров в отличие от массового проекта К-80. Судно было построено в 1957 г. на Калининских верфях, списано в 1976 г. Это было единственное на момент поступления в тезянский флот пассажирское судно, способное дойти до Холуя через все шлюзы. На судне было 80 сидячих мест (в стандартном «длинном» судне проекта К-80 – 120 мест), длина составляла 20,8 м., ширина 4,2 м. С экскурсиями «К-122» выходил в Клязьму и иногда доходил до города Ковров.

Поскольку одного небольшого, на 80 человек, судна, не хватало, учитывая что при долгих переходах до Холуя все места были заняты и пассажирам до Сергеево и ближайших пионерских лагерей не оставалось мест, то для обеспечения маршрута Шуя– Сергеево был поставлен новый теплоход весной 1957 г. Это знаменитый «речной трамвайчик» типа «Москвич» (544 проект), с названием «М-127», построенный в 1953 г. на московском судостроительном. Проработал он на Тезе до 1975 г., и был разрезан на металлолом.

Это был современный комфортабельный пассажирский теплоход в 150 л.с. Длина составляла 27,25 м., ширина 4,8 м. и высотой 5,2 м. Осадка средняя 0,71 / 0,74 м. Пассажировместимость: от 131 до 133 чел. Экипаж: 2 человека, автономность: 3 суток. Скорость: 19 / 17 км/ч. Существует общее мнение, что для тезянской системы построили специальный укороченный корабль типа «Москвич», но это не так. В Бобруйске действительно специализировались на выпуске мелкосидящей модификации «Москвича» для рек и озёр Белоруссии и Украины. Они как раз и были укороченными. Но на Тезе работал корабль московской постройки. «М-127» работал только по маршруту порт Шуя – Сергеево. Он физически не мог войти в шлюз по ширине и длине. Для того, чтобы перетащить судно в обход шлюзов, были проведены значительные инженерные работы.

В 1975 г. на смену «М-127» приходит такого же типа «М-83» (приписан к порту Вязники), постройки 1952 г. С 1952 по 1958 гг. работал в Москве, затем ходил по Клязьме. В Шуе через 2 года эксплуатации он утонул первый раз в 1977 г., но был поднят и восстановлен, и уже в навигацию 1978 г. активно возил пионеров и их родителей до лагерей в районе деревни Клещёвка. В 1990 г. он снова утонул, был списан, вытасчен на берег и полностью избавлен от лишнего оборудования. В 1995 г. корабль разобран на металлолом окончательно. Бытует «городская легенда» о том, что флагман шуйского пассажирского флота был потоплен начальником порта, кото-

рый устал держать на балансе и отвечать заникому уже не нужный заброшенный корабль.

В недолгий период расцвета тезянского пассажирского флота появляются Зарницы. Посещение города Шуи стало очень популярным мероприятием с целью прокатиться по реке около 90 километров и посетить старые города, осмотреть деревянные шлюзы. Одновременно на маршруты выходят «Зарница-24» постройки 1975 г. (22,4 м. длина, 4,05 м. ширина, 0,61 м. осадка, 48 человек пассажиров, 2 члена экипажа, скорость 34 км/ч, дизельный двигатель). Работала она в Шуе на местной пассажирской линии до 1986 г. и ходила только до Сергеево, так как не помещалась в шлюз. Также появляются «Зарница-8» (списана из Вязников в 2000 г.) и «Зарница-10» постройки 1975 г., на 40 человек пассажиров (ныне стоит в городе Кострома на базе МЧС). Обе были специально построены для Тезянской системы и вписывались в размеры шлюзовых камер. 12 лет шуйское пассажирское пароходство было самым богатым – 4 полноценных пассажирских судна. Но с 1987 г. пассажирские перевозки на реке Теза прекратились.⁶

Зарницы были судами скегового типа – то есть перемещались на воздушной подушке, образуемой под дном и ограниченной узкими выступами по бортам – скегами. При этом воздушная подушка образовывалась естественным путем за счет быстрого движения по воде. Плюсы такой системы заключались в высокой маневренности и низкой осадки. А вот обещанной экономии топлива не вышло – водозаборник для водометного движителя сильно тормозил судно.

Помимо пассажирских судов в годы стабильного экономического развития тезянская шлюзовая система имела на балансе 83 восьмидесятитонных баржи, 4 речных буксира, 1 теплоход «путейский». Согласно паспортным данным шлюзов, в сезон проводилось до 6,5 тысяч шлюзований. Это грузовые, пассажирские, туристические маршруты с выходом в реки Клязьма и Ока. По данным о перевозках за 1984 г., по р. Теза было перевезено 840 тыс. тонн грузов и 80 тыс. пассажиров за сезон.

Вообще грузовые перевозки широко использовались до 1975 г. По мере строительства автомобильных дорог, доставка грузов по реке год от года сокращалась. Теза постепенно превращалась из транспортной артерии в популярный туристический маршрут.

Обновление буксирного флота шло гораздо медленнее. С 1960 по 1964 гг. временно на смену пароходным буксирам приходили суда: БТ-1977 (Проект 522, 522А, построен в 1950 г., списан в 1970),

БТ-2056 (Проект 522, 522А построен в 1952 г., списан в 1974 г.). Ходили по Тезе они 1-2 сезона, пока пароходы, построенные еще до революции, находились в перманентном ремонте.

В конце 1960-х гг. Тезьянская шлюзованная система имела на балансе 2 буксировщика: теплоход «Филин», «Путейский-28», мотокатер «Путейский-18», брандвахты, баржи сухогрузные типа «Московский-128» (1960-1978 гг.) и землечерпалку – дноочистительный снаряд «ДТ-28». Также с 1960 по 1977 гг. на Тезе находится понтон «В-207», который служил для кратковременной перевозки пассажиров на различных праздниках и мероприятиях.⁷

Буксир «Филин» был построен в 1951 г., работал на Тезе периодически и перед самым списанием был приписан к шуйскому порту, списан был в 1971 г. Он пришел на смену устаревшим пароходам Балиных. Это был относительно современный буксир и буксир-толкач мощностью 110 кВт. проекта 522 / 794. Длина: 17 м. Ширина: 3,84 м., Осадка 0,72 / 0,84 м. Скорость: 17 / 15,5 км/ч. Мест для экипажа: 6 чел.

Флагманом грузового флота был буксир «Путейский-28», построенный в 1957 г. На Тезу он тоже пришел не сразу, долго считался экспериментальным, специально построенным для узких и неглубоких рек. Особенностью его было наличие водометного движителя инженера Хренникова с рабочим колесом пропеллерного типа. Также и рулевое управление было нестандартно: дефлектор с отражателями переднего и заднего хода, расположенный за насадкой. Это судно проработало почти до самого конца транспортного судоходства, и было списано в 1984 г. Размеры его позволяли проходить все шлюзы: длина 15,1 м., ширина 3,54 м., осадка 0,46 м. Скорость судна без состава на глубокой тихой воде – 15 км/ч. Такие тихоходные суда не выдерживали конкуренции с колесным транспортом, тем более, что сеть дорог расширялась.

Последние два теплохода считались служебными. Они предназначались для обеспечения навигации, перевозки персонала и грузов для обеспечения работы водного пути. Таких специальных судов на шуйском флоте было два.

Первый из них – «Путейский-18»– обстановочный теплоход мощностью 54 л. с. Построен в 1963 г., списан в 1976 г. Приписка Муром, хотя из Тезы практически не выходил, работая от начала до конца навигации.

Второй из них – носитель печального звания «последний теплоход Тезы» – «Путейский-37» типа «Такелажница» (построен в

1959 г.), с 1963 г. в эксплуатации в порте Шуя. Это был обычный обстановочный теплоход мощностью 90 л.с., который мог быть использован для перевозки грузов (до 4 т) или организованных групп пассажиров (до 38 человек). После того, как с Тезы ушла последняя «Зарница», этот корабль прошел первый шлюз, который за ним был заколочен навсегда. Корабль остался на берегу возле шлюзов в полностью исправном состоянии и был распилен на металл в 2009 г.

До 1994 г. гидротехнические сооружения Тезьянской шлюзованной системы находились на балансе Муромского района водных путей государственного предприятия «Канала имени Москвы» Министерства речного флота РСФСР. К этому времени данное предприятие фактически устранилось от содержания системы, переложив все работы по эксплуатации сооружений на администрации прибрежных городов и районов. Теза была объявлена нерентабельной, и по реке было закрыто все судоходство.

В 2003 г. Федеральным Государственным Учреждением «Верхне-Волжскводхоз» совместно с институтом «Ивановогипроводхоз» была разработана программа комплексного использования реки Теза – «Теза – 2010», согласно которой планировалось реконструировать гидроузлы №№ 1, 3, 4, 5 в бетоне с водохранилищами и шлюзовыми камерами. Шлюз №2 был сделан бетонным только в 2020 г. Все построенное также стало разрушаться, так как проект был составлен с некоторыми ошибками, был рассчитан на оросительные каналы, а не на реки. Но это уже другая история.

¹ Река Клязьма: пароходство по ней, виды, очерки и картины между Ковровом и Нижним Новгородом / Н. Сваицкий. – М.: тип. И. Я. Полякова, 1893. – С. 16.

² Фотогалерея речных и морских судов, база данных – Водный транспорт. URL <https://fleetphoto.ru/>

³ *Окороков А.В.* Паровое судостроение и судоходствов бассейне реки Оки в XIX – начале XX века. // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. № 6 (12). – С.109.

⁴ Фотогалерея речных и морских судов, база данных – Водный транспорт. URL <https://fleetphoto.ru/>

⁵ *Иванов Ю.А.* «А пароход плывет?»: прошлое и будущее «культурного» туризма на Тезе // Шуйская земля: традиции и туризм: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Шуя: Весть ГОУ ВПО «ШГПУ», 2006. – С. 39-40.

⁶ Фотогалерея речных и морских судов, база данных – Водный транспорт. URL <https://fleetphoto.ru/>

⁷ Судоходство на реке Теза // Неофициальный сайт города Южа Ивановской области. URL http://yuzhanews.narod.ru/history/sudohodstvo_teza.htm

**Д. С. МАРКОВ
М. Н. МАТВЕЕВ
(г. Шуя)**

**РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ:
О ВЫСОТЕ КОЛОКОЛЬНИ
ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА Г. ШУЯ**

Город Шуя входит в список исторических поселений России, а также является одним из важнейших центров региональной туристско-рекреационной системы, поэтому сбор и верификация информации об объектах историко-культурного наследия является приоритетной задачей для ученых и краеведов. Главной вертикальной и архитектурной доминантой Шуи является колокольная Воскресенского собора¹, которая при своих колоссальных размерах гармонично вписывается в культурный ландшафт города. Являясь значимым памятником эпохи классицизма и основным архитектурным символом города, колокольная Воскресенского собора привлекает внимание туристов. Доступ на нее открыт по время пасхальных гуляний, с ее смотровой площадки открывается наиболее эстетически привлекательный вид на сам город и его окрестности. При этом до сих пор имеются разногласия в указании высоты этого памятника архитектуры. В имеющихся публикациях указываются разные значения его высоты, как правило, без указания технологии проведения измерений, что создает почву для дискуссий относительно размеров колокольни, особенно в аспекте ее сравнения с другими выдающимися архитектурными объектами, и отчасти снижает значимость важного туристского бренда города Шуя. Исходя из этого, целью данной работы являлся анализ публикаций и официальных документов, содержащих сведения о высоте колокольни Воскресенского собора, также уточнение ее конкретного фактического значения с учетом возможных при проведении инструментальных исследований погрешностей измерений.

Шуйская колокольная Воскресенского собора является самой высокой в России из отдельно стоящих и одной из самых высоких в мире среди построек православной церкви. В списке самых высоких православных храмов и колоколен она занимает четвертое место, уступая колокольне Петропавловского собора (г. Санкт-Петербург, 122,5 метров), колокольне Спасо-Преображенского собора (г. Рыбинск, 116 метров) и колокольне Казанского Богородичного

мужского монастыря (г. Тамбов, 107 метров)². Высоты таких грандиозных сооружений как колокольни неизбежно измеряются со значительными погрешностями. Традиционным методом их измерения является использование аналоговых оптических приборов, имеющих погрешность измерения около 1-2%, а при более чем стометровой высоте колокольни это может составить ошибку в несколько метров. Также обязательно необходимо вводить поправки на неровности рельефа и кривизну земной поверхности, что в условиях плотной городской застройки сделать очень затруднительно. Использование в работах по определению высоты архитектурных памятников современных технологий (в том числе лазерного сканирования и фотограмметрии) существенно повысило точность проведения исследований и позволило уточнить высоты многих памятников и исторических зданий, недоступных непосредственному измерению. Анализ результатов измерений высоты самой высокой шуйской колокольни приведен ниже.

Строительство колокольни Воскресенского собора было начато в 1810 г. итальянским архитектором Я. Маричелли южнее храмового комплекса, а закончено в 1833 г. Завершал работы по возведению колокольни крестьянин владимирского уезда Михаил Саватеев под руководством губернского архитектора Петрова. Основная архитектурная идея строительства колокольни состояла в том, что она должна была сочетать в себе огромные размеры с простотой и лаконичностью формы. Усилению визуального эффекта при восприятии колокольни способствовало также использование определенного противопоставления массивного основания со стройностью башенной части. Величественность сооружения подчеркивалась колоннами тосканского ордера, которые утоплены в устоях широких арок и несут неукрашенный фриз и карниз. Все пять ярусов колокольни выполнены в едином стиле и гармонично воспринимаются с любого расстояния. Верхний ярус колокольни образован куполом высотой в 5,29 метра с прорезанными с четырех сторон круглыми окнами (люкарнами).

В большинстве имеющихся публикаций приводятся значения высоты колокольни Воскресенского собора в 106 метров³. Однако имеются указания и на другие ее значения, например, в 105,7 метров⁴, 149 аршин⁵ и др. При этом все указания на конкретные значения высоты колокольни не содержат сведений о технологии проведения измерений и не могут быть проверены на предмет корректно-

сти их выполнения и учета всех неизбежно возникающих при этом погрешностей.

Наиболее достоверные сведения по определению высоты колокольни инструментальными методами приводятся в рабочей научно-проектной документации по сохранению памятника «Соборы Воскресения, Я. Маричелли: Колокольня», подготовленной государственным унитарным предприятием по проектированию общественных зданий и сооружений «Моспроект-2» им М. В. Посохина. В томе «Архитектурно-строительные рабочие чертежи. Общестроительные чертежи» рабочей документации⁶ содержатся рабочие архитектурные материалы на реставрацию основного объема колокольни с обмерными чертежами, выпущенными НПП «Фотограмметрия». Высотные отметки на чертежах даны в метрах, в системе высот объекта за условный ноль принята верхняя ступень лестницы со стороны южного фасада. Согласно выполненным измерениям и подготовленным чертежам высота колокольни вместе с крестом составляет 104 метра 17 сантиметров.

Расхождения в указании высоты колокольни разными авторами могут быть связаны как с непосредственными погрешностями в измерениях, так и с недостаточно корректным учетом кривизны земной поверхности и неровностей рельефа при проведении глазомерных измерений. Нужно учесть и то обстоятельство, что за прошедшие столетия колокольня равномерно осела в грунт под давлением собственной массы⁷. Об этом косвенно свидетельствует количество ступеней у лестницы ее южного фасада. Проводимые реконструкционные мероприятия также могли повлиять на изменение высоты архитектурного памятника.

Шпиль колокольни Воскресенского собора тоже является уникальным архитектурным элементом, так как он образован восьмигранной пирамидой, при этом каждая грань шпиля представляет собой решетчатую форму, которая соединена в горизонтале кольцом-связью. При указании высоты шпиля колокольни в разных публикациях также имеются расхождения. В большинстве источников приводится значение в 35 метров^{1,8}, однако имеются указания и на значения его высоты в 40,5 метров⁴ и др. По результатам инструментальных измерений⁶ высота шпиля составляет 32,28 метра, а высота креста – 3,81 метра. Таким образом, высота шпиля с крестом равна 36,09 метрам.

Результаты проведенных в 2019-2020 гг. глазомерных исследований с помощью теодолит-буссолии учетом возможной погрешно-

сти измерений, в целом, подтверждают приведенные выше данные о высоте колокольни и ее отдельных элементов.

В заключение необходимо отметить, что любые измерения таких колоссальных архитектурных зданий как колокольни неизбежно сопряжены с разного рода неточностями и нуждаются в постоянном уточнении. Результаты даже самых высокоточных измерений должны корректироваться с учетом возможных погрешностей и верифицироваться с использованием разных технологий. Имеющиеся на данный момент научно-технические материалы позволяют определенно утверждать, что колокольня Воскресенского собора в Шуе является одной из крупнейших построек православной церкви и по праву занимает первое место среди отдельно стоящих колоколен в России. Остаётся только согласиться со словами поэта и князя И. М. Долгорукова, жившего в Шué в 1810 г., который писал: «Шуйская колокольня совместницей назначена быть трем важнейшим башням в России: Ивану Великому в Москве, Лаврской у Троицы и Печорской в Киеве»⁴.

1. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. Ч. 3. Отв. ред. Е.Г. Щёболева. – М.: Наука, 2000. – С. 520-524.

2. Список самых высоких православных храмов и колоколен. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_самых_высоких_православных_храмов_и_колоколен(дата обращения 31.07.2020).

3. *Сурин Г.И.* Слово о Шué. – Иваново: ОАО Издательство «Иваново», 2005. – 256 с.

4. *Пахров А.А.* Проблемы истории провинциальной культуры // Актуальные проблемы формирования личности на материале народной культуры: Межвузовский сборник научных трудов. – Шуя: Шуйский пединститут, 1994. – С. 72-81.

5. *Бабайкин В.* 205 лет с начала строительства шуйской колокольни // Местный спрос. – 29.07.2016.

6. Научно-проектная документация по сохранению памятника «Соборы Воскресения, Я. Маричелли: Колокольня», ГУП управление по проектированию общественных зданий и сооружений «Моспроект-2» им М.В. Посохина. Том «Архитектурно-строительные рабочие чертежи. общестроительные чертежи». Заказчик ООО «Кронтэкс». Гл. инженер А.А. Подольн. – М., 2014.

7. Здания и сооружения на подрабатываемых территориях и просадочных грунтах: Свод правил. Актуализированная редакция СНиП 2.01.09-91. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200094386> (дата обращения 31.07.2020).

8. Архитектурные обмеры: Колокольня Воскресенского собора. НПП «Фотограмметрия». URL: <https://photogrammetria.ru/209-arhitekturnye-obmery-kolokolnya-voskresenskogo-sobora.html> (дата обращения 31.07.2020).

ВОКРУГ ОЗЕРА ЯСКИНСКОЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Для многих шуян Яскинское озеро остается своеобразной *terraincognita*. Это во многом парадоксально, учитывая, что оно достаточно крупное, площадью больше пяти гектаров, имеет значительную площадь водного зеркала, отличается достаточно чистой и прозрачной водой, находится в городской черте рядом с кварталами жилой застройки. При этом к озеру нет хорошего подступа, небольшие тропы, ведущие к нему, даже после небольших дождей труднопроходимы, а рекреационная значимость относительно незначительна, так как для большинства традиционных видов околоводного отдыха оно слабопригодно. Однако с этим озером и прилегающим болотом связано довольно много интересных фактов, нашедших отражение в истории города. Велика и природоохранная роль Яскинского озера, так как оно располагается рядом с крупными промышленными предприятиями и является буферным элементом городского природного каркаса, а на прилегающем болоте имеются выявленные местонахождения редких растений и грибов. До сих пор не определено происхождение озерной котловины озера Яскинское, также отсутствуют данные о стадии его развития и возможных направлениях использования в хозяйственной деятельности. Накопленный за последние годы массив информации о природных особенностях Яскинского озера и болота позволяет использовать его в качестве объекта для проведения историко-географических палеореконструкций и проведения научных исследований по динамике ландшафтов. Целью проведенного исследования является систематизация информации об истории развития, эволюции и современном состоянии озера Яскинское и его окрестностей для выявления его основных гидрологических характеристик и определения направлений природообустройства и рационального природопользования.

Работа выполнена по материалам камеральных и полевых исследований, проведенных в 2012-2020 гг. В качестве исходной информации использовались топографические карты масштаба 1:10000 (проекция Pulkovo 1942), а также данные дистанционного зондирования Земли Landsat. Историко-географический блок ин-

формации был представлен топографической картой Владимирской губернии (с указанием широт и долгот) 1855 г. – масштаб в 1 дюйме 1 верста, составленной под руководством А. И. Менде. Определение морфометрических параметров озера проводилось в ходе проведения батиметрической съемки с использованием GPS-навигатора GarminGPSMap 64ST и эхолота GarminFishfinder 140. Векторизация слоев топографических карт, геоинформационный анализ и моделирование проводились с использованием возможностей ГИС ArcGIS 10.1¹.

Озеро Яскинское расположено на восточной окраине города Шуя, географические координаты его центра N56.84054°E41.40877°. Максимальная протяженность озера равна 470 метрам, а ширина – 200 метрам. Площадь водной поверхности составляет 5,2 га, а максимальная глубина – всего 1,6 метра. Озеро расположено на плоской, участками пологоволнистой озерно-ледниковой равнине с уклоном поверхности меньше двух градусов. По данным геологического бурения отложения Яскинского болота представлены торфяно-болотными переходными грунтами мощностью от 2 до 5 метров. Соответственно, интенсивное заболачивание озерной котловины началось около 3-5 тысяч лет назад².

Происхождение названия Яскинского озера относится к геогенным лимнонимам и определяется по его расположению среди одноименного болота. Анализ имеющихся фондовых материалов³ позволил определить, что так называемое *Яскинское II* – это верховое болото, расположенное в 2 километрах западнее д. Кочнево и в 1,5 километрах юго-западнее г. Шуи, которое состоит из двух обособленных участков. Вероятно, должно быть и болото *Яскинское I*, но в справочниках по болотам его нет¹.

Интересным является тот факт, что в известной работе шуйского краеведа середины XIX в. В. А. Борисова⁴ имеется указание на географический объект, отсутствующий на современных географических картах – Болото Вангирь, при этом в указании его расположения указывается, что *«Оно (болото) состоит из трёх отдельных низменностей, или котловин: первая из них начинается с юга от оконечности городской земли<...>, далее на юго-восток, верстах в четырёх от города к этой первой низменности примыкает другая, идущая от деревень Княжево и Захаровки. Третья же низменность начинается и идет еще далее от города, тоже на юго-восток, и примыкает северным концом к двум первым, начинаясь почти от села Афанасьево, и проходит мимо деревни Павлюково. Все эти три*

болота соединяются вместе и образуют собою общую котловину, получившую название Вангирь». Указанное местоположение определенно указывает на расположение западного отвершка болота Вангирь на территории современного Яскинского болота, которое было показано на карте А. И. Менде, изданной в 1855 г. Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что на указанной карте даже при ее высокой детализации топоним «Вангирь» отсутствует, также на ней не обозначено и озеро Яскинское. Очевидно, в середине XIX в. озеро не выделялось в виде отдельного водного объекта и представляло собой торфяную залежь с отдельными глубокими ямами, заполненными водой. Вероятный генезис происхождения озерной котловины озера связывается с торфяными пожарами, которые по указанию В. А. Борисова часто отмечались на этой местности: «Между торфом во множестве попадают остатки сосновых и дубовых деревьев, упавших в незапамятные времена и обнажившихся от бывших в разное время пожаров. Последний пожар был в августе месяце 1850 года»⁴. Торфяные пожары на болотах часто приводят к формированию озерных котловин с небольшой глубиной (на глубину торфяной залежи) и сложной формой берегов⁵. Так, например, в 1907 г. в Тейковском районе после засушливого лета на месте выгоревшего торфяника образовалось озеро Тайное⁶. По проведенным нами в 2018 г. измерениям глубины озера Яскинское оно имеет максимальную глубину всего в 1,6 метра, при этом его средняя глубина всего 1,1 метра, что косвенно подтверждает возможный пирогенный генезис отдельных участков озерной котловины. Справочник по болотам Ивановской области³ содержит сведения о том, что Яскинское болото разрабатывалось с 1944 г., что также повлияло на его гидрологический режим, способствовало углублению и выравниванию рельефа дна и оформило озеро в виде водоема, состоящего из двух изолированных участков. В путеводителе по городу⁷ указывается, что озеро по своему происхождению является торфокарьером, что подтверждается рельефом прилегающих прудов-копаней. Очевидно, Яскинское озеро имеет смешанное природно-антропогенное происхождение и образовалось посреди древнего болотного массива сравнительно недавно.

По результатам проведенных батиметрических измерений дно Яскинского озера представляет собой плоскую ваннообразную поверхность, с мощным слоем озерного ила. Глубины северного участка озера в среднем составляют около одного метра, в южном сегменте глубины несколько больше и достигают 1,3 метра. Макси-

мальная глубина в 1,6 метра отмечена в протоке между двумя частями озера. Небольшая глубина озера и ровный рельеф дна способствовал заполнению его основного объема водной растительностью с доминированием роголистника темно-зеленого и элодеи канадской. Прибрежные участки и отвершки покрыты плотным слоем ряски малой, много кореника обыкновенного и водокраса лягушачьего. Отмечены кубышка желтая и кувшинка белоснежная. Биоразнообразие Яскинского озера и его ближайших окрестностей относительно невелико, однако на прилегающих к нему заболоченных землях отмечены популяции редких растений, включенных в Красную книгу (дремлик болотный, плаунок топяной и гриб муцинус собачий). На участке около канализованного ручья Вангель сохранилась росянка круглолистная¹.

Озеро Яскинское и прилегающее к нему болото – один из интереснейших озерно-болотных ландшафтов. Столетиями находясь на границе города Шуя, оно сохранило многие черты естественного природного комплекса. Имея длительную историю развития и выполняя на разных этапах развития ряд важных хозяйственных функций⁴ (от охоты, рыбной ловли и выпаса скота, до размещения садовых товариществ и санитарно-защитных зон промышленных предприятий), озеро до настоящего времени находится в относительно стабильном экологическом состоянии. Являясь одним из крупнейших водоемов в городе, оно практически не используется в традиционных для городских водоемов видах природопользования и слабо освоено с точки зрения отдыха и рекреации. При этом озеро и прилегающее болото исключительно интересны с научной и образовательной точек зрения, по всему этому комплексу накоплен большой массив доказательной историко-географической информации, что создает основу для проведения на этой территории экотуристических маршрутов, а также организации экологических троп и учебных экскурсий для школьников и студентов университета.

1. Марков Д.С., Яковенко Н.В., Шилов М.П. и др. Озёрно-болотные ландшафты Ивановской области: вчера, сегодня, завтра. – Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2014. – 293 с.

2. Иванов К.Е., Клейменова Г.И. Возраст болотного массива и его связь с гидрологическими свойствами // Динамика ландшафтов равнинных и горных стран / Под ред. Е.В. Максимова. – Л.: Издательство ЛГУ, 1982.

3. Торфяной фонд РСФСР. Торфяные болота Ивановской области. – М.: [б. и.], 1940. – 260 с.

4. *Борисов В.А.* Болото Вангирь // Собрание трудов (материалов). Т. 3. Статьи, письма, записки о Шуе и Шуйском уезде. – Иваново: Издательство МИК, 2005. – С. 74-75.
5. *Колбовский Е.Ю.* Ландшафтоведение: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с.
6. *Осипов Т.* Тайное озеро // Рабочий край. – 1956. – 26 декабря. – С. 4.
7. Ценные природные объекты города Шуи: Путеводитель. Авторы-составители М.П. Шилов, Д.С. Марков, А.В. Рябов / Отв. ред. В.В. Возилов. – Шуя: МУК ШИХММ имени М.В. Фрунзе, 2010. – 120 с.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

С. В. КАСАТКИНА
(г. Заволжск)

ДВОРЯНЕ ФИЛОСОФОВЫ (НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА 1850-Х ГОДОВ)

Интересным и малоизученным является вопрос о взаимоотношениях дворян Филосовых, которые имели земельные владения в разных губерниях (Ярославской, Костромской, Петербургской, Псковской). Если о представителях этого рода, проживавших в Псковской губернии, опубликовано достаточно много информации, в первую очередь в сборниках «Философовские чтения»¹, то о Филосовых из Кинешемского уезда Костромской губернии известно очень мало. Тем более интересным является вопрос о взаимоотношениях представителей этого рода из Кинешмы с родственниками, проживавшими в XIX в. в Петербурге. Один из кинешемских Филосовых – Василий Аркадьевич, основал Волжский химический завод (современный Заволжск), поэтому изучение его биографии является важной составной частью в изучении истории Заволжска.

В фонде Алексея Илларионовича Философова (РГИА Ф. 1075) нам удалось найти его переписку с кинешемскими дворянами Филосовыми. Известно, что Алексей Илларионович Филосов (1799-1874), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, происходил из новолодожской генеалогической ветви Филосовых. Выпускник Пажеского корпуса, он с 1818 г. стал служить в артиллерии, прошел путь от прапорщика до полного генерала. В 1838 г. он был назначен воспитателем великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Широкая образованность, энциклопедические знания, блестящее владение иностранными языками – все это позволило ему занять место воспитателя сыновей Николая I. Его знали, как честного, справедливого и отзывчивого человека, к нему часто обращались с различными просьбами, надеясь на положительный исход².

В августе 1850 г. А. И. Филосов посещал Кинешму во время путешествия великих князей в Нижний Новгород. Он сопровождал их, как воспитатель и руководитель. 8 августа путешественники прибыли в Кострому, а 9 августа отправились по кинешемскому тракту через Кинешму и Юрьевец в Нижний Новгород.

В Кинешме гости посетили Успенский собор, оттуда после краткого молебна отправились в дом купца Поленова, «где изволили кушать»³. Затем гости посетили историческую часовню на Кинешемской площади при Крестовоздвиженской церкви, устроенную над телами погибших от рук Лисовского в Смутное время. 9 августа в 6 часов вечера августейшие путешественники отправились по тракту в Юрьевец.

Готовясь к путешествию в Нижний Новгород, А. И. Философов, очевидно, уже знал, что в Кинешме есть дворяне Филосовы, его родственники. В это время в Кинешме жили Василий Львович Философов с женой Анной Степановной. У них были дети Николай, Аркадий, Арсений, дочь Александра, бывшая замужем за Андреем Любовниковым.

В письме А. И. Философову (июнь 1851 г.) Анна Степановна писала, что предводитель дворянства передал «в проезд ваш через Кинешму милостивое Ваше внимание и позволение относиться к Вам, почему я осмелилась просить Вашего милостивого покровительства»⁴. Дочь Анны Степановны, Александра, в письме Алексею Илларионовичу (от 12 января 1857 г.) обращалась: «Будьте милостивы, не откажите выслушать мое покорнейшее прошение. По обещанию Вашему благодетельствовать тем, кто из рода Филосовых»⁵.

Неизвестно, были ли представлены лично Алексею Илларионовичу Филосовы в Кинешме, но, узнав о них, он после посещения уездного города обещал им всяческое покровительство. После этого путешествия между ним и кинешемскими Филосовыми завязалась переписка.

В архиве сохранились письма кинешемских Филосовых Алексею Илларионовичу, на некоторых из них остались его пометки, что позволяет сказать, что их ходатайства о помощи почти всегда разрешались положительно. В документах кинешемские дворяне затрагивали вопросы родства, устройства детей и внуков в учебные заведения. В свою очередь благодарность Алексею Илларионовичу за его благодеяния выражалась в их скромных подарках «от собственного хозяйства», которые отправляли Филосовы из Кинешмы в Петербург.

В письмах к Алексею Илларионовичу Анна Степановна Филосова рассказывала о своей жизни в Кинешме, о родственниках, о роде Филосовых. Она сообщала, что муж ее Василий Львович Философов лишен зрения⁶, поэтому всю переписку она вела сама.

А. И. Философов, получив письмо от Анны Степановны в декабре 1852 г., сделал пометку, что 3 февраля 1853 г. «послал посылку портрет мой, графин со стаканом и кружку»⁷. В следующем письме (от 19 февраля 1853 г.) она с радостью сообщала: «Получили драгоценные для нас Ваши подарки, особливо портрет Ваш, за которые не умеем вообще с Василием Львовичем объяснить чувств нашей благодарности за Ваши милости. Подходя несколько раз в день к портрету Вашему, воображаем, что будто мы так счастливы и представляемся Вам лично, а Василий Львович, не имевши утешения видеть его, расспрашивает меня о изображении онаго, какие имеете черты. Говорим о Ваших заслугах и добродетелях Ваших и несколько раз пролили пред ним радостные слезы»⁸. Далее она писала: «Не только мы чувствуем Ваши милости, но и будем стараться посеять в сердца детей наших, а особенно внучат, так как они еще малолетние, что я помнила о заслугах Ваших, Царь, и о милостях Ваших к нам, вот для того полученные от Вас драгоценные для нас подарки. Обновя их по Вашему приказанию, теперь поставили их хранить как дорогие для нас венцы с назначенным после жизни нашей.

Старший сын наш Николай тоже по несчастью семь лет лишен зрения и имеет двух сыновей Сергея 13 и Михаила 12 годов и дочь Варвару 15, кружку Вашу назначили Сергею, а графин и стакан Михаилу, чтоб были памятником в роде их, а средний наш сын Аркадий имеет тоже сына Василия 9 лет, Анну 14 лет, который был воспитанником нашим и как сына нашего Аркадия Васильевича наградил именем, называемым Мысы Кинешемской округи, жалованным царем Михаилом Федоровичем предку Философовых, на которое имеем и грамоту. (...) Надеюсь на милость Божию, если и внук наш Василий будет жив тоже будет приемник этого имени, то и драгоценный Ваш портрет ему, чтоб хранился в заслуженном имени предками вашими тоже и ваша заслуга будет памятником, а третий наш сын Арсений не женат»⁹.

В 1854 году скончался брат Алексея Илларионовича Философова Николай. Получив это известие, Анна Степановна писала (21 августа 1854 г.): «Душевно жалею о кончине незабвенного в добродетелях и достойно уважаемого братца вашего, как только получили ваше письмо на другой день о упокоении души его служили обедню в Кинешме в храме Преображения Господня, при котором покоятся предки рода Философовых почти двести лет с тех пор, как пожаловано подле Кинешмы имение предку Философому Царем Михаилом

Федоровичем. Он, поселившись в этом имении, избрал это место упокоения и теперь 13 памятников, а несколько уже разрушенных из которых видно по надписям, что некоторые служили при дворе, а некоторые были схимонахами и монахами, тут прежде был монастырь, у нас тут идет вечное поминовение, в котором записали о упокоении и брата вашего»¹⁰.

Письма А.С. Философовой подтверждают данные о том, что Философовы обосновались в Кинешемском уезде после Смутного времени, когда получили от царя Михаила Федоровича земли за службу. Среди этих пожалований была усадьба Мысы на другом берегу Волги. Многие Философовы нашли последнее упокоение на кладбище при Спасо-Преображенском храме Кинешмы, где ранее был монастырь. Некоторые из них перед смертью принимали постриг и были похоронены как схимонахи и монахи.

Внимание А. И. Философова к кинешемским родственникам и позволение обращаться к нему с ходатайствами и просьбами определило основное содержание писем дворян из Кинешмы. Анна Степановна отмечала: «По нашим преклонным летам собственно для себя ничего уже не желаем»¹¹, но главной заботой семьи оставалось устройство детей и внуков. Благодаря А. И. Философову внук Анны Степановны (сын дочери Александры) был определен в Костромской пансион¹². Анна Степановна главное внимание уделяла другому внуку (сыну Аркадия) - Васеньке (в тексте писем его имя без мягкого знака). По словам дочери Александры, Анна Степановна воспитывала его «уже почти со дня рождения» и «имела большую к нему привязанность»¹³.

А. С. Философова писала: «Родители не имеют возможности воспитать и пристроить, отец его больной и состояние не позволяет (...), Васе с июля пошел 11 год. Приготовление наук ему сделано дома Закон Божий со священной историей, грамматику, географию, арифметику и читает по-немецки и будут начинать учить по-французски»¹⁴.

В письме от 7 декабря 1853 г. Анна Степановна обращалась к Алексею Илларионовичу: «Сделайте милость, будьте покровитель, устройте счастье, ни мы, ни отец его не имеем возможности пристроить его на свой счет (...), совершенно отдаем на волю вашу, куда посоветуете и как вам угодно, только не откажите сделать милость, устроить его счастье (...) чтоб не упустить время еще умоляю чтоб мы могли покойно закрыть глаза и при жизни видеть его пристроенным»¹⁵.

В феврале 1854 г. Анна Степановна вновь писала Алексею Илларионовичу: «как вы по милости своей советуете отдать его в какой-либо военный корпус, то совет Вашего Высокопревосходительства мы законом себе поставляем и решаемся, если господь поможет, отдать в Москве, (...). Просим вашего милостивого покровительства и ходатайства в последствии времени об зачислении в казеннокоштные воспитанники»¹⁶. На письме сохранились пометки, сделанные рукой А. И. Философова. Он написал: «Получено 1 марта 1854 года. Отвечал того же числа и послал письмо к Директору 1 Московского корпуса Владимиру Петровичу Желтухину – о принятии малютки»¹⁷. Сохранился ответ В. П. Желтухина от 29 марта 1854 г., в котором он сообщал: «... хотя в настоящее время вакансии для своекоштных пансионеров во вверенном мне корпусе все замещены, но в уважение Вашего Превосходительства, я счел приятным для себя принять в корпус родственника Вашего Василия Философова, тем более, что отзыв Вашего Превосходительства о первоначальном воспитании его, подает надежду увидеть в нем со временем не только хорошего воспитанника, но и надежного офицера»¹⁸.

Анна Степановна благодарила А. И. Философова за устройство внука в учебное заведение и отмечала: «Теперь доложу вам, как только внук наш Васенька представлен был с вашим письмом к директору первого корпуса – 27 марта, он так его принял милостиво и ласково и тот же день зачислил его пансионером в 1 корпус с платою в год 200 рублей серебром. (...) Помогите милостивым ходатайством в казеннокоштные»¹⁹.

В другом письме она отмечала: «что касается до платежа денег за него [Васю. – С.К.] в корпус, будьте уверены, что при маленьком нашем состоянии готовы во всем себе отказать, но не допустим, чтоб вас довести до беспокойства за ваши милости. (...) к нему пишем, чтобы старался учиться и вел себя кротко и имел к старшим уважение и помнил, кто его благодетель, чтобы не зачернил себя и был достоин всяких милостей и ручательства»²⁰.

Анна Степановна благодарила Алексея Илларионовича за внимание к внуку. Она писала: «Я получила письмо из Москвы от внука моего Васеньки, который по милости вашей устроен кадетом, он пишет, что вы и его осчастливили вашим милостивым приветствием и говорили с ним, да наградит вас господь за все ваши милости».²¹

Далее в письмах она сообщала об исправном внесении денег за внука²². В то же время в 1855 г. писала о своем нездоровье и семейных трудностях: «Еще более мучусь, что за ваше милостивое пору-

чительство в верном платеже за внука моего Васеньку Философова в 1 кадетском корпусе в Москве сделали просрочку, должно внести за 2 половину 1855 года июля 1 дня, но я только еще сейчас отправила 100 рублей серебром, (...) отец его вступил в дружину, которая в июле пошла в поход, не имея средств по маленькому своему состоянию внести за сына, я также по моему худому здоровью и внести не могла в срок – а сегодня только посылаю, боясь чтоб внука не сделать несчастливым, чтоб за неплатеж в срок не исключили из корпуса, надеюсь только на ваше милостивое покровительство»²³. Из письма видно, что отец Василия, Аркадий Васильевич вступил в дружину для участия в Крымской войне.

Постоянно в письмах Анна Степановна ходатайствовала о переводе внука на казенный счет. В письме от 12 апреля 1855 г. она писала: «Не смела бы вас просить, но чувствую себя по преклонным моим летам близкой к вечности – если возможно сделать милость и ходатайствовать внука нашего Васеньку Философова по милости вашей полтора года находившегося в 1 Московском кадетском корпусе своекоштным кадетом о принятии его на казенный счет»²⁴.

8 июля 1857 г. Алексею Илларионовичу написала письмо мать Василия Авдотья Алексеевна, она тоже ходатайствовала о переводе сына на казенный счет. В письме она сообщала о семейных горестях: «Видя из ваших почтеннейших писем к матушке моей свекрови Анне Степановне Философовой, [сын. – С.К.] пользуется вашим вниманием к нему. Благодаря также старанию его бабушки о своем внуке и нашем сыне, но видя ее преклонные уже лета и слабое здоровье, осмеливаюсь сама при сем беспокоить вас моею покорною просьбою, если милость ваша будет и возможность по обещанию вашему со временем постараться перевести его на казенное содержание. Я бы никак не осмелилась просить вас, Ваше Высокопревосходительство, но вынуждена тем, что муж мой Аркадий Васильевич Философов, служивши в ополчении, был там отчаянно болен тифозной лихорадкой, и возвратившись больным до сих пор не может поправиться в своем здоровье, а лечение расстраивает небольшое наше состояние, к тому же мы имеем дочь в таких летах, что нужно подумать об ее устройстве и награждении»²⁵.

На письме стоит пометка Алексея Илларионовича: «Ростовцеву 18 августа 1857 г. Ростовцев 14 сентября с № 1565 отвечал, что худо учится и худо ведет себя 5 баллов, а потому до исправления перечислен быть не может. 18 сентября писано Анне Степановне Фило-

софовой и посланы бумаги в оригинале»²⁶. Я. И. Ростовцев в это время являлся начальником штаба по военно-учебным заведениям.

В письме от 20 октября 1858 г. Анна Степановна сообщала: «Сколько возможно было делать ему [внуку. – С.К.] строгих наставлений, чтобы поправился в поведении и старался учиться лучше и писали, как он смел забыть ваши милости и наставления, слышанные от вас лично и не старался быть достойным. За ваши все милости и ходатайство буду чаще повторять ему все эти наставления, мне стыдно против вас, я мучусь совестью, что он так худо заслуживает ваше благодеяние»²⁷.

Через полгода она уже сообщала об улучшении поведения и учебы внука. В мае 1858 г. Анна Степановна писала: «Экзамены в корпусе начались из Закона Божия Васенька имеет 12 баллов из географии – 11 баллов, а по окончании экзаменов хотел обо всех баллах уведомить, и тетка его княгиня пишет, что учиться и ведет себя гораздо лучше и перед экзаменами все молился богу и служил молебны, что меня очень обрадовало. Прошедшую весну и все лето даже и до нынешнего года до рождества тетка его все была в деревне в Костромской губернии, вот он без нее и сделался шалун, а теперь она уверяет, что гораздо лучше учиться и ведет себя и на счете хороших учеников, она сама несколько раз пишет, что была в корпусе и узнавала об нем (...), просила о переводе его в казенные воспитанники и писала мне (в прошлом году) что он оставлен до нынешнего года для исправления, а теперь исправляется поведение и учиться и сам пишет, что чувствует ваши милости (...), надеется оправдать себя за ваши милости и по выпуске из корпуса явиться (...), не откажите нынче, попросите о переводе его казенным воспитанником»²⁸.

В следующем письме она вновь обращалась с просьбой: «устроить казенным кадетом (...), Васеньку во время летних роиспусков видела, он был у нас и не узнала его (...) сколько сил моих доставало делать ему наставления вести себя хорошо учиться (...) уверяет, что непременно будет стараться выйти артиллеристом»²⁹.

Неоднократно Анна Степановна посылала подарки в Петербург. В письмах она отмечала: «Осчастливьте и удостойте принять от усердия нашего собственных наших трудов хозяйства банку варенья поляники и в уксусе рыжиков»³⁰, «препровожаем вам (...) бурачок белых грибов в уксусе и сухих белых грибов, (...) удостойте принять, тоже нашего хозяйства две индейки»³¹. В письме от ноября 1855 г. она в качестве подарка отправила «наших кинешемских

изделий белья, небольшой столовый прибор и чайный прибор»³². В декабре 1857г. она послала «две банки поляники варенья, а 3-ю баночку удостойте принять, осчастливьте внука моего Васенку, устроенного по вашей милости. Он, бывши летом у нас просил сварить от него и выбирал самые лучшие ягоды в свою баночку и прощаясь уже с нами просил, чтобы я не забыла ее представить, еще препровождаю бутылку поляникового сиропа и ведро отварных в уксусе грибов, желала бы лучше приготовить рыжиков в уксусе, но нынче совсем не было»³³.

Таким образом, Алексей Илларионович Философов, занимавший высокий пост воспитателя великих князей, знал своих дальних родственников дворян Философовых из Кинешмы, оказывал им помощь, интересовался родственными связями. Он состоял в переписке с Анной Степановной Философовой, ее дочерью Александрой и снохой Авдотьей Алексеевной. Благодаря А. И. Философову двое внуков Анны Степановны были устроены в учебные заведения в Костроме и в Москве. Василий Философов успешно окончил 1 Московский кадетский корпус. Кинешемские дворяне Философовы имели малое состояние, не имели больших связей, поэтому ценили и уважали такого покровителя, как Алексей Илларионович, неоднократно посылали ему в Петербург скромные подарки от своего хозяйства.

¹ https://bezmuzei.ucoz.ru/index/spisok_statej_sbornikov

² *Игнатенко В.Ф.* Алексей Илларионович Философов как филантроп и просветитель // Философовские чтения. Сборник материалов вторых Философовских чтений. –Пос. Бежаницы, 2006. – С. 5-17.

³ Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Свящ. Е.П. Вознесенского. – Кострома: Типография Андроникова, 1859. – С. 114.

⁴ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 1. Письма Философовой Анны, жены Философова Василия Львовича Философову Алексею Илларионовичу. 1851-1859.

⁵ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 518. Л. 7. Письма Любовниковой (урожденной Философовой) Александры Васильевны Философову А.И.

⁶ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3 об.-4.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Ед. хр. 847. Л. 1. Письмо от 24 июня 1851 г.

¹³ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 518. Л. 4.

- ¹⁴ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 5-5 об.
¹⁵ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 6 об. Письмо от 7 декабря 1853 г.
¹⁶ Там же. Л. 8 об. Письмо от 23 февраля 1854 г.
¹⁷ Там же. Л. 8.
¹⁸ *Игнатенко В.Ф.* Алексей Илларионович Философов как филантроп и просветитель//Философовские чтения. Сборник материалов вторых Философовских чтений. – Пос. Бежаницы, 2006. – С. 8.
¹⁹ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 9 об. Письмо от 1 мая 1854 г.
²⁰ Там же. Л. 10 об. Письмо от 21 августа 1854 г.
²¹ Там же. Л. 15. Л. Письмо от 27 ноября 1855 г.
²² Там же. Л. 11. Письмо от 12 января 1855 г.
²³ Там же. Л. 14. Письмо от 17 августа 1855 г.
²⁴ Там же. Л. 13. Письмо от 12 апреля 1855 г.
²⁵ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 840. Л. 1-2. Письма Философовой Авдотьи Алексеевны Философову Алексею Илларионовичу 1857-1862 гг. Письмо от 8 июля 1857 г.
²⁶ Там же.
²⁷ РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 17. Письмо от 20 октября 1857 г.
²⁸ Там же. Л. 20-20 об. Письмо от 14 мая 1858 г.
²⁹ Там же. Л. 21. Письмо от 25 октября 1858 г.
³⁰ Там же. Л. 2. Письмо от 22 ноября 1852.
³¹ Там же. Л. 6. Письмо от 7 декабря 1853 г.
³² Там же. Л. 15. Письмо от 27 ноября 1855 г.
³³ Там же. Л. 19. Письмо от 11 декабря 1857 г.

С. В. КАСАТКИНА
(г. Заволжск)

СУДЕБНОЕ ДЕЛО АВДОТЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ ФИЛОСΟФОВОЙ С КРЕСТЬЯНИНОМ ЖАРИНОВЫМ

Среди документов Государственного архива Ивановской области хранится два объемных судебных дела, в которых главными действующими лицами выступают государственный крестьянин Гавриил Иванович Жаринов и кинешемская помещица Авдотья Алексеевна Философова¹. Судебное разбирательство между ними длилось более 10 лет – с 1856 по 1867 гг. В чем суть этого дела?

В декабре 1856 г. крестьянин Гавриил Иванович Жаринов, который проживал в Нижегородской губернии Семеновского уезда в селе Дьякове, подал прошение в суд. Он сообщал, что «в 1855 году мая 18 числа по просьбе проживающего в городе Семенове служащего бондарем в Семеновской питейной конторе Костромской губернии Галицкого уезда деревни Шилова крепостного подпоручицы

Авдотьи Алексеевой Философовой крестьянина Моисея Данилова и жены его Аксины Степановны о выкупе их от означенной г. Философовой на волю с тем, чтобы они мне изведенную за выкуп их сумму выплатили или заработали, ездил я с женою Данилова Аксиныю Степановой к помянутой госпоже их Философовой, живущей Костромской губернии Кинешемского уезда в усадьбе Мысах»².

На вопрос «Почему Жаринов решил помочь выкупиться на свободу крепостным Философовой» он сам отвечал, что сделал это по их просьбе, «чувствуя христианское сострадание». При этом Жаринов «согласился внести за них (...) деньги, с тем, чтобы они те деньги зарабатывали погодно»³.

В мае 1855 г. Жаринов вместе с женой Данилова приехали к помещице Авдотье Алексеевне Философовой в усадьбу Мысы. Жаринов сообщал, что она «опросила о причине приезда нашего, на что Аксиныя Степанова и стала ей говорить, что сударыня, мы по вашему дозволению сего благотворительного человека о взносе за отпуск вами нас на волю денег приискали и он соглашается нас выкупить, (...) Философова начала со мною разговор о том, чей я и откуда, и потом уже спросила согласен ли я Данилова и жену его выкупить»⁴. После переговоров пришли к мнению: Жаринов должен был внести 2200 рублей. Затем Философова послала в село Владычное за священником и диаконом. При них была оформлена расписка в том, что Философова взяла задаток 1000 рублей. Расписку «писал начерно диакон, а переписывал набелосвященник Василий Весин»⁵. Остальные деньги (1200 рублей) Жаринов должен был отдать Философовой при получении от нее вольной бумаги. Как сообщал далее Жаринов: «но как я известия, чтобы ехать за получением вольной от Философовой по прошествии двух месяцев не получил почему и решился писать и писал к ней два письма»⁶. Они остались без ответа.

В это время Философова писала своему крестьянину Данилову, «что она об вольной бумаге хлопотать не станет, а чтоб оную получал он Данилов сам и при том требовала с него за тот же 1855 год годовой оброк»⁷. Узнав об этом, Жаринов во второй раз приехал к Философовой, спросил на счет вольной, на что она сказала ему, чтобы Данилов приезжал сам.

Данилов послал к Философовой жену свою Аксиныю Степановну, которую Философова по приезде к ней оставила во дворе, а Данилову прислала еще письмо. В нем Философова писала, «что

вольная бумага для тебя готова, сей час за вольной приезжай сам, а не жену присылай, ее не нужно, она довольно бойка»⁸.

Данилов и Жаринов вновь отправились к Философовой, она требовала с Данилова оброк. Жаринов согласился «оной за него заплатить», а потому отдал Философовой 75 рублей, а по спросе на счет вольной Философова требовала, чтоб Жаринов еще прибавил 500 рублей, а иначе она вольной не даст. Жаринов не согласился на это, и, по его словам, Философова «послала их вон».

Жаринов, Данилов и жена его вновь писали Философовой письмо «на счет вольной». Она прислала ответ своему крестьянину Данилову «приказала ему с женой явиться к ней». Жаринов в свою очередь «просил ее, чтобы она если не согласна отпустить Данилова с женою на волю за условленную между нами сумму», возвратила бы ему деньги с понесенными им убытками.

Философова вновь прислала письмо Данилову, в котором «писала, что будто бы она делала для него милости отпускала на волю, но он денег не взнес, а потому и приказывала ему Данилову с женою явиться к себе, т.к. уже она им назначила и места: первому кучерское, а последней – в ключницы».

Жаринов вновь ездил к ней, уже в четвертый раз. Он просил ее о возвращении полученных ею 1000 рублей, но Философова сказала Жаринову «что она его знать не хочет и будто бы она деньги получала не от него»⁹. Это для Жаринова оказалось последней каплей, и он подал прошение в Семеновский уездный суд, чтобы полученные Философовой с него деньги (1075 рублей) «истребовать и оными его удовлетворить»¹⁰.

В декабре 1856 г. Философова обратилась спрощением, в котором говорилось: «За неповиновение и грубости, желаю я находящегося по паспорту в отлучке, дворового моего человека Моисея Данилова с женою Аксиньею Степановой, проживающих Нижегородской губернии в городе Семенове и служащих при тамошней питейной конторе водворить Кинешемского уезда в усадьбу мою Мысы, а для того прислать их посредством внутренней стражи из Семенова в Мысы»¹¹.

В феврале 1857 г. Философова дала объяснение становому приставу Кинешемского уезда по поводу взыскания с нее денег крестьянином Жариновым. Она писала, что с крестьянином Жариновым «совершенно не имела намерения лично иметь сделку, но относилась к тому, что только при помощи его, Данилов окончательно выкупиться от меня на волю (...) Я полагаю, что это у него

Жаринова [возникло желание – С.К.] возбудить к неповиновению моего Данилова. (...) С Жариновым я никаких расчетов в деньгах делать обязанною не считаю. Покорнейше прошу не взыскивать с меня денег из подлежащих к платежу крестьянину Жаринову»¹².

Поскольку свидетелями встречи Философовой и Жаринова были священнослужители Богоявленской церкви, с них приставом были взяты объяснения. Священник села Владычня Василий Весин сообщал, «что в прошлом 1855 г. в мае месяце действительно вместе с диаконом Василием Горским был в доме прихожанки (нашей) кинешемской помещицы Авдотьи Алексеевны Философовой, но не по просьбе, или ее позыву, а просто так, как и всегда мы бываем приняты ею с расположением. В это время был неизвестный мне крестьянин, называющийся Семеновского уезда Гавриилом Жариновым и крестьянская жена Аксинья Степанова, которая имела с господжою Философвою условие в отношении освобождения ее с мужем Моисеем Даниловым из крепостного ее состояния и в этом случае по просьбе Философовой было писано мною условие крестьянину Жаринову, но с кого г-жа Философова получала за то деньги или с крестьянина Жаринова, или же с самой жены Моисея Данилова Аксиньи Степановой при многочисленном тогда собрании гостей я и не заметил, тем более, что г-жа Философова имела (сношение – Л. 73 об.) с женою Степановой в особой комнате, а Жаринов выдавал себя не более как за ходатайствователя со стороны крестьянина Моисея Данилова, еще к тому же и при написании мною условия Жаринов ничего не объявлял о том, что кем именно им или женою Аксиньею Степановой уплачены г. Философовой деньги»¹³. Дьякон села Владычня Василий Горский объяснил тоже.

13 февраля 1858 г. Кинешемский уездный суд слушал докладную записку и определил: «как из дела видно, что Философова изъясняет ныне согласие отпустить вечно на волю Моисея Данилова с женою Аксиньею Степановой с тем, чтобы уплатил условленную сумму оброк за 2 года, а потому крестьянину Жаринову в иске с Философовой в отдаче за отпуск Данилова денег отказать и вместо онаго взыскать с него согласно обоюдному желанию в пользу Философовой за отпуск Данилова остальные деньги 1200 рублей и оброку за 2 года 210 руб. ассигнациями, а Философову обязать подпискою, чтобы она дала Данилову отпускную. Означенное решение объявить участвующим в деле лицам»¹⁴. Решительное определение суда подписали судья Поленов, дворянские заседатели Богуславский, Ратьков, скрепил секретарь Соколов.

31 марта 1859 г. Жаринов уплатил за Данилова Филосововой требуемый за два года оброк (до 1857 года) – 60 рублей серебром (или 210 рублей ассигнациями)¹⁵. После этого Семеновское городническое правление просило понудить Филосовову к выдаче отпускной на крестьянина ее Данилова с женой его.

Однако Филосовова в апреле 1859 г. снова обвинила Данилова в неуплате оброчной суммы теперь уже с 1857 г. и просила взыскать с него требуемую сумму (45 рублей серебром). Суд принял решение 13 мая 1859 года – «взыскать с Данилова 45 руб. сер.»¹⁶. Жаринов на эти несправедливые требования Филосововой подал в апелляционный суд.

Костромская гражданская палата рассмотрела дело и отметила, что Определение Кинешемского уездного суда от 13 февраля 1858 г. «совершенно нарушило силу закона». Кинешемский уездный суд, «не вникнув в дело, сделал ей Филосововой во всем послабление и даже по просимости ее заключил взыскать сверх 1200 руб. еще за 2 года оброку 210 рублей без всякого законного основания»¹⁷. Затем уездный суд «по частному г-жи Филосововой прошению, особым постановлением заключил взыскать с Данилова кроме 210 руб. еще за полтора года 45 руб. сер.». Кинешемский уездный суд «в угождение Филосововой делает как Данилову, так и доверителю его Жаринову стеснение»¹⁸. Филосовова трижды требовала оброк и трижды получала его.

Гражданская палата отметила, что «добровольно заключенное Филосововой с крестьянином Жариновым условие есть законный договор, совершенный домашним порядком, следовательно, он (...) имеет обязательную законную силу и для Жаринова в отношении уплаты за выкуп Данилова долга, тем более для Филосововой относительно выдачи Данилову отпускной, за которую она получила в задаток и деньги и была даже удовлетворена Жариновым, по прочим не входящим в состав договора требованиям. А потому это условие по закону должно быть исполнено по точному его разуму и словесному смыслу. Между тем Филосовова постоянным уклонением от выдачи Данилову отпускной и требованием и получением вопреки условию не следующих по смыслу денег со своей стороны совершенно нарушила это условие»¹⁹.

В итоге 23 сентября 1860 г. Гражданская палата определила: «за явным уклонением Филосововой в нарушение добровольно заключенного условия от выдачи крестьянину Данилову с женою отпускной – предоставить ему Данилову с женою свободу с правом из-

брать род жизни какой пожелает, а с крестьянина Жаринова взыскать в пользу Философовой остальные 1200 рублей асс. Решение Кинешемского уездного суда от 13 мая 1859 г. как противное закону отменить»²⁰.

Однако Философова в сентябре 1862 г. потребовала «заключить Жаринова в тюремный замок, как несостоятельного должника», поскольку он «от платежа 1200 рублей отозвался несостоятельностью»²¹. При этом она «представляла кормовые деньги (3 рубля серебром) на содержание Жаринова в тюремном замке»²².

В ответ на это Жаринов в 1863 г. подал два прошения в Кинешемский суд о взыскании с Философовой «излишне взятых с него Жаринова оброка и прочих убытков (по его подсчетам всего 467 руб. 12 коп.), т.к. оные (...) Костромскою гражданскою палатой признаны правильными»²³. Оба прошения Жаринова (от 25 февраля и 18 апреля 1863 г.) были ему возвращены, так как, по мнению суда, он «не предоставил доказательств об убытках»²⁴.

С января 1865 по май 1867 г. в Кинешемском суде производилось второе дело по иску крестьянином Семеновского уезда деревни Дьяково Жариновым с помещицы Авдотьи Философовой денег (по его подсчетам - 378 руб. 20 коп.)²⁵. Это было продолжение вышеописанного процесса.

Кинешемский уездный суд решением своим, состоявшимся 25 мая 1866 г., определил: «крестьянину Жаринову в иске с подпоручицы Авдотьи Алексеевой Философовой, а сей последней с крестьянина Жаринова убытков и по этой волоките понесенных ими при производстве дела (...) отказать и (...) с Жаринова довзыскать в пользу Философовой 342 руб. 85 ½ коп. сер.»²⁶.

Кинешемский уездный суд также отмечал, что «следует отказать крестьянину Гавриилу Жаринову в иске с Философовой полученного ею со своего крестьянина Моисея Данилова оброка. До получения Даниловым с женою свободы, он, Данилов должен был находится в полном повиновении у своей помещицы. Это значение должно выражаться не на одних словах, но на самом деле; ибо помещичий крестьянин тогда только будет находится в полном повиновении, когда станет исполнять все законные требования своего господина как того требует закон, т.е. платить оброк, подушные и все те расходы, которые несут крестьяне своим обществом»²⁷.

3 апреля 1867 г. Авдотья Алексеевна Философова дала подписку в том, что отношение Кинешемского уездного суда о взыскании с

крестьянина Жаринова денег ей объявлено. Она написала: «Отношением остаюсь довольна в чем и подписуюсь»²⁸.

Семеновское уездное полицейское управление в июле 1867 г. писало мировому посреднику: «Жаринов по неимению в наличности денег оплатить означенного долга не может, имущества кроме дома, состоящего из двух изб под одной связью, лошади, коровы и необходимого носильного платья также не имеет. Почему полицейское управление покорнейше просит вас уведомить управление не признаете ли Вы возможным у крестьянина Жаринова что-либо продать из вышеозначенного строения и другого движимого имущества на уплату денег Filosoфовой»²⁹. На этот запрос мировой посредник 3 участка Семеновского уезда Александров ответил, что «из числа описанного у крестьянина деревни Дьяково Гаврилы Жаринова за долг Filosoфовой имущества, без разорения его не может быть продано ничего»³⁰.

Таким образом, продолжавшееся более десяти лет судебное дело между крестьянином Жариновым и помещицей А. А. Filosoфовой закончилось полным разорением крестьянина, который потратил на судебные издержки и выкуп из крепостной зависимости Моисея Данилова и его жены все свои доходы. Изучение документов дела показало, что Кинешемский уездный суд «делал Filosoфовой во всем послабление». Все это подтверждает справедливость поговорок: «Что мне законы, коли судьи знакомы!», «Тяжбу завел - стал гол как сокол».

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 3409. Дело о взыскании крестьянином деревни Дьяково Гавриилом Ивановичем Жариновым с помещицы Авдотьи Алексеевны задатка для выкупа вольной грамоты двум крепостным. 4 сентября 1858 – 22 мая 1864 г.;

ГАИО Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 4372. Дело по иску крестьянином Семеновского уезда деревни Дьяково Жариновым с помещицы Авдотьи Filosoфовой денег 378 руб. 20 коп. 7 января 1865 – 20 мая 1867 гг.

² ГАИО Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 3409. Л. 4.

³ Там же. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4-4 об.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Там же. Л. 26.

- ¹³ Там же. Л. 51-51 об.
¹⁴ Там же. Л. 103-105.
¹⁵ Там же. Л. 170.
¹⁶ Там же. Л. 179.
¹⁷ Там же. Л. 202-202 об.
¹⁸ Там же. Л. 202 об. – 203.
¹⁹ Там же. Л. 206 об. -207.
²⁰ Там же. Л. 207-208.
²¹ Там же. Л. 229-229 об.
²² Там же. Л. 232-232 об.
²³ Там же. Л. 238.
²⁴ Там же. Л. 241-242.
²⁵ ГАИО Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 4372.
²⁶ Там же. Л. 90-90 об.
²⁷ Там же. Л. 89-90.
²⁸ Там же. Л. 92.
²⁹ Там же. Л. 87.
³⁰ Там же. Л. 86.

К. Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ НАГРАДЫ
ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА)**

В период после крестьянской реформы 1861 г. Россия вступила на путь модернизации, которая была необходима для того, чтобы догнать ушедшие вперед страны Запада. Модернизация сопровождалась секуляризацией сознания и повседневной жизни широких масс населения. В этих условиях перед православной церковью встали серьезные проблемы, ей необходимо было сохранить свое влияние на население. Это удалось в той или иной мере сделать за счет жесткой иерархической структуры, а также поддержания дисциплины в рядах клириков. Это было возможно в том числе при помощи системы поощрений и наказаний, которая сложилась в синодальный период существования церкви. Остановимся на поощрениях, которые практиковались на примере г. Иваново-Вознесенска.

Наиболее распространённой формой поощрения духовенства была благодарность от вышестоящих. В официальной части «Владимирских епархиальных ведомостей» часто встречается такая формулировка как «признательность епархиального начальства».

Например, ее удостоился в 1867 г. известный своей просветительской деятельностью священник села Иванова Александр Альбицкий¹. В отличие от абстрактной формулировки «епархиальное начальство» благословение епархиального владыки выглядело более конкретно и весомо. Действительно, это поощрение считалось более престижным. В 1898 г. правящий архиерей преподавал свое благословение иваново-вознесенскому иерею Александру Охотину².

Еще более ценным являлась благословение, преподанное от Святейшего Синода. В 1884 г. Александр Кумошенский из Крестовоздвиженской церкви получил его, как говорилось в информации, «без грамот», т.е. в устной форме³. Еще более почетным было благословение с грамотами, священник мог повесить их на видном месте в своем жилище.

Поводы для благодарности от епархиального или синодального начальства могли быть разными. Встречаются совершенно непрозрачные формулировки, такие как «за усердную и полезную службу», которой отличался священник Крестовоздвиженской церкви Василий Никольский⁴. Более конкретные поводы для такого рода отличий выглядели так: «за труды по народному образованию» (Александр Альтовский), «за распространение книг и брошюр из уездных книжных складов» (Василий Якиманский), за собранные 955 р. в пользу бедных из духовного звания (Василий Соловьев) и т.п.⁵

Основной формой более «материальных» поощрений священнослужителей являлись не государственные награды в виде орденов и медалей, и не денежные выплаты. Чаще всего клириков православной церкви награждали богослужебными вещами, которые они в дальнейшем с гордостью надевали во время богослужения.

Низшей из этих наград являлся набедренник – матерчатый прямоугольник. Религия является символической формой общественного сознания, и каждая вещь, каждое действие имеют в ней свое значение. Набедренник является символом меча духовного, с помощью которого иерей воюет с человеческими грехами. Как видно из его названия, его носили прикрепленным на ленте на бедре. Далее следовали наградные головные уборы – скуфья и камилавка. Первая из них представляла собой мягкую шапочку, вторая – более впечатляющий головной убор: расширяющийся кверху цилиндр. Священникам также жаловали в качестве награды наперсный крест, который назывался так, потому что носился «на персях», т.е. на груди. Гораздо более редкой наградой являлась палица – матерчатый ромб,

который также носили на ленте на бедре, он, как и набедренник, символизировал духовное оружие священника – слово Божие. Наконец, крайне редкой наградой являлась митра, которая представляла собой округлый сверху головной убор. Удостоенный ее называется митрофорным иереем⁶.

Информация о таких поощрениях появлялась практически в каждом номере «Епархиальных ведомостей». Что касается награждений набедренником, то первоначально о них не сообщалось, т.к. награда считалась обычной и большинство священников, прослуживших несколько лет, ее имели. С 1890-х гг. епархиальный офиц-оз начал сообщать и об этих наградах. Например, в 1897 г. набедренник получил священник единоверческой церкви Сергей Александровский⁷.

Абсолютное большинства таких наград вручалось «по духовному ведомству», т.е. непосредственно за пастырскую или миссионерскую деятельность. Бывали и исключения: в 1902 г. наперсный крест от Святейшего Синода получил настоятель церкви при Иваново-Вознесенском реальном училище Иоанн Завазальский⁸.

В официальной части «Ведомостей» сообщения о награждении иваново-вознесенских иереев скуфьей, камилавкой, наперсным крестом встречаются часто. Например, в 1868 г. удостоился камилавки Василий Соловьев, которому в дальнейшем было суждено получить еще множество иных духовных и гражданских наград⁹. После долголетней службы в «русском Манчестере» он принял монашеский постриг и скончался на посту настоятеля Высоко-Петровского монастыря в Москве¹⁰.

Награждение палицей иваново-вознесенских священников нам встретилось на страницах «Епархиальных ведомостей» только один раз, это произошло уже после событий октября 1917 г. В начале 1918 г. священник Крестовоздвиженской церкви по решению Синода Василий Никольский был отмечен этой наградой¹¹.

Клирики православной церкви награждались не только «ведомственными» отличиями, но и государственными орденами и медалями. Это происходило реже, чем у чиновников, и при награждении строго соблюдалась, как и в гражданском ведомстве, иерархия орденов, т.е. они вручались в определенной последовательности. Напомним эту иерархию: Станислав 3-й степени, Анна 3-й ст., Владимир 4-й ст., Георгий 4-й ст., Станислав 2-й ст., Анна 2-й ст., Владимир 3 ст. и т.д.¹² Этот ряд мы не стали продолжать потому, что

более высокие награды провинциальное духовенство, по крайней мере – на уездном уровне, не получало.

Сразу нужно оговориться, что в информации о награждениях за полвека ни разу не упомянут орден Станислава какой-либо степени. Очевидно, духовенство им не награждалось. Представителей этого сословия, не служивших в действующей армии, не награждали и орденом св. Георгия.

Информация, которая публиковалась в «Епархиальных ведомостях», отличалась скупостью. В ней указывались имена и фамилии награжденных, храмы, в которых они служили, и дата императорского указа. В начале XX в., в газетных сообщениях официальной части «Ведомостей» указывалось также по какому ведомству награжден священник – по епархиальному или гражданскому. В большинстве случаев отмечали орденами по церковной линии, но были и исключения. Например, в 1909 г. упомянутый выше протоиерей Иоанн Завазальский был отмечен Орденом Анны 3-й степени по гражданскому ведомству, при этом было отмечено, что он служит в Спасской церкви Иваново-Вознесенского реального училища¹³. Из этого явствует, что награду ему дали за многолетнее и успешное преподавание Закона Божия среди реалистов. В период царствования Николая II возникла традиция радовать подданных наградами в день рождения монарха. Поэтому списки награжденных были приурочены к 6 (18) мая¹⁴.

Какими орденами отмечался пастырский труд иереев? Это были последовательно: Анна 3 ст., Владимир 4 ст., реже — Анна 2-й степени. Относительно набора из трех орденов сказано, что это «почти все награды, доступные для провинциального священника». Их был удостоен настоятель Крестовоздвиженской церкви о. Василий Богородский, о его орденах сообщалось в некрологе¹⁵.

Действительно, в абсолютном большинстве случаев клирики больше двух Анн и одного Владимира не получали. Единственным исключением из этого правила был настоятель Покровского собора о. Василий Соловьев, который за своих заслуги по духовному ведомству был награжден Владимиром 3-й степени¹⁶.

Что касается диаконов, то они получали ордена значительно реже, чем священники. В Иваново-Вознесенске такой чести удостоился только диакон престижной Крестовоздвиженской церкви Михаил Виноградов. В информации о награждении его Анной 3-й степени (низшим из возможных для духовенства орденов) говорилось,

что он отмечен за 50-летнюю службу, что было редким явлением в духовной среде¹⁷.

В российской наградной системе имелись не только ордена, но и медали. Нами при фронтальном просмотре «Епархиальных ведомостей» была встречена только одна информация о награждении сразу трех диаконов медалями для ношения на груди на Аннинских лентах. Однако эти клирики не имели отношения к Иваново-Вознесенску¹⁸.

Таким образом, в рассматриваемый период в православной церкви существовала разветвленная система поощрений священно- и церковнослужителей, которая стимулировала их к эффективному выполнению обязанностей – окормлению паствы, педагогическому труду в школах, миссионерской деятельности и т.п.

¹Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). Владимир. 1867, 15 августа. № 16. С.717.

²Там же. 1898, 1 мая. № 9. С. 182.

³Там же. 1884, 1 мая. № 9. С. 220.

⁴Там же 1876, 15 декабря. № 24. С.1192.

⁵Там же 1868, 15 ноября. № 22. С. 1058; 1887, 1 мая. № 9. С. 225; 1888, 1 декабря. № 23. С. 430.

⁶Словарь православной церковной культуры. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С.222.

⁷ВЕВ. 1897, 15 февраля. № 4. С.71.

⁷Там же. 1897, 15 февраля. № 4. С.71.

⁸Там же. 1902, 1 июня. № 11. С. 197.

⁹Там же. 1868, 1 июля. № 13. С. 680.

¹⁰Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (XIX в. – 1918 г.). Историко-генеалогический справочник. – Иваново: ИвГУ, 2003. – С.118-119.

¹¹ВЕВ. 1918, май. № 7 – 8. С. 49.

¹²Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России. XVII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 346.

¹³ВЕВ. 1909, 9 мая. № 19. С. 137.

¹⁴Там же. 1912, 12 мая. № 19. С. 88 и др.

¹⁵Там же. 1893, 1 июня. № 11. С. 340.

¹⁶Там же. 1897, 1 ноября. № 21. С. 609.

¹⁷Там же. 1912, 7 января. № 1. С. 4.

¹⁸Там же. 1912, 12 мая. № 19. С. 88.

**ВКЛАД
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В конце XIX в. Иваново-Вознесенск являлся безуездным городом в составе Шуйского уезда Владимирской губернии. Занимая столь скромное место среди городов Владимирской губернии, он по численности населения был равен Владимиру, а годовая производительность его предприятий в 1892 г. составляла 26 млн. руб., что явно превышало показатели столицы губернии.

Несмотря на статус города, Иваново-Вознесенск в начале своего исторического пути больше походил на село. В 1873 г. для прохожих имелся всего один тротуар, так что в ненастную погоду жители ходили по улицам, утопая в грязи около домов, или переходили на мостовую, рискуя попасть под лошадь. Неприглядность Русского Манчестера дополнялась отсутствием водопровода и тусклым керосиновым освещением центральных улиц (окраины в ночное время погружались в полную темноту, превращаясь в рай для грабителей).

Главным препятствием на пути решения насущных проблем являлось недостаточное финансирование. Обязательные расходы на содержание правительственных учреждений, самого городского управления, полицию, квартирную воинскую повинность и пожарную часть «съедали» до 25% местного бюджета. В денежной подпитке нуждалось местное здравоохранение, просвещение и общественное призрение. После выделения бюджетных денег на обязательные расходы, на благоустройство оставалось в среднем 10% бюджетных средств. На заседаниях городской думы проходили жаркие дискуссии о том, на какие цели направить эти средства. Масштаб городских проблем явно превышал размеры местного бюджета.

В сложившейся обстановке помощь частных лиц оказывалась жизненно необходимой. Среди иваново-вознесенских фабрикантов находились лица, интересы которых не ограничивались только развитием собственного текстильного производства. В этой связи, прежде всего, следует назвать Якова Петровича Гарелина. Он был представителем пятого поколения купеческого рода Гарелиных.

Яков Петрович пользовался в городе заслуженным авторитетом не только как успешный предприниматель, но и как общественный деятель, который стоял у истоков создания города и всю жизнь старался способствовать его процветанию. Возглавляя Вознесенский посад, он приобрел огромный опыт в решении многих хозяйственных вопросов. Свидетельством его успехов стали золотые медали на Владимирской, Александровской и Андреевской лентах, полученные за активную общественную деятельность.

Яков Гарелин активно занимался благотворительностью. Он выделил 8 тысяч рублей на строительство больницы для мастеровых и рабочих в Иваново-Вознесенске, финансировал открытие в 1861 г. воскресной школы при мужском училище. За пожертвование ткани со своей фабрики для раздачи бедным гражданам, а также за устройство при больнице для чернорабочих церкви Николая Чудотворца Гарелин трижды получал благодарность императора¹.

Яков Петрович был активным сторонником соединения села Иваново и Вознесенского посада в город Иваново-Вознесенск. С 4 января 1877 г. по июнь 1886 г. он занимал пост городского головы². Всё это время Яков Петрович Гарелин продолжал свою благотворительную деятельность: на его личные средства было выстроено здание училища для детей мастеровых и рабочих, ежегодно он выделял 350 рублей на содержание приготовительного класса, передал 1500 томов книг в публичную библиотеку при ее открытии, оказывал помощь нуждающимся семьям.

До конца своих дней Яков Петрович проявлял заботу о нуждах города. В своем завещании, составленном за год до смерти, он распорядился своим имуществом не только в пользу детей и внуков, но и в пользу города. Все свои земли и каменный дом в Иваново-Вознесенске Я. П. Гарелин завещал городскому обществу с условием, что в доме должно быть устроено училище садоводства, огородничества и технического рисования. При училище, по его планам, должна быть устроена церковь во имя апостолов Петра и Якова. На строительство храма он выделил 40 тыс. рублей, а иконы туда передавались из молельни при его доме. Согласно завещанию при училище предполагалось создать музей ремесел и промышленности, куда передавалась его личная коллекция монет, картин и медалей. В нижнем этаже дома должна была размещаться публичная библиотека, для которой Гарелин завещал всё своё личное книжное собрание.

В случае, если городское общество отказалось бы от этих пожертвований, то все средства, по завещанию, переходили в ведение

Шуйского земства. Кроме того, в завещании говорилось, что капитал в 4 тыс. рублей передавался органам городского самоуправления с условием, чтобы на проценты с него два раза в год накануне Пасхи и Рождества раздавалось мясо самым бедным жителям города, как это было заведено еще при жизни Якова Петровича. Еще 4 тыс. рублей он завещал на содержание ночлежного приюта в Иваново-Вознесенске.

Вся жизнь Якова Петровича Гарелина и его последняя воля наглядно свидетельствуют о том, как много он сделал на благо родного города и его жителей.

Заметный след в истории развития города оставил и Николай Геннадьевич Бурылин³. Все его благие начинания полностью одобряла и поддерживала супруга Надежда Харлампиевна. Огромные доходы позволяли чете Бурылиных выделять средства на развитие социальной сферы, вести благотворительную деятельность. Около 90 тыс. рублей в год товарищество под руководством Н. Г. Бурылина выделяло на социальные нужды рабочих. Были построены несколько домов для служащих и мастеров; каменный корпус для рабочих с четырьмя спальнями на 585 коек, кухней и столовой, где питались 2400 человек; амбулаторный приемный покой, баня. Всем этим рабочие пользовались бесплатно. Товарищество платило и страховые взносы за всех работающих. В 1896 г. при фабрике было открыто бесплатное училище для малолетних, где обучалось около 150 учеников.

Дмитрий Геннадьевич Бурылин, младший брат Николая Геннадьевича, промышленник и меценат, укрепил авторитет семьи, став основателем великолепной коллекции музейных ценностей. Коллекция эта сама по себе уникальна и неповторима, и ее появление на ивановской земле – неоценимый дар, дошедший до нас из прошлого. На протяжении многих лет формирования этого знаменитого собрания редкостей и древностей, Николай Геннадьевич помогал брату в приобретении новых музейных экспонатов.

Наряду с заботами о расширении коллекции, Бурылины обращали внимание и на текущие частные вопросы, связанные с улучшением городской жизни. На средства Д. Г. Бурылина и Товарищества Куваевской мануфактуры, председателем которого был Н. Г. Бурылин, в Иваново-Вознесенске был устроен бульвар на Александровской улице (ныне пр. Ленина). Городская дума в течение 10 лет безуспешно пыталась решить этот вопрос. С появлением нового бульвара горожане получили возможность совершать в тени

деревьев прогулки в центре города. В начале XX в. в городе не было ни одного парка для публичных гуляний, и появление нового бульвара заметно улучшило внешний вид города. В 1907 г. вместе с женой Н. Х. Бурылиной (урожденной Куваевой) Н. Г. Бурылин обратился в городское общественное управление с предложением о постройке городской больницы. В 1910 г. больница была открыта и названа в память о родителях Надежды Харлампиевны Бурылиной (сегодня это 2-я городская клиническая больница). Финансирование строительства больницы обошлось Н. Г. Бурылину в 600 тысяч рублей. Куваевская больница (на 70 коек) была лучшей в городе. Супруги Бурылины передали больницу в дар городу, выделив при этом средства для достойного обеспечения ее деятельности. Этот благотворительный акт был по достоинству оценен: 7 июня 1910 г. Николаю Геннадьевичу и Надежде Харлампиевне Бурылиным было присвоено звание почетных граждан города Иваново-Вознесенска.

Благотворительная деятельность иваново-вознесенских фабрикантов, имевшая в своей основе религиозно-этические мотивы, способствовала улучшению качества жизни горожан, развитию городской культурной среды и, безусловно, повышала уровень городского благоустройства.

¹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2100. Л. 59.

² Ивановский архив: Краеведческий научно-популярный альманах. №3. – Иваново, 2001.

³ Ивановский архив: Краеведческий научно-популярный альманах. №1. – Иваново, 1996.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЗВОД» ШУЙСКОГО И КОВРОВСКОГО УЕЗДОВ В 1918 ГОДУ

Прежде чем говорить о «разводе экономическом», следует охарактеризовать «развод административный». Образование 100 лет назад Иваново-Вознесенской губернии повлекло за собой изменение границ Ковровского уезда. В сентябре 1918 г. в состав вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии были переданы 7 северных волостей уезда (Берёзовская, Быковская, Воскресенская, Зименковская, Лежневская, Милюковская и Чернецкая)¹. Из них Бере-

зовская и Лежневская, а позднее – Милуковская волости, вошли в состав Тейковского уезда, остальные отошли к Шуйскому уезду Иваново-Вознесенской губернии².

В Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО) в фонде 379 Владимирской губернской земской управы хранится весьма содержательный документ, заключающий в себе перечень всех предприятий Ковровского уезда в 1917 г., т.е. накануне этого масштабного территориального раздела, который заметно уменьшил площадь уезда в пользу соседей³. Соответственно, уменьшение территории повлекло за собой и изменения промышленного облика уезда. Достаточно сказать, что до административных реформ в Ковровском уезде насчитывалось 88 различных больших и малых предприятий. Структура их была такова: бумаготкацких фабрик – 42, бумагопрядильных заведений – 3, одно красильное заведение с раздаточной конторой, ватная фабрика – 1, льно-ткацкое заведение – 1, шерсто-прядильное заведение – 1, известковый завод – 1, водяные мельницы – 11, механическая мельница – 1, маслобойни – 3, кожевенные заводы – 2, мыловаренный завод – 1, механические заводы – 2, штамповальни – 1, кузнецко-токарные и челночно-токарные заведения – 4, мелкие слесарные заведения – 3, лесопильные заводы – 2, токарные заведения – 7, деревообделочный завод – 1. Ковровский уезд в то время включал в себя и свой административный центр – город Ковров, в котором было еще два крупных предприятия, не упомянутых в данном местном документе, – это Ковровские железнодорожные мастерские, подчинявшиеся Министерству путей сообщения, и строившийся Ковровский пулеметный завод.

Если из приведенного перечня вычленим промышленные предприятия, находившиеся непосредственно в городе, – 8, то на уезд останется 80, большая часть из которых относятся к текстильной промышленности (58) или к заведениям, ее обслуживающим, как, к примеру, катушечно-токарные или челночно-токарные заведения.

В результате раздела территории в Шуйский уезд отошли 11 из 42 бумаготкацких фабрик (список в конце статьи), одна сохранившаяся раздаточная контора с красильным заведением А. В. Баканова при с. Ростилково Быковской волости, 4 водяных мельницы (в селе Хотимль, при д. Чипузихе Быковской волости, при д. Перевозной Воскресенской волости и водяная мельница В. А. и Ф. В. Пряхиных в Чернцкой волости), лесопильный завод М. П. Лазарева в д. Чипу-

зихе Быковской волости и 4 токарных заведения (три из них крестьян Кувшиновых в д. Кнутихе Быковской волости и одно И. П. Павловского в д. Арефино той же волости), т.е. всего 21 промышленное заведение. В Тейковский уезд перешло 7 предприятий, включая три бумаготкацких и одну бумаго-прядельную мануфактуры, а также водяная мельница, кожевенный завод и деревообделочное заведение. Таким образом, чуть больше 30% промышленных заведений Коврова и уезда поменяли свой «юридический» адрес на Иваново-Вознесенскую губернию, что, в целом, не повлияло на изменение экономического облика территории – в Ковровском уезде по-прежнему преобладали текстильные предприятия. Хотя в 1918 г. многие из них уже не работали из-за отсутствия сырья.

Административные реформы 1929 г., когда к Шуйскому округу отошли Алексинская, Савинская и Тынцовская волости, окончательно лишили Ковровский уезд, преобразованный в Ковровский район, статуса текстильного района⁴.

Список бумаготкацких фабрик, отошедших из Ковровского к Шуйскому уезду

1. Бумаготкацкая фабрика Товарищества Мануфактур бр-в Г. и А. Горбуновых в д. Колобово Зименковской волости.
2. Бумаготкацкая фабрика Товарищества Горкинской Мануфактуры при селе Горки Быковской волости.
3. Бумаготкацкая фабрика Горкинской Мануфактуры н-ов П. Т. Шорыгина при селе Горки Быковской волости.
4. Бумаготкацкая фабрика Д. и П. И. Горностаевых при с. Воскресенском Быковской волости.
5. Бумаготкацкая фабрика П. Н. и А. Ф. Дербеневых прис. Петровском Быковской волости.
6. Бумаготкацкая фабрика И. И. Девочкина при д. Ворониной Быковской волости.
7. Бумаготкацкая фабрика В. Т. Кораблева при д. Паршнево Быковской волости.
8. Бумаготкацкая фабрика Г. М. Кораблева при д. Паршнево Быковской волости.

9. Бумаготкацкая фабрика П. Е. Кучина при сельце Колобово Зименковской волости.
10. Бумаготкацкая фабрика Торгового дома И. С. Латышева с сыновьями (бывшая Н. Е. Гусева) в с. Зименках.
11. Бумаготкацкая фабрика А. Г. Малахова при д. Сениной Зименковской волости.

¹Справочник по административно-территориальному делению Ивановской области. 1918-1965 гг. / В. Воробьёв. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965.

² Постановление от 08 сентября 1918 года «О делении Иваново-Вознесенской губернии на уезды». Принято Иваново-Вознесенским губернским съездом Советов // Электронный ре-сурс: <http://docs.pravo.ru/document/view/19871858/18663388/http://docs.pravo.ru/document/view/19871858/18663388/>. Дата обращения: 09.09.2018 г.

³ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 331.

⁴ Административно-территориальное деление Владимирской области. Справочник / В.И. Баулина, Т.И. Голованова. – Ярославль, 1983. – С. 48.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ШУЙСКО-КОВРОВСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ Г. И. ФАЛЕЕВА – АВТОРА УЧЕБНИКА ФИЗИКИ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Ковровские Рождественские чтения, равно как и шуйская «Уездная старина», за время своей работы сделали немало открытий для местной истории. В этом их непреходящее значение. Последнее было сделано на прошедших 23-х Рождественских чтениях в Коврове в январе 2019 года. Из небытия истории было возвращено имя талантливого советского педагога, автора стабильного учебника физики для советской школы в 1930-1950-х гг. Григория Ивановича Фалеева. Подробная информация о нем готовится к изданию в 23-м Рождественском сборнике, но мне хотелось бы рассказать о шуйско-ковровском периоде его биографии.

Григорий Иванович Фалеев родился 4 февраля 1880 г. (ст. ст.) в Москве в семье титулярного советника Ивана Андреевича Фалеева. Окончив 1-ю Московскую гимназию в 1900 г., поступил на физико-математический факультет Императорского московского универси-

тета. В январе 1906 г. Г. И. Фалеев окончил университет, защитив выпускную работу перед Испытательной комиссией по отделению математических наук, и в сентябре 1907 г. получил диплом второй степени.

С 31 января 1907 г. он становится, распоряжением Попечителя Московского учебного округа, исполняющим обязанности преподавателя математики и физики в женской гимназии г. Шуя и параллельно ведёт уроки в мужской гимназии. 28 января 1908 г. его утверждают в звании учителя¹.

Следует отметить, что в Шуе этот факт не забыт, в музее школы № 2 имени К. Д. Бальмонта его фотография есть на стенде, а руководитель этого музея И. А. Абрамова упоминала Г. И. Фалеева в своей статье о школьном музее в журнале «Юный краевед» (2013)².

Затем была служба в армии, после чего он снова возвращается во Владимирскую губернию, но уже в статусе преподавателя физики Ковровского реального училища. Случилось это в 1910 г. – это как раз тот год, когда училище из частного стало государственным, городским³. Менее чем через год, в августе 1911 г., он назначается исполняющим обязанности инспектора, а в апреле 1915 г. избирается секретарём Попечительского совета Ковровского училища. Данные сведения нами взяты из публикации в 23-м Рождественском сборнике, авторы которой ссылаются на обнаруженный ими в Российском государственном историческом архиве «Формулярный список о службе исполняющего обязанности инспектора, преподавателя физики и математики Ковровского реального училища Г. И. Фалеева». Список составлен на 1 мая 1915 г. Эти данные подтверждаются сведениями из Памятных книжек Владимирской губернии за 1912-1915 гг., где впервые имя Г. И. Фалеева появляется в 1912 г. как инспектора Ковровского реального училища⁴, а последний раз встречается в 1915 г. – «исполняющий обязанности инспектора, не имеющий чина»⁵. В Памятной книжке за 1916 г. в списках преподавателей Ковровского реального училища Г. И. Фалеев уже не значится⁶. К сожалению, Памятная книжка за 1917 г. такого раздела сведений не содержит, поэтому мы не можем проследить дальнейший преподавательский путь Г. И. Фалеева.

Согласно Уставу реальных училищ «въ должности Директора и Инспектора реального училища избираются лица, окончившая курс в одном из высших учебных заведений Империи и обратившая на себя внимание службою по учебной части» (ст. 17). «Инспектор реального училища есть помощник Директора по

учебной и воспитательной части и, в случае его болезни или отсутствия, вступает во все его права и обязанности» (ст. 42)⁷. Мы напомнили об этом, чтобы подчеркнуть высокий преподавательский статус Г. И. Фалеева практически через год его пребывания в Коврове.

Следующее упоминание имени Г. И. Фалеева в Коврове мы встречаем в связи с его политической деятельностью: во время событий Февральской революции в Коврове 3/16 марта 1917 г. он был избран помощником начальника милиции г. Коврова, позднее – членом редакционной комиссии партийной газеты ковровской организации эсеров «Народная воля». Когда Г. И. Фалеев вступил в ковровскую организацию эсеров, нами пока не установлено, но к 1917 г., как видим, он уже был ее заметным членом. Предполагаем, что за свою политическую деятельность он и был уволен из Ковровского реального училища после 1915 г.

В стенах Ковровского училища происходит встреча Г. И. Фалеева с молодым преподавателем математики и физики А. Н. Барсуковым, приехавшим в Ковров после окончания Московского университета в 1913 г. Это знакомство сыграло в судьбе Фалеева определенную роль. Их многое объединяло: оба занялись впоследствии созданием советской системы преподавания, Барсуков – математики, Фалеев – физики; написали классические учебники по своим дисциплинам, которые на многие годы задержались в школе. А вот отличали их партийные взгляды: Барсуков – активный большевик, первый председатель Ковровского совета рабочих депутатов; Фалеев, как видим, поддерживал программу партии эсеров.

Пожалуй, здесь есть и объединяющий фактор – оба деятельные участники революционных событий в Коврове в 1917 г., т.е. общественно активные личности.

Следующим этапом в жизни Фалеева стал фабричный поселок Южа Вязниковского уезда Владимирской губернии. «1917 год принёс народному образованию обновление. В Юже открылось среднее учебное заведение – гимназия. Её организатором и первым директором был Григорий Иванович Фалеев. Он сумел в короткий срок сплотить педагогический коллектив, направить его силы на плодотворную учебно-воспитательную работу. Сначала гимназия располагалась в фойе рабочего клуба, а в 1919 году её перевели в особняк на Советской улице (дом бывшего директора фабрики Минофьева). В 1920 году состоялся первый выпуск, теперь уже не гимназии, а школы II ступени (в 1919 году гимназию преобразовали в шко-

лу)», – читаем в статье «Народное образование в Юже» на городском сайте⁸.

В 1920 г. его пребывание во Владимирской губернии закончилось, и он вернулся в Москву. Авторы упоминаемой нами статьи в 23-м Рождественском сборнике мотивируют его отъезд материальными причинами. Вот что они пишут по этому случаю: «Причины выезда людей из Москвы и возвращения в неё могли быть материальными. В 1914 году средняя семья рабочего из четырёх человек получала в Москве около 600 руб. в год, а в Коврове Г. И. Фалееву за 1915 г. выплатили жалование 2625 рублей. Однако I-я Мировая война, а затем и революция, обесценили прочность положения, как в провинции, так и в столице. Красный террор и повсеместный голод заставляли многих уезжать из Москвы – её население в 1917-1920 гг. сократилось на 800 тыс. человек. Другие, наоборот, приезжали в Москву с целью закрепиться и обустроиться там, где тебя мало знают. Скорее всего, это относится и к Фалееву. После неудавшегося левозсеровского мятежа летом 1918 г. у Фалеева были, по-видимому, веские причины уехать из Коврова. И возможно, избрание в 1917 г. А. Н. Барсукова председателем Ковровского совета рабочих депутатов уберегло Г. И. Фалеева от репрессий».

Здесь мы обратим внимание на фактические ошибки, допущенные авторами статьи. Первая – летний мятеж левозсеров застал Фалеева в Юже, а не в Коврове. Вторая – период, когда Барсуков был председателем Совета рабочих депутатов в Коврове – март-июль 1917 г., наоборот, был расцветом демократической жизни в городе, ни о каких репрессиях не могло быть и речи. Именно в это время начала выходить газета ковровских эсеров «Народная воля», в которой активно работал Г. И. Фалеев⁹.

В начале июля А. Н. Барсуков покинул пост председателя Совета в связи с обострившемся туберкулезом и уехал на некоторое время на лечение в Крым. Приблизительно, в это же время покинул Ковров и Фалеев, став организатором и первым директором гимназии в Юже¹⁰.

По нашим предположениям, события развивались следующим образом. Отстраненный от должности инспектора и преподавателя Ковровского реального училища по политическим мотивам где-то в конце 1915-начале 1916 г., он еще год находился в Коврове, занимаясь политической работой. Необходимость содержать семью заставила его покинуть Ковров и принять предложение возглавить гимназию в Юже. Там, кстати, в июле 1918 г. он пережил «южский»

мятеж¹¹. Сведений о том, принимал ли он в нем участие, у нас пока нет. И уже из Южи в 1920 г. он уехал в Москву. Причин переезда могло быть три, но они только предположительные: материальные, профессиональные и, наконец, политические, если он каким-то образом был участником «южского» мятежа. Какие из них играли доминирующую роль в его судьбе, еще предстоит установить

¹ Печ. по: Айзензон А.Е., Бражников М.А., Федорова Н.Б., Лепилкина В.И. Г. И. Фалеев – автор стабильного учебника физики // Рождественский сборник. Вып. XXIII. – Ковров - Шуя: «ПолиЦентр», 2019. – С. 38-44.

² Абрамова И.А. Краеведческая работа в школьном музее // Юный краевед. – 2013. – № 3. – С. 30.

³ Зудина И.Н. Народное образование в Коврове. – Ковров: ВладимирПолиграф, 2005. – С. 25-26.

⁴ Владимирский календарь и памятная книжка на 1912 год. – Владимир, 1911. – С. 147.

⁵ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1915 год. – Владимир, 1915. – С. 182.

⁶ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1916 год. – Владимир, 1916. – С. 187.

⁷ Уставы ученых учреждений и учебных заведений // Свод Законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. – СПб., 1893. – Ст. 1688.

⁸ Молякова О.А. 1917 г. в Коврове: реалии и вымыслы // Рождественский сборник. Вып. XXII. – Ковров - Шуя: «ПолиЦентр», 2017. – С. 3-31.

⁹ http://yuzhanews.narod.ru/history/narodnoe_obrazovanie.htm. Дата обращения: 2.10.2019 г.

¹⁰ Народная воля. Издание Ковровского комитета партии социалистов-революционеров. – 1917. – № 1. – 17 апреля.

¹¹ Народное образование в Юже // http://yuzhanews.narod.ru/history/narodnoe_obrazovanie.htm. Дата обращения: 06.10.2019.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

Ю. А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

«ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...» (К 20-ЛЕТИЮ «УЕЗДНОЙ СТАРИНЫ»)

В 1933 г. В. Киршону, одному из теоретиков «левого искусства» и руководителей РАППа, казалось, что в прошлом были только «серые мутные дни царской уездной России».¹ Через 75 лет после этого известный культуролог Е. Добренко отметит, что для понимания истории России XIX–начала XX вв. важно иметь ввиду следующее: «события всей русской литературы – без преувеличения – происходили на территории нескольких губерний и двух столиц».²

В конце 1990-х гг. споры о том, чем была на самом деле уездная Россия в нашей истории, возникли с новой силой. Тогда и возникла идея Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», из которых в дальнейшем выросли сборники «Провинциальный анекдот». У ее истоков стояла кафедра отечественной и зарубежной истории Шуйского государственного педагогического университета. С первых Чтений постоянным партнером и соучредителем стал «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» (в то время Шуйский краеведческий музей, который возглавляла Т. В. Пивова). Изначально идею поддержал председатель областного краеведческого общества К. Е. Балдин. Всех нас вдохновляла идея изучения повседневной жизни провинции XVIII–начала XX вв., её ментальности и «уездной идеологии», как «великого в малом» в истории России. В какой-то мере это был опыт осмысления привычной территории Шуи или любого другого уездного города в качестве исторического пространства.

Тогда, в постперестроечное время значительно расширились наши представления о границах исторической науки, далеко выходящие за рамки традиционной марксистской историографии с её классовой борьбой и формационным подходом. Повлияла также и возможность широкого знакомства с современными направлениями зарубежной исторической мысли.

Долгое время в рамках классической отечественной истории не было места локальной истории как самостоятельной дисциплине, поскольку локальные процессы рассматривались как частные про-

явления общих закономерностей. Базовой оппозицией в соотношении глобальной и локальной историй являлись категории «общего/особенного».

Аналогичным образом складывалась ситуация и с отечественной регионалистикой (регионоведением, краеведением). Несмотря на огромную работу по изучению социальной, хозяйственной, демографической и этнической структуры российской «глубинки», проделанную в пореформенный период XIX в. губернскими учеными архивными комиссиями, а в XX в. краеведческими обществами, в России позднее, чем в западной региональной науке (regional studies), восторжествовал комплексный подход. Современное российское краеведение наглядно демонстрировало пределы эмпирического знания: накоплен огромный фактический материал, который так и не стал региональной историей – принципиально иным подходом к негосударственному историческому прошлому, основанном на принципах методологии «большой» истории.

Вместе с тем, «фактологическое» краеведение последних десятилетий подтвердило, что в российской провинциальной истории XIX–начала XX вв. основополагающим является не столько «уникальность» и самобытность событий и явлений, сколько их повторяемость: очевидные закономерности уездной жизни в условиях унитарного государства с жесткой административно-бюрократической структурой создают возможности для обобщений и построения концептуальных моделей.

В этой связи понятна важность применения в изучении истории повседневности подходов и методов того направления, которое в современной историографии обозначается термином «микроистория», синонимом которого часто выступает понятие «казуальная история». По мнению одного из зачинателей этого направления в отечественной историографии Ю. Л. Бессмертного, микроистория – «история автономно действующих субъектов, способных выбирать стратегию своего поведения, способных по-своему переформулировать имеющиеся установки».³ Об этом ранее писал известный американский исследователь Г. Фриз, который отмечал, что «только микроистория, следуя модели реконструкции семьи, может показать в полной мере сложность каждодневной жизни существовавшей в огромной разнообразии местных общин».⁴

Традиционная история строилась главным образом вокруг политических событий, общественных движений и течений. Мы в рамках «Чтений» изучаем, чем жили люди в провинции, во что ве-

рили и чем руководствовались в поведении. Нас интересует отдельный, приватный человек и его повседневный быт, а не большие социальные группы и процессы, в которые они включались.

Первые Чтения прошли в октябре 1999 г. С тех пор октябрь стал традиционным месяцем ежегодных Чтений, обычно проходящих в рамках фестиваля Дни Российской культуры. В первых Чтениях приняли участие всего одиннадцать ученых и краеведов из Шуи и Иваново.

Не сразу, к третьим Чтениям в 2001 г., сформировалась трехсекционная структура конференций: «Шуйская старина», «В уездном городе N», «Записки провинциалов: век XX», которая перешла в содержание сборников.

Первый выпуск сборника Чтений вышел в 2000 г. при финансовой поддержке администрации г. Шуя, которую возглавлял В. В. Кузнецов. Тогда появилось и прижилось название «Провинциальный анекдот». Мы исходили прежде всего из представления об «анекдоте» В. Даля, что и было вынесено в эпиграф, и пушкинского «исторического анекдота». И даже не думали, что слово «анекдот» в переводе с греческого означает «неизданное». Сегодня, оглядываясь назад, очевидно, что это неизданное и легло в основу раздела «Записки провинциалов: век XX» – что, называется, попали в точку.

Спонсором второго выпуска «Провинциального анекдота» в 2002 г. выступил наш земляк О. В. Куратов, известный знаток и автор книг о советской повседневности, постоянный участник передач «Хроники московского быта» на ТВЦ. В этом выпуске впервые появилось ставшее традиционным обращение к участникам, кратко сформулировавшее идею Чтений: «Мы ждём от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х гг. XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), об этнографических фактах истории (обычаи, обряды, суеверия), биографические материалы о забытых незаурядных людях не только Шуйского уезда, но и Владимирской, Костромской, Нижегородской, Ярославской губерний в указанных хронологических рамках.

Ждём от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке».

В 2005 г. Чтения получили поддержку на государственном уровне – грант РГНФ (проект № 05-01-14009 г).

С 1999 г. проведено 21 Чтение и опубликовано 11 сборников (286 статей), в которых приняли участие более 220 авторов из всех городов и многих сёл Ивановской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Костромы, Нижнего Новгорода, многих районных центров соседних областей.⁵ Среди них как известные учёные, так и начинающие краеведы – студенты и школьники. Для кого-то публикация в «Провинциальном анекдоте» стала первой научной статьёй, для кого-то – доклады, представленные на «Уездной старине», легли в основу монографий. Из идей, впервые озвученных на «Уездной старине», родились докторские диссертации Ю. А. Иванова (2001), О. А. Монаковой (2014), Н. Ю. Новичковой (2018), кандидатские диссертации Т. А. Красницкой (2003), О. А. Монаковой (2004), С. П. Коваля (2006), И. А. Бауэр (2008), Т. А. Добычиной (2009), А. Ю. Гулидова (2010), К. А. Полозовой (2011), А. В. Елсукова (2012), С. В. Касаткиной (2014), Е. С. Бутрина (2017).

Сегодня иногда можно слышать, что те, кто занимается региональной историей, это «жертвы провинциального дискурса». Готов с этим поспорить, так как мы все вместе не жертвы, а одни из его создателей.

¹Киришон В. Пишите правду // Театр и драматургия. – 1933. – № 1. – С. 27.

²Добренко Е. Политэкономия соцреализма. – М.: НЛО, 2007. – С. 530.

³Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей: Человек в истории. – М.: наука, 1995. – С. 12.

⁴Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 58.

⁵Провинциальный анекдот. Выпуски I-X. Библиографический указатель / сост. Ж.В. Горева; предисл. и под ред. Ю.А. Иванова. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2018.

С. С. ХАРИТОНОВ
(г. Владимир)

**ДЕРЕВНЯ ПЛЯСИЦЫНО
КОВРОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА
В ВОСПОМИНАНИЯХ А.В. ТАЛАНОВА**

Александр Владимирович Таланов (1898-1992) – уроженец деревни Плясицыно Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне – Камешковский район Владимирской области) – прожил долгую и насыщенную жизнь. Выходец из рабочей среды, благодаря настойчивому желанию родителей окончил Орехово-Зуевскую гимназию. Учёба и служба в Военно-технической академии им. Ф. Э. Дзержинского¹ определила дальнейшую карьеру А. В. Таланова военного и учёного. С 1932 г. он стал заниматься звуковой разведкой артиллерии – новым видом артиллерийской разведки, посвятив ей кандидатское и докторское диссертационные исследования, множество научных и учебно-методических публикаций, был удостоен учёного звания профессор. За плечами А. В. Таланова были Гражданская, Советско-польская, Советско-финляндская, Великая Отечественная война. В течение многолетней службы награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Знак Почёта, многими медалями. В 1961 г. вышел на пенсию. Проживал в Москве. Скончался 5 июня 1992 г. на 94-м году жизни.

С Владимирским краем А. В. Таланова связывают детские годы: до трёхлетнего возраста семья проживала в Плясицыно (затем Талановы переехали в Орехово-Зуево, где родители устроились на предприятие текстильного фабриканта С. В. Морозова), а также трехлетний период обучения в Ряховском двухклассном училище (в двух километрах от Плясицыно) в 1911-1913 гг. Впоследствии он дважды посещал Камешковскую землю – в 1951 и 1962 гг., поддерживал связи с односельчанами.

Рукопись воспоминаний готовилась А. В. Талановым в 1991 г., но была закончена уже после его смерти супругой Инессой Талановой. В предисловии автор делится с читателями своим замыслом: «Пишу я не для печати, а, скорее, для музеев, которые, надеюсь, будут в Плясицыно, в Ряхово, а может быть в Камешково, чтобы внуки мои и вообще молодое поколение деревни Плясицыно и окружающих её селений могло увидеть, какая была до Октябрьской рево-

люции их родная деревня, жизнь и быт крестьян»². В 1992 г. рукопись воспоминаний была передана И. Талановой в Сергехинскую среднюю общеобразовательную школу Камешковского района, где хранится и по сей день. Электронная копия мемуаров передана во Владимиро-Суздальский музей-заповедник родственницей А. В. Таланова сотрудником музея-заповедника Н. М. Цыриной в 2019 г.

Рукопись, объёмом 99 машинописных страниц включает в себя предисловие, основную часть, послесловие, а также биографический очерк. Основная часть, состоящая из шести глав, имеет не хронологическую, а систематическую структуру, отражённую в названиях глав – «Родина», «Община», «Усадьба крестьянина», «Доходы крестьян, их моральный облик», «Быт крестьян», «Отдых жителей деревни»³. Источниками для написания мемуаров послужили, прежде всего, собственные воспоминания, а также материалы старожилов, жителей деревни Плясицыно А. А. Тихоновой, В. Т. Пановой, З. Г. и А. И. Разумовых. В работе есть ссылки на широко известное в краеведческой среде «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии»⁴, опирался автор и на другие справочные издания дореволюционного периода.

В главе «Родина» А. В. Таланов даёт общее описание деревни Плясицыно, рассматривает принцип расстановки усадеб, перечисляет домовладельцев. В ходе анализа численности жителей деревни с 1859 по 1920 гг. автор показывает её динамику: увеличение к концу XIX в. с постепенным замедлением этого процесса к 1920 г. Рост численности исследователь связывает с переходом жителей отдалённых деревень ближе к фабрике ковровских купцов Швецовых в соседней деревне Сергеиха, замедление – с Первой мировой и Гражданской войнами. Следует, однако, отметить, что приводимые А. В. Талановым показатели разнятся с данными официальной статистики, согласно которой рост населения до конца первой четверти XX в. не прерывался⁵. Утверждение автора, что во Владимирской губернии не было помещиков, а земли принадлежали государству и управлялись сельским обществом, не выдерживает критики, хотя деревня Плясицыно и близлежащие селения действительно были казёнными. Одной из особенностей существовавшего на начало XX в. общинного уклада был передел земли. По словам А. В. Таланова, последний передел произошёл приблизительно в 1906 г. и более до 1917 г. не повторялся⁶.

Автор подробно описывает типичную крестьянскую усадьбу, её традиционные элементы (сенницу, горницу, подклеть), приводит

приблизительные размеры построек, использовавшиеся в строительстве материалы и технологии. Например, по его словам, крыши, в зависимости от достатка, были тёсовые или железные, и только в самых бедных семьях – соломенные⁷. Есть в рукописи подробное описание орудий труда и инструментов, применяемых в быту и во время сельскохозяйственных работ, средств транспорта (телега, рыдван и тарантас).

Значительную долю доходов крестьян деревни Плясицыно и окружающих селений составляли заработки на фабрике Швецовых. Летом часть крестьян, не работавших на предприятии, была занята в своём хозяйстве, зимой многие искали работу на стороне – плотничали, занимались извозом в соседних селениях, либо уходили в город. Социальное значение фабрики, по мнению А. В. Таланова, заключалось в препятствовании оттоку рабочей силы из сельской местности в города. В то же время, нельзя не признать, что предприятие оттягивало рабочую силу из небольших отдалённых деревень, жители которых старались перебраться поближе к производству. Значимо замечание, что фабрика «по-своему объединяла население окрестных деревень», воспитывала чувство коллективизма и тем самым препятствовала развитию асоциальных явлений⁸.

Жители деревни в основном обходились своими продуктами, за исключением муки; в домашних условиях производили всё необходимое для пошива холщовой одежды. В деревне можно было купить только самые необходимые продовольственные и бытовые товары, остальное приходилось приобретать в городе, прежде всего, в Суздале. По причине небольшого объёма производимых товаров, а также ввиду низкой покупательной способности населения сами крестьяне практически ничего не продавали – «у самих в обрез». Из сказанного автор делает заключение, что крестьянское хозяйство в рассматриваемый период немногим отличалось от натурального.

Описывая одежду крестьян первых двух десятилетий XX в., А. В. Таланов отмечает её основные характеристики – удобство и доступность. При этом в начале второго десятилетия XX в. происходят изменения во внешнем облике жителей, обусловленные процессом урбанизации, расширением товарного ассортимента в магазинах: появляются пальто с овчинными воротниками, демисезонные пальто и куртки (вместо суконных поддёвок), пиджаки (в качестве повседневной одежды), рубахи, заправленные под ремень (вместо косовороток), кальсоны, жёсткие воротнички и галстуки, носки и штиблеты, платья, женские ботинки. Лапти уже не носили, исполь-

зую их только для хозяйственных работ. По дороге на фабрику, когда позволяла погода, шли босыми, а обувь надевали уже на подходе – для лучшей сохранности⁹. Тем самым, здесь можно увидеть частичное опровержение высказанного ранее тезиса о преимущественно натуральном характере крестьянского хозяйства.

Представление о местной медицине складывается на основе знакомства с ряховской амбулаторией¹⁰. Заведовала ей женщина-врач, которую в народе звали «барыней». Говоря об образовании, А. В. Таланов даёт высокую оценку Ряховскому двухклассному училищу, где «учебный процесс был поставлен очень хорошо, и лица, окончившие его, допускались к вступительным экзаменам в учительскую семинарию»¹¹. По его словам, население от 12 до 40 лет в тот период было достаточно грамотным, а вот среди старших поколений количество грамотных значительно меньше¹². Последнее исследование объясняет низким достатком – в семьях, прежде всего, были нужны рабочие руки, поэтому образованию не придавалось серьёзного значения. Есть в мемуарах и упоминание о театре, существовавшем при фабрике Швецова до Первой мировой войны¹³.

Времяпрепровождением детей были традиционные игры, такие как прятки, городки, чиж, бабки. Зимой катались с гор на самодельных коньках и санках, а также льдинках, на масленичной неделе пользовались популярностью самодельные качели. Современные спортивные игры, такие как футбол, волейбол были неизвестны. В праздничные дни в качестве массовых развлечений устраивались кулачные бои, чаще всего деревня на деревню. При этом исследователь обращает внимание, что соблюдались неписанные этические правила: не бить сидячего или лежащего, не использовать посторонние предметы. Описывает автор и гулянья парней и девушек в возрасте 16-18 лет: летом – хождение по улице с песнями под гармошку, зимой – посиделки. Особенно ярко запомнились А. В. Таланову хороводы с песнями, которые устраивали парни и девушки на большие престольные праздники, например, на Троицу. На эти хороводы участники надевали лучшую одежду.

Нравственность среди населения, как отмечает автор, была довольно высокая, чему способствовали семейное воспитание, ежедневный труд на земле и Церковь. В связи с этим не было распространения асоциальных явлений – пьянства, драк, преступности. В повседневной культуре было принято вежливое обращение, люди кланялись знакомым в знак приветствия. Предвосхищая скептические отзывы читателей и упреки в идеализации, А. В. Таланов под-

чёркивает: «На фоне нашей современной жизни многие мне могут не поверить, но это было так. Крестьяне деревни Плясицыно и окружающих деревень были действительно гуманными людьми с высокой моралью и нравственностью»¹⁴.

Подводя итог, можно сказать, что, пожалуй, наибольшая ценность представленных мемуаров заключается в тех субъективных впечатлениях, воссоздающих историю сельской повседневности, которые на протяжении многих десятилетий бережно хранил автор.

¹ Сейчас Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации. В музее учебного заведения хранятся материалы, связанные с А.В. Талановым – Музей истории ВАРВСН им. Петра Великого. Коробка «А.В. Таланов». Пользуясь случаем, выражаю благодарность заведующему музеем В.Ф. Лишику за предоставленные материалы.

² *Таланов А.В.* Деревня Плясицыно и её жители первой четверти XX века. – М., 1992 (рукопись). – С. 3-4.

³ Доцентом Шуйского филиала Ивановского государственного университета Л.П. Батыревой проведён анализ воспоминаний А.В. Таланова и составлен краткий словарь диалектизмов и этнографизмов – см.: <http://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/lingvo/pamyati.html>, там же размещён фрагмент воспоминаний.

⁴ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир: Типо-литография В.А. Паркова, 1893. – Вып. 5. Шуйский и Ковровский уезды. Сост. В. Березин. – 1898. – С. 206-207 (с. Ряхово, д. Плясицыно).

⁵ Данные 1859 г. приведены А.В. Талановым по изд.: Владимирская губерния. Список населённых мест по данным 1859 года. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета Министерства внутренних дел., 1863. – С. 109. Данные 1896 года – по изд.: Список населённых мест Владимирской губернии. – Владимир: Изд. Влад. губ. статист. ком. Типо-лит. Губ. земской управы, 1896. – С. 147 (в тексте рукописи ссылки на источники отсутствуют). Данные 1926 года см.: Владимирский округ Ивановской промышленной области и его районы. – Владимир: Изд. Орг. комис. Влодокруга, 1929. – С. 62.

⁶ *Таланов А.В.* Указ. соч. С. 16.

⁷ *Таланов А.В.* Указ. соч. С. 19-20.

⁸ *Таланов А.В.* Указ. соч. С. 29.

⁹ *Таланов А.В.* Указ. соч. С. 40.

¹⁰ Амбулатория была первоначально открыта в 1894 г. в д. Новая Печуга Суздальского уезда, в том же году была переведена в село Ряхово (в 3 км от Новой Печуги), где крестьяне бесплатно уступили землю под строительство зданий. См.: Горбунова Н.И. Земская медицина во Владимирской губернии (1866-1917 гг.) // Материалы исследований: Сб. № 4 / Сост. А.А. Тенеткина. Владимир, 1998. С. 106.

¹¹ *Таланов А.В.* Указ. соч. С. 31. Ряховское двухклассное образцовое министерское училище открыто в 1878 г. Сведения по училищу см.: Владимирские епархиальные ведомости. – 1878. – Часть неоф. – № 20. – 15 октября; Справочник по начальным школам Владимирской губернии на 1-е января 1915 года. Владимир: Типо-лит. Губ. земской управы, 1915. – С. 64-65.

¹² Статистических данных исследователь не приводит. Согласно Всероссийской переписи населения 1920 г. неграмотными в губернии было 44% населения (Смирнов А. Система народного образования и хозяйство // Наше хозяйство. – 1924. – № 8. – С. 5-6).

¹³ Любительский театр при фабрике пользовался большим успехом, но закрылся в 1916 году и возобновил работу уже в годы советской власти. См.: По велению долга: Книга Памяти муниципального образования Сергиевское о воинах, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Отв. ред. С.Б. Кудряшова. – Камешково, 2013. – С. 26-27.

¹⁴ Таланов А.В. Указ. соч. С. 35.

И. С. СБИТНЕВА
(г. Владимир)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРИГОРОДНЫХ КРЕСТЬЯН В XX ВЕКЕ: ОСКОЛКИ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

...Родилась я в городе Владимире в середине 1960-х гг., здесь же росла. Но поскольку жили мы с родителями, как и многие тогда, стесненно (комната в коммуналке) – то на выходные меня отправляла к деду с бабкой, в пригородное село Доброе, в родовой дом Сбитневых. Так и вышло, что кроме жизни большого города, я видела и жизнь пригородного села в 70-е и 80-е гг. XX в. Потом наш дом сломали, и Доброе частью превратилось во Фрунзенский район города Владимира... Позже, когда я стала интересоваться историей вообще, и краеведением в частности – я стала расспрашивать родителей и тетю (деда и бабушки уже не было) об истории нашей семьи. Рассказано мне было немного: достоверность сведений я позже проверила по метрической книге села Доброе (1895-1914) и дополнила данными из других источников.

Эти фрагменты семейной хроники, на мой взгляд, ценны тем, что позволяют хотя бы отчасти увидеть жизнь тех, о ком в советское время почти не говорилось – жизнь пригородных крестьян. В самом деле, о рабочих, начиная с 1920-х гг., писались книги и снимались фильмы; о колхозниках, начиная с 1960-х годов, подробно рассказали писатели и поэты «деревенского» направления. А как жили те, кто волею судеб оказался между городом и деревней? Таких, начиная с конца Великой Отечественной войны, было едва ли не полстраны¹. Надеюсь, что моя семейная история хотя бы отчасти восполнит этот пробел.

Часть первая. Прадед.

Прадед мой, Михаил Иванович Сбитнев, появился в селе Доброе в конце XIX в. Переселился сюда он, видимо, из Ямской слободы; она располагалась с противоположной, западной стороны города Владимира (крестьяне Ямской слободы были восприимчивыми при крестинах деда). По рассказам отца, вплоть до 50-х гг. XX в. на крытом дворе дома в Добром сохранялись не только ломовые телеги и конская упряжь, но и изящные санки и экипаж – у деда просто не поднимались руки все это добро выбросить... Ремесло извозчика, по воспоминаниям очевидцев, было тогда весьма прибыльным², и строительство железной дороги Москва – Нижний Новгород это ремесло не отменило³. Пассажиров от железнодорожных станций надо было еще доставить до дома; многие тогда жили в селах и деревнях, и на железнодорожных станциях, по воспоминаниям суздальского старожила Снегирева⁴, дежурили извозчики. Мало того – здесь, в черноземном Ополе, суздальская городская дума выхлопотала своим землякам льготные тарифы на провоз овощей не только в ближайшие города, но и в Москву и Петербург⁵; а свежий урожай до ближайшей железнодорожной станции с багажным отделением надо было еще доставить.

Доброе село располагалось более удачно, чем Ямская слобода – на полпути между железнодорожным вокзалом во Владимире и ж.д. станцией в селе Боголюбово. Видимо, поэтому к 1917 г. у прадеда Михаила был большой, двухэтажный полукаменный дом, с кирпичным амбаром и крытым двором. В центре Владимира такими домами владели зажиточные купцы и мещане; но и в пригородных селах эти дома были не редкостью. Старший сын деда (от первого брака), Константин, имел свой дом возле городского центра и железнодорожного вокзала во Владимире. Младший брат деда, Евфимий, в 1914 г. женился на крестьянке села Боголюбово – так что семейное дело расширялось в разных направлениях.

Но в годы Первой мировой войны, а затем гражданской начались конфискации «лишних» лошадей, и всевозможные «трудомобилизации». Так что разбогатеть брату Евфимию не удалось; он вернулся в Доброе, где, по разделу, получил часть дома во втором этаже (до 1980-х там жили его потомки).

В личной жизни прадед Михаил был менее удачлив, чем в своем, как теперь говорят, бизнесе. Первая жена его Степанида, умерла вместе с младенцем; остался старший сын. Так как православная церковь тогда запрещала третий брак, то второй брак следовало

совершить осмотрительно, чтобы не остаться вторично вдовцом и без наследников. Так он и сделал – породнился с семейством Егоровых, коренных жителей Доброго села⁶. Егоровы были известны крепким здоровьем и обширной родней как в самом селе, так и за его пределами; крестьяне тогда были мобильными⁷.

...Здесь требуется небольшое уточнение. В советское время упоминали, что из рожденных до революции детей половина не доживала до года. Это чистая правда: детской медицины, как таковой не было, и в земскую больницу с малыми детьми обычно не обращались. В метрической книге о причинах смерти того или иного младенца обычно писали «умер от простуды», а в случае эпидемий – «от горла» или «от поноса». Квалифицированные диагнозы, вроде «дифтерита», встречаются в этой книге крайне редко... Но статистика – наука среднеарифметическая. По той же книге видно, что были семейства, в которых дети умирали почти все, и были семейства, где дети умирали редко. Вот к последним и относилась семья Егоровых. Из семи детей, рожденных в повторном браке, двое (Александр и Анна) все-таки выжили. Вроде бы это немного, но и времена на их долю достались тяжелые.

Часть вторая. Дед и бабка.

Старшим из этих детей был мой дед Александр, наследник дома и семейного дела. Так как он родился в 1905 г., то на его детство и юность пришлась Первая мировая и гражданская войны, годы военного коммунизма и послевоенная разруха. По понятным причинам, о впечатлениях этого времени он сыновьям не рассказывал. Сыновья были, как тогда положено, пионерами, а воспоминания отца вряд ли соответствовали официальной версии событий.

...Так что, здесь в семейной хронике большой пробел. Известно только, что когда закончился НЭП, традиционным «отхожим промыслом» местных крестьян пришел конец. Ремеслу извозчиков также приходил конец – лошадей теперь полагалось сдавать в колхоз. Прадед к этому времени уже умер (в 1923 г. от сердечного приступа), так что Александр Михайлович отправился за советом к своему старшему сводному брату, живущему в городе. Тот дал совет толковый: в колхоз самому не вступать (дело это темное, неизвестное), а поступить работать на ближайший завод, он и сам туда собирается. Благо, заводы в это время (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) во Владимире строились активно; а до этого пригородные крестьяне часто шли работать на ближайшую ткацкую фабрику (фабрика Белова, будущий Грамзавод, на окраине города).

Кроме Грамзавода, на ближайшей к Доброму селу окраине Владимира тогда строились два завода – химический и «Автоприбор» (филиал Нижегородского автостроительного завода⁸). Химический завод был деду не по здоровью, а вот на строительстве «Автоприбора» он работал с его открытия (1932).

Кстати, о здоровье... В конце 1920-х гг. в жизни деда произошло важное событие – его стали лечить и все-таки вылечили от туберкулеза. Перед этим, в 1927 г., его призвали в РККА (Красную Армию) на должность ездового солдата 14 артиллерийского полка, но комиссовали его досрочно. Туберкулез, или попросту «чахотка», тогда считался социальной болезнью⁹ – и действительно был таковой, поскольку вызывался плохим питанием и плохими жилищными условиями (например, жизнью в полуподвале). Неизвестно, что было с семьей прадеда в годы военного коммунизма – богатых крестьян вполне могли «уплотнить» до собственного полуподвала. Так что, жизнь деда не баловала, но тут ему повезло. Поскольку прежде туберкулез не лечили вообще, а в начале 1920-х гг. советская власть все же озаботилась этой проблемой. Антибиотиков еще не изобрели, поэтому врачи лечили, попросту зашивая каверны (проще говоря, дыры) в легких. Вот и деда так же «починили», дали советы на будущее и отправили жить дальше; за что он новой власти был до конца дней своих благодарен. Возможно, с этим обстоятельством связан и выбор рабочих профессии: о пролетариате новая власть все же заботилась – а вот о крестьянах нет.

Там же, на «Автоприборе», дед закончил курсы мастеров (у него было 5 классов образования – для того времени очень неплохо), и был направлен в цех штамповки. Получил специальность штамповщика, потом технолога штамповки, был известен тем, что вносил ценные рацпредложения. В этом цехе он проработал всю жизнь (притом практически оглох). На этот же завод он позже и детей своих привел, кроме моего отца – тот не захотел быть частью рабочей династии. Там же дед работал и в годы Великой Отечественной, получив так называемую «бронь» (освобождение от призыва). Так он выжил и уцелел – колхозников от призыва на фронт не освобождали.

В общем, повезло деду, вот что значит правильный выбор. И завод от дома был совсем рядом – километра три, не больше (на завод ходили, конечно, пешком¹⁰). Не надо было ему бросать дом, налаженное хозяйство, ходить на завод за десять и более километ-

ров, в любое время года переправляться через Клязьму, как жителям заречных сел и деревень приходилось еще лет двадцать¹¹.

Почти одновременно с устройством на завод, в 1932 г., Александр Михайлович женился. Помимо подошедшего возраста, и налаженного, наконец, здоровья была в этом и бытовая необходимость. Мать его, Екатерина Георгиевна, была, по понятиям того времени, уже пожилой женщиной¹²; а в саду и на огороде (всего 25 соток) работы было много. Да и в колхозе кто-то из семьи должен был работать, чтоб семью не выселили из дома, не отобрали родовой приусадебный участок. Тот же стимул действовал вплоть до середины 1960-х гг.; у тех, кто не работал в колхозе, землю обрезали «по завалинку».

Женой деда Александра стала Елизавета Столярова (бабушка Лиза) – из самого многочисленного и зажиточного семейства села. Только у Столяровых до революции был двухэтажный, полностью кирпичный дом. Они были отличными каменщиками¹³ и работали своей артелью по всей губернии, а возможно, и за ее пределами.

По семейному преданию, именно они в 1885 г. строили колокольню при добросельской Константино-Еленинской церкви. На этой колокольне, вверху, была мраморная доска с памятной надписью, которую в 1930-е гг. Столяровым пришлось замазать черной краской. С годами и лестница на колокольню сгнила, и лазить туда перестали даже мальчишки. (Раньше-то мальчишки и взрослые лазили, чтобы посмотреть на ледоход, или половодье.)

...Церковь была закрыта то ли в 1935, то ли в 1938 г. Точнее говоря, тогда там прекратились службы, из-за ареста последнего священника, но община держалась, платила положенные налоги, и еще в 1944 г. обращалась с письмом к патриарху, прося прислать им священника. Местные власти эту просьбу отклонили, сообщив, что неподалеку от них, во Владимире есть действующая церковь (а именно, кладбищенская). После официального закрытия в храме был склад, потом клуб, разливочный цех ликеро-водочного завода, в 1980-1990-х гг. – цех диафильмов¹⁴. Ближайший к ней перекресток до сих пор гордо называется «площадью Маяковского» – видимо, с тех времен, когда там был клуб. На этой «площади» был единственный сельский магазин; на моей памяти, его по-старому еще называли «монополькой»¹⁵. При церкви была и начальная школа, бывшая церковно-приходская; действовала она по-прежнему. В семилетнюю школу мой отец ходил уже в село Суходол, за четыре километра¹⁶.

Но вернемся к семье деда. Как уже было сказано, там был обычный для пригородных сел и деревень расклад: жена работает в колхозе «за палочки» (то есть, за почти пустые трудодни)¹⁷, а муж ходит в город на завод и получает там зарплату, в военное время – паек. В принципе, ничего нового здесь нет. До революции мужчины тоже, по большей части, уходили в отхожий промысел и приносили домой деньги; а их семьи жили, в основном, натуральным хозяйством. Разве что официального статуса в городе у «отходников» прежде не было.

Дед Александр и бабушка Лизавета вырастили троих детей (никто из их детей не умер), и вместе прошли через многочисленные трудности и лишения. Главным лишением была, конечно, Великая Отечественная война.

Было голодно (хлеб выдавали на паек, а колхозники пайка не получали). Было холодно. Из-за отсутствия гужевого транспорта (все лошади были госсобственностью) – и в городе, и в окрестных селах тогда не было дров. Впрочем, такое несчастье уже случалось ранее, в годы гражданской войны; так что, местные жители знали, что им следует делать. Все свободные от обязательных работ (то есть, старики и дети) – запрягались в ручные санки и шли по льду реки на другой берег. Там вручную пилили и разделявали деревья; потом по частям волокли их на этих санках домой. По воспоминаниям очевидца, народу на спуске к реке Клязьме (в том же Добром) в воскресный день было, как на демонстрации... Кстати сказать, это было незаконно: пилить строевой лес тогда официально запрещалось; надо было возить из леса, километров за семь-восемь, один только хворост¹⁸. Военной зимой старший сын Евгений порубил тайно хранившийся в амбаре прежний семейный иконостас – не из идейных соображений, а для растопки самовара... Ему было тогда лет десять.

Все же другим тогда было гораздо хуже. В своем доме и стены помогают; подселенных жильцов – эвакуированных здесь, как в городе, не было. Доброселов не гоняли строить оборонительные укрепления на западной окраине Владимира (зима 1941-1942 гг.) – отсюда ходить было слишком далеко. В реке Клязьме до 1980-х гг. была рыба; дед был страстным рыболовом. Во время войны времени ловить рыбу у него, конечно, не было, но сыновья пошли в него. Сад и огород помогал сводить концы с концами, хотя скотины крупнее козы и кур в советское время не держали. (Кто будет для коровы сено косить и где его косить?). Из сада летом везли на ры-

нок в центре города малину, смородину, позже – клубнику. Вишню везли на продажу в Москву; для этого объединялось несколько семей, выпрашивали в колхозе телегу, чтобы ехать с корзинами к первому утреннему поезду. В Москве продавали вишню дорожке; это тоже старая, дореволюционная традиция. Там же, в Москве на эти деньги детей одевали и обували.

Яблоки никуда не везли – слишком дешево, почти у всех они есть. Из яблок дед делал домашнее вино для себя – натирал вручную на терке и заправлял в многочисленные бутылки; бутылки он ставил за печкой. И так все ели яблоки; все, включая меня, принимали участие в их сборе. Дед, по примеру Мичурина, любил прививать на яблони новые сорта – так что, разнообразие сортов в саду было.

В начале 1980-х гг., когда город приблизился к селу, и поблизости начались стройки, дед летом почти все время жил в остатках сада, в шалаше, спасая небольшой урожай от расхищения. Так как соседние новые дома строили, в основном, солдаты стройбата – то эти предосторожности были отнюдь не лишние.

На домовладельцев советская власть всегда смотрела косо (частники!), и фининспектор их регулярно посещал – но, при общем жилищном кризисе, комнаты в полуподвальном этаже дома все равно сдавали. Правда, в последние (1970-е) годы дед грозился выгнать жильцов, чтобы самому не бояться штрафов и проверок – но куда их выгонишь, на улицу? Жили в полуподвале сначала подросшие сыновья и сестра деда с мужем, после их возвращения из Германии в 1949 г. Потом все как-то решили вопрос с жильем, и освободившиеся места заняли рабочие ближайших заводов с семьями, студентки местных училищ, и прочие-разные... А расходов по дому было много – те же дрова на зиму надо было купить. Дров надо было, на два этажа, много (русская печка в полуподвале и «голландка» наверху) – и деньги квартирантов тут были не лишние.

При всем том, в доме было довольно тесно. Я уже упоминала, что второй этаж дома еще в 1920-е или 1930-е гг. был разделен между двумя семьями; так оно и далее оставалось. Наша часть второго этажа включала залу, прихожую и крохотную комнату – боковушку. В боковушке первоначально пытались жить мои родители. Когда к ним приехала бабушка со стороны матери, та не выдержала: «Как вы живете? Здесь же кошке лапку негде протянуть!». Тем не менее, я позже там провела немало счастливых часов – там были книги.

Готовили, ели, грели воду и стирались внизу, у большой печки; наверху можно было только ставить самовар. Самоварную трубу вставляли в печь-голландку, через специальную выюшку (при мне эта выюшка уже не вынималась). На огороде раньше была банька; позже, в 1960-е, когда Доброе вошло в черту города, построили поселковую баню. За водой ходили на колодец; это была забота подросших детей (как и пасти козу, и колоть дрова).

...Дед пережил бабушку на семнадцать лет, хотя изначально отличался худшим здоровьем (он пережил, кроме туберкулеза, инфаркт, инсульт, язву желудка, и умер от рака легких). Но рабочих в советское время лечили, давали путевки в санатории, проводили профосмотры... Для колхозников все это считалось излишним, и места в городской больнице (в 1960-е гг. – в единственной больнице) им не находилось. Да и работали они «на износ» – то в колхозе, то дома; то в саду, на огороде, то на рынке. (Хотя подросшие дети помогали везде, особенно в колхозе.)

Бабушку Елизавету отпевали дома – как я позже поняла, нелегально. Это было время Хрущева, шел новый виток борьбы с религией. Отпевать покойников на дому священникам не позволялось; за это тогда лишали сана. Отвезти гроб в единственную открытую городскую церковь, на старом городском кладбище, тоже было сложно – детям это могло повредить в карьере, да и машину где взять? Но были тогда вездесущие старушки (возможно, бывшие или тайные монахини), умевшие читать псалтырь и петь заупокойную службу – и с ними уже власть ничего поделывать не могла... От нее осталась на память одна фотокарточка.

Дед умер в 1984 г., в возрасте 79 лет, уже после сноса сада и переселения его в новую квартиру. Похоронен был по советскому безрелигиозному ритуалу (хотя членом партии он не был, а был сознательным рабочим). На поминках в ресторане были, кроме родственников, многочисленные товарищи по цеху.

¹О массовом бегстве колхозников после войны в города, на заводы и фабрики, на стройки, здесь вряд ли надо рассказывать.

²«Выезжаю я из Пижмы в восьмом часу утра. Овес со мной, собственный, не купленный Положим гривенник.. Ехать домой обедать... за пять верст мне не расчет. Обедая в трактире у Веревкина. Первым делом – щи. С убоиной. Опять гривенник. Щи такие, что ложкой не проворотишь. Потом на пять копеек каши, пшенной или гречневой. Самое чистейшее подсолнечное масло. Хлеба сколько хочешь. Черный – бесплатно, ситного краюха – полкопейки. Считаешь? Потом чай. Пятачок пара. Кипятку сколько хочешь. Ну, иногда мерзавца (шкалик водки – прим. мое), тяпнешь, или угостишь кого. Всего- навсего сколько? Ридцать копеек. И сыт, и пьян, и

в тепле сижу. Это за тридцать копеек. А выезжу два с полтиной. Так мне, милый мой, денег некуда было девать. Никакой царь богаче меня не жил...» (Куприн А, Извозчик Петр. / А. Куприн. Купол святого Исаакия Далматского. – М.: Дарь, 1995. – С. 163.)

³ Число городских бирж (мест постоянных стоянок извозчиков) с 70-х гг. XIX в., к началу XX в. возросло с пяти до двадцати. В извозчики тогда могли поступить люди разного звания, при условии трезвого поведения, опрятности, и уплаты раз в год умеренных налогов. (Пугина Т.А. Извозчики должны быть всегда трезвы, вежливы, и опрятны в одежде // Старая Столица. Краеведческий альманах (Владимир). – 2014. – Вып. 8. – С.44-47.)

⁴ Память прошлого. Записки В.М. Снегирева по истории Суздаля. – М.: Новость, 2008. – С. 394-395.

⁵ Вахтанова Н.А. Развитие огородничества в Суздале в конце XIX- начале XX века // Материалы исследований. – Владимир: ВСМЗ, 2003. – С. 162-167.

⁶ Дом их располагался в наиболее старой части села, возле Константино-Еленинской церкви.

⁷ Так, например, на другом берегу Клязьмы, в погосте Ушер чуть не половина фамилий на местном кладбище – Егоровы; встречается эта фамилия и на других окрестных погостах

⁸ Нижегородский автомобилестроительный завод тогда был единственным на всю страну, если не считать дореволюционного завода АМО (Автомобильное Московское Общество) в Москве. Завод АМО строил в начале XX в. один из братьев Рябушинских.

⁹ Другой социальной болезнью тогда считался сифилис – поскольку разносчиками его чаще всего были вернувшиеся с фронта солдаты, а в условиях общих дома ложек и плошек, заразиться могла уж вся семья.

¹⁰ Также ходили на фабрику окрестные крестьяне и до революции; если ближайшие села были в трех- пяти верстах, то фабриканты не слишком торопились строить казармы для рабочих.

¹¹ По рассказам очевидцев я знаю, что, например, на том же Химзаводе работали чуть не все мужчины заречного села Кусунова – а им было до работы 18 км. Ночевали, конечно, возле работы, кто где и как устроится, домой попадали только на выходные и праздник – в бане помыться, отоспаться; а в ледоход и в половодье они и вовсе попасть домой не могли... Рассказывал старожил села Лунева Иван Иванович Пузиков, фронтовик, сам до- и после войны работавший на нескольких фабриках и заводах Владимира.

¹² Она умерла в 1948 г., в возрасте примерно 70 лет, успев понынчить внуков и внуку.

¹³ По замечанию купца-старообрядца Павла Рябушинского, владимирские ткачи и каменщики были подлинными искусниками, известными по всей России. При том, каменщиков поставлял только город Владимир и некоторые села его уезда – в том числе, село Доброе.

¹⁴ Ершов А.П. Судьба храмов в селах Добром и Красном около Владимира // Старая Столица. Краеведческий альманах (Владимир). – 2014. – Вып. 8. – С. 49.

¹⁵ Видимо, в прежние царские времена в этом небольшом магазинчике продавали казенную водку (казенная монополия на продажу водки была введена в начале XX в., в связи со строительством Транссибирской железной дороги).

¹⁶ Это была обычная практика того времени – колхозникам грамота выше начальной не нужна. По словам другой моей бабушки, родом из Тверской области, до

войны из ее деревни только она да еще одна девчонка закончили семилетку (походи-ка зимой в другое село, в любую погоду! Да и работать в колхозе надо). Но после войны эта грамота ей очень пригодилась, чтобы законным образом уйти из колхоза – грамотных не хватало и в городе..

¹⁷ В молодости она успела еще поработать на открытой в 1925 г. первой городской ТЭЦ (она также была на окраине города, недалеко от Доброго села) – но до того, как всех начали загонять в колхоз.

¹⁸ «Мимо озера идет дорога к Клязьме. Незабываемую картину являла она в зимние дни военных и первых послевоенных лет. По ней нескончаемой вереницей из заречного леса тянулись люди, везущие санки с дровами... с топливом всегда, а особенно в военные года, было трудно, и многие были вынуждены совершать поездки в неблизкий заклязьменский лес, откуда разрешалось привозить только хворост, но люди, чего греха таить, нередко вопреки строгим запретам пилили не дрова и строевые деревья....» (Гордеев С.П. Здесь было Доброе село//Старая Столица. Краеведческий альманах (Владимир). – 2016. –Вып. 10. – С. 15.)

**И. С. СБИТНЕВА
И. И. НОВИЦКИЙ
(г. Владимир)**

БЫЛИ И НЕБЫЛИ ЛУНЕВСКОГО КРАЯ

Прежде всего стоит сказать, как возникла эта статья. В 1992 г. мой будущий муж, Иосиф Иосифович Новицкий, вместе с тремя сотнями сотрудников завода «Электроприбор», получил наконец участок под дачу – на правом берегу реки Клязьмы¹, между селами Лунево и Ширманиха. Место было очень дикое: без дорог, магазинов и электричества, а единственный автобус останавливался в Лунево, за 6 км. Зато рядом протекали река Клязьма и мелкие лесные речки, местность изобиловала лесами и болотами. В поисках хорошей рыбалки, грибных и ягодных мест, за десять лет Иосиф обошел или объехал на велосипеде всю округу; потом к нему присоединилась и я. Тогда еще в этих местах изредка встречались коренные жители, старожилы; иногда они рассказывали что-то интересное. Сейчас этих людей нет; а с ними ушел и их уклад жизни. Чтобы сохранить память о людях и событиях, я записала самые любопытные истории, «привязав» их к деревням и селам и дополнив данными из дореволюционного «Историко-статистического описания сел и приходов Владимирской губернии» (за советский период статистики нет).

Начну рассказ с самого странного места – с деревни Ширманиха. Местные жители не могли объяснить это странное название. Расположенная в 6 км от Ширманихи, по реке Ущер, деревня Соколово бы-

ла основана бежавшими из Москвы при войне 1812 года староверами – беспоповцами (федосеевцами);

«Раскол в деревне Соколово появился в 1812 г. и занесен был раскольниками Московского Преображенского кладбища, прибывшими сюда вследствие нашествия на Москву французов».²

Можно предположить, что иназвание «Ширманиха» тоже связано с беглецами из Москвы и с тем же временем. Тогда оно происходит от французского слова «шарман» (прелесть, красота). Во время той войны появились и другие слова, заимствованные из французского: шаромыжник (от «шер ами» – мой друг), шваль (от «шеваль» – лошадь). Это негативные, пренебрежительные обозначения: уж очень плохо выглядели оголодавшие французы и их лошади. Возможно, и Ширманиха тоже была названа так шутя – глушь тут была тогда непролазная.

Весьма вероятно, что сюда пришли не самые законопослушные люди, чтобы отсидеться в лихое время. Старожилы Ширманихи (крестьянка Серафима, державшая двух коров, и продававшая дачникам молоко и творог) – рассказывала, что прежде в этой деревне жили и потомственные конокрады³. Схроны для краденых лошадей они делали в лесу и прятали так искусно, что местной милиции (уже в советское время) нелегко было их найти и помешать продать свою добычу на одном из местных базаров.

Вплоть до 1990-х гг. здесь жила семья потомственных воров Лазаревых; в любое время, кто-нибудь из них сидел в тюрьме. У них гостили и другие «сидельцы» – те, кому идти было некуда. От такого соседства страдали и дачники, и деревенские жители. В конце концов дом Лазаревых отчего-то сгорел, и все вздохнули с облегчением...

Первоначально Ширманиха была «выселком» при погосте Ковергино. Сейчас от него не осталось и следа (кстати, это единственное исчезнувшее село в здешних землях). Вплоть до закрытия местного храма, в 1937-1939 гг.⁴, это село называлось «погостом». Погост (то есть, место для гостьбы) объединял, через храм и кладбище, шесть окрестных лесных и приречных деревень.

Стоит заметить, что погосты были устроены в местном краю еще князем Андреем Боголюбским в XII в. Князь – устроитель Владимира сделал это, чтобы его дружинникам было легче взимать дань с заречных жителей – мерян. Позже на погосты стали приезжать постоянные купцы, скупавшие излишки мехов, меда и воска. Так что, возможно, село Ковергино стояло на месте такого древнего погоста, и эта память отразилась в его названии.

«Ковергино (Воскресенское, Ушер тож) находится на 17-й версте от города Владимира. В половине XVIII столетия в окладных книгах уже упоминается Ковергино, поместье Василия Кайсарова. В этом селе с 1645 г. существовала уже церковь во имя Рождества Богородицы... В 1845 г. была начата, а в 1853 г. закончена ныне существующая каменная церковь... Приход состоит из Ковергина и деревень: Сельца, Ширманихи, Злобинки, Бортникова, Соколова и Новокарповки, в коих по клировым ведомостям числится 811 душ мужского и 1000 душ женского пола».⁵

Почти все эти деревни сохранились и сейчас, правда, уменьшилось число жителей, да и сами эти жители стали сезонными. Зимой в этих местах жить почти невозможно: заносит снегом дороги, и без того скверные, нет ни магазина, ни ФАП⁶, не везде есть и электричество. При всем том с карты исчезла только деревня Бортниково; последний ее житель, одинокий старик, умер в середине 1990-х гг. Местные власти, в 1980-е гг., пытались переселить старика в город; когда он отказался, ему пытались провести в дом электричество и радио, но тут кончилась и сама советская власть...

Кстати, деревни с таким названием во все времена были малы; раньше в них жили потомственные сборщики дикого меда и пчел – бортники. (Иосифу случалось встречать в лесу сборщика диких пчел; они еще есть).

От деревень к храму и погосту в Ковергино раньше вели лесные дороги. Одна из таких дорог, на деревню Богданцево⁷, заросла лесом в конце XX в. наших глазах – после смерти последнего жителя, который по ней ходил.

Этот житель заслуживает отдельного упоминания. Звали его Валерий Александрович Ефимов. Родился он в Богданцево, в 1941 г. В 1950-е гг. его, вместе с другими сельскими подростками, завербовали сначала в ФЗУ⁸, а потом направили на владимирский Химзавод. Работа там была вредная и тяжелая, поэтому «городские» работать туда не шли, набирали по окрестным деревням. Деревенских прельщала высокая оплата (сравнительно с колхозом) и ранний выход на пенсию. Вот и Валерий Александрович отработал свое, получил пенсию и городскую квартиру, и его снова потянуло в родные места. Он не пил, не курил, любил природу, много рыбачил, отлично знал здешние места – поэтому до пенсии дожил, в отличие от многих своих сверстников. Но в 1990-е гг., у него начались проблемы с поездками на историческую родину.

Его родное село Богданцево, когда-то большое и богатое, стояло на реке Клязьме возле впадения в нее Судогды⁹. До 1991 г. по Клязьме до Коврова ходили «Ракеты» – «катера на подводных крыльях»: они и доставляли жителей в приречные села. В перестройку внезапно выяснилось, что этот вид транспорта не рентабелен, и их отменили. Сначала Ефимов попадал на родину с другого берега Клязьмы, через охотничье и рыболовное хозяйство на озере Войхра. Он одалживал у знакомого егеря лодку, пересекал озеро, потом плыл через реку на собственной автомобильной камере. Позже развалилось хозяйство на Войхре, а егерь, не в силах смотреть на гибель своего дела, уехал жить в Белоруссию. Тогда Валерий Александрович стал доезжать на автобусе до Лунева (18 км от города), идти пешком до Ширманихи (еще 6 км), брать там, возле храма, на погосте (еще 2 км), припрятанный топор и лучковую пилу и идти лесной дорогой до Богданцева (еще 8 км). Пила и топор нужны были, чтобы убирать с дороги бурелом; так он и ходил, покуда был жив. ...

Но вернемся в Ковергино. Свой храм местные жители при всем старании отстоять не смогли – хотя отстаивали два года с 1937 по 1939 гг. и платили положенные налоги¹⁰. Но свое кладбище они сохранили. Церковь Рождества Богородицы сейчас – это величавые руины; а кладбище среди леса выглядит ухоженным. На нем встречаются, в основном, две фамилии: Егоровы и Капитоновы. Видимо, местное поселение пошло всего от двух семей.

Возле храма у Иосифа Новицкого произошла любопытная встреча. Увидев человека, косившего траву на кладбище, он сделал замечание, что здесь траву скоту косить не принято. Мужчина ответил, что он не скоту траву косит, а приводит в порядок семейное захоронение, поскольку он сильно болен, и полагает, что скоро оно ему самому понадобится. Вскоре так оно и вышло; только этот вот Егоров умер не от болезни, а погиб на пожаре. Так как он был начальником пожарной службы Владимира, то его подчиненные, в соответствии с его завещанием, привезли его хоронить в родные места. Речка Ущер разлилась от дождей, машина не могла проехать, и гроб в конце дороги несли на руках. Пожарные устроили на кладбище поминки для местных жителей; тут и выяснилась интересная особенность здешних мест. Местные жители разлетелись отсюда по дальним городам, выучились, сделали карьеру, но хоронить себя часто завещали именно на родном погосте. По крайней мере, коренных местных жителей такие приезды (даже из Ленинграда) и богатые поминки не слишком удивляли.

Стоит заметить, что неподалеку от погоста по сей день находится местный святой источник. Там не только берут воду, но и, по обычаю, вешают ленточки, чтобы избавиться от той или иной хронической болезни¹¹.

С погостом Ковергино связана и еще одна любопытная история. Возле храма и кладбища, как тогда было принято, стоял дом местного священника. После закрытия храма священника с семьей выселили; дом отдали местному учителю, из породы земских учителей-атеистов. (Стоит заметить, что первая школа в этом селе была при храме; потом здание для школы выстроили помещики Кайсаровы; и только потом школа перешла в ведение земства). Итак, в доме священника поселился учитель со своей семьей. В 1950-е гг. его взрослая дочь, Галина Викентьевна, уехала учиться в Москву. Вышла замуж за профессора, жила и работала там до смерти любимого мужа, а в 1980-е гг., оставив Москву и взрослых детей, пожелала вернуться в родные края. (Приверженность местных жителей родным местам иногда просто поражает.)

Отцовский (то есть, бывший попов) дом, к тому времени, был разрушен. Галина Викентьевна отстроила его заново, и поселилась там – за пределами деревни Ширманиха, на краю кладбища, с видом на разрушенный храм. Так она прожила более десяти лет, держала корову, потом козу; наконец, сошла с ума, и дети увезли ее в Москву. Местных жителей это, в общем, не удивило.

Стоит упомянуть еще одну местную деревеньку – Новокарповку. Она существует и по сей день, хотя там до недавнего времени не было электричества. Мало того – сейчас она оказалась возле новой объездной дороги, как и Ширманиха. Впрочем, «Новокарповкой» она называется только на картах, а местные жители называют ее «Харино». Название это выглядит издевкой: именно в Харине в 1950-1960-е гг. были самые красивые девушки, и именно туда парни ходили с ними знакомиться.

При этом нравы в тех местах оставались достаточно дикими. Так, на тех же «вечерках» три местных девицы заподозрили пришлую красотку в том, что она пришла отбивать их кавалеров, напали на нее в пустынной дороге и отрезали косу, «чтоб ее опозорить». Только после вмешательства местного милиционера девушки (впрочем, тогда несовершеннолетние) уяснили, что привычные для них действия, оказываются, подпадают под статью Уголовного кодекса, и могут довести их до тюрьмы. Впрочем, все обошлось: обиженная, вместе с родителями, предпочла исчезнуть из этих диких мест.

Харино замечательно еще и тем, что возле него, были видны остатки старой пожарной вышки. Вышки такие делались для наблюдения за пожарами в лесах. Она была сделана из кондовых сосен, и очень долго не поддавалась гниению; еще и в 1990-е гг. на нее можно было забраться. Потом вышка стала рушиться, и сейчас от нее уже не осталось и следа.

Вообще, местность сильно изменилась. Прежде в этих местах были небольшие деревни в бескрайнем лесу, соединенные с миром только проселочными дорогами и малыми лесными реками, сохранившими угро-финские названия (Ущер, Унтварь). Заблудиться в этих лесах чужаку было очень просто; сейчас здесь прошла магистраль «Волга» (идущая в обход Владимира от московской трассы, на Ковров). Мало того – два года тому назад эти населенные пункты вошли в состав города Владимира – хотя находятся они на противоположном берегу реки Клязьмы, в 25 км от города; и городских удобств здесь от этого решения не прибавилось.

...Закончив с селом Ширманиха, двинемся в сторону села Лунева. На полпути, по проселку, тот самый коллективный сад (сейчас из 300 дачников осталось не более 30). Возле него деревня Сельцо (название, распространенное в нашей местности). Оно когда-то входило в вотчину Боголюбова монастыря. «Деревня Сельцо, Амарково тож, на речке на Миленке, крестьян в ней 21 человек, бобылей 6, земли пахотные худые 54 четверти¹²». Это определение – «земли пахотные худые» – применимо ко всем выше перечисленным населенным пунктам. Да и откуда им быть хорошими? Сосновый лес, песок да болота; классический мещерский край.

В настоящее время в Сельце, как и везде, старожилов мало, зато много дачников (например, местный прокурор, работники ГИБДД). Место замечательно тем, что здесь ближе всего до реки Клязьмы, не более километра. Здесь в Клязьму впадает и выше упомянутая речка Ущер. Рядом на пойменном лугу находится водяная скважина – выход так называемого «судогодского подземного моря», вода этого «моря» чистая, холодная, бирюзового цвета.

Возле Сельца Клязьма образует заводь, называемую в народе «Лопатой». Эта заводь замечательна не только рыбалкой, но и тем, что здесь снималась часть фильма «Андрей Рублев» режиссера Андрея Тарковского. Здесь снимались сцены языческого праздника, а в массовке участвовали (то есть, «бегали голышом по реке») многие местные жители. Заводь красива, в лесу много «местнотимых источников», куда ездят за водой из города. Зимой заводь притягивает

рыбаков. Когда по Клязьме ходили «Ракеты», здесь, «в Лопате», была одна из пристаней.

На другом берегу Клязьмы когда-то стояла одинокая лесная избушка, в ней жил пришлый человек по прозвищу Буслай. Документов его никто не видел, так что имя и фамилия остались местным жителям не известны. Жил он рыбалкой, тогда еще на Клязьме была и ценная рыба на продажу – например, стерлядь. С ним жила местная женщина, работавшая в больнице поселка «Оргтруд», (примерно за 6 км берегом реки). Когда местные власти наконец-то узнали, что в лесу, независимо от советской власти, проживает какой-то пришлый бродяга, они пытались его переселить. Это им не удалось. То есть, какие-то документы у него были; и какие-то серьезные причины избегать людей тоже были.

...Теперь пора переместиться в конечный пункт нашего путешествия – село Лунево. Это село расположено наверху горы, откуда виден, с одной стороны, ближайший поселок Оргтруд (ранее ткацкая фабрика купца Никитина, при железнодорожной станции Лемешки). С другой стороны, видно знаменитую «давыдовскую пойму» – известную рыбакам и охотникам пойму Клязьмы возле села Давыдова, где когда-то, в гостях у священника Дианина, жил и работал русский композитор Бородин¹³. Под горой, находится старица Клязьмы – озеро Караш. Местность эта давно и хорошо известна владимирским живописцам.

Само Лунево не отличается древностью; в 1893 г. оно еще не имело своей церкви и относилось к приходу села Кусуново (вместе с Уваровым, Бухоловым и Сельцом). Кусуново находится против владимирского Успенского собора, через реку; его колокольню видно в любую погоду (до революции село было преимущественно старообрядческим¹⁴). Но мы про Лунево...

Название села происходит от слова «лунь» – это полевая сова, которых в иной год, при обилии мышей, бывает на здешних лугах очень много. Лунево пока сохранило в значительной мере старинную планировку: новый коттеджный поселок, как и поселок для многодетных семей, расположены дальше по дороге.

Сохранились и старые названия улиц: Луневский вал и Шароновка. Улица Шароновка, по словам старожилов, названа по имени местного торговца – еврея Шарона (Арона), державшего до революции лавку возле церкви. Это, кажется, единственная улица Владимира, названная по имени лавочника, да еще еврея. В селе недавно был

восстановлен храм Иоакима и Анны, построенный в 1902 г., при нем действующее кладбище.

Старейший житель Лунева, последний ветеран Великой Отечественной войны, Иван Иванович Пузиков – оказался одним из тех солдат, которые освобождали родную деревню Иосифа Новицкого – Климовщину, на северо-западе Белоруссии. Этот факт послужил причиной для близкого знакомства. За несколько лет нашей дружбы Иван Иванович рассказал Иосифу много историй из своей жизни. Здесь речь уже не идет о местных традициях и курьезах; жизнь его связана с жизнью нашей страны; поэтому мы позволим себе вкратце пересказать факты его биографии.

Иван Иванович родился в селе Лунево в 1924 г. Будучи еще подростком, вместе с отцом, в 1930-е гг., ходил на «отхожий промысел» (строительство) в Москву. Непогодные здешние земли вынуждали большинство владимирских крестьян заниматься отхожими промыслами; как видим, этот обычай существовала и при советской власти. (Видимо, строительным организациям удобнее было иметь дело с известными им артелями). В Москве на заработках он познакомился со странным пареньком, который вместо того, чтобы усердно работать, мастерил кукол. Позже оказалось, что это был Сергей Образцов, в будущем знаменитый создатель кукольного театра.

Перед войной в здешних местах организовали колхозы, однако они считались бедными и очень удаленными от города. Поездкой в город, в «народный театр», на телегах – тогда награждали особо отличившихся. В городе закупали гвозди, скобы, и прочее «по хозяйству». В театре, конечно, показывали агитационные спектакли «за советскую власть», но добавляли и незатейливые номера, понятные крестьянам (например, «козу водили»). Такие поездки «в город» были очень редки и запоминались на всю жизнь.

Потом началась война. Иван Иванович был призван на фронт, прошел подготовку в Коврове, и был зачислен в войска связи («бегал с телефонной катушкой»). Он воевал в артиллерийском полку в составе знаменитой Панфиловской дивизии, неоднократно был ранен, но в отличие от многих своих сверстников остался живым.

После возвращения в родные края ему пришлось много и тяжело работать. Кроме колхоза, где в военные и послевоенные годы совсем ничего не платили, он работал на торфозаготовке возле поселка Долгая Луза (7 км от Лунево). Там тоже денег не платили, но неплохо кормили в местной столовой. Суп он съедал сам, а кашу уносил домой, для семьи.

Потом он устроился на ближайший завод. Ближайшим был Химзавод, но этот «ближайший» располагался на другом берегу реки Клязьмы, в 18 км от дома. Однако Иван Иванович работал там, и не один – судя по тому, что через Клязьму постоянно работал «Рахманов перевоз»¹⁵ – такой промысел был для заклязьменских крестьян делом привычным. Добирались до перевоза по плохой проселочной дороге в любую погоду; летом переправлялись на лодке, зимой – по льду. Хуже всего было весной и осенью – по тонкому льду ходили «по вешкам», обходя опасные места. Во время ледостава и ледохода рабочим приходилось по несколько дней сидеть на заводе безвылазно. Надо заметить, что до 1953 г. прогул работы, как и опоздание на работу, считалось уголовным преступлением; жили все еще по законам военного времени.

Потом Ивану Ивановичу повезло – ему удалось устроиться работать на выше упомянутую ткацкую фабрику «Оргтруд», она была всего в 3 км от дома. Правда, эта фабрика тоже на другом берегу Клязьмы, но на такие мелочи тогда внимания не обращали. Вплоть до ледостава, Иван Иванович раздевался и плыл через реку, держа сумку с одеждой в поднятой руке; а мастер цеха стоял на берегу с часами, и торопил: «Быстрее, Пузиков, до начала смены три минуты!».

На этой фабрике Пузиков работал до пенсии; потом он работал зав. клубом в Лунево. Клуб, как это было принято в советское время, был построен напротив закрытой церкви и кладбища, так что танцы происходили почти «на костях». Из этого времени Ивану Ивановичу запомнилась одна драка, в которой одному из буянов «надели» чугунок на голову, а снять не смогли – пришлось вести пострадавшего в город, к хирургу, хирург направил пострадавшего к слесарю.

Этот клуб является единственным действующим учреждением села Лунева, не считая автобусной остановки и магазина. Ни фельдшерского пункта, ни библиотеки, ни почты здесь нет – хотя поселок за последний десяток лет разросся. Детей возят в школу в город. На окраине Лунева лет пять назад пытались устроить поселок для многодетных семей, но выдали под поселение болотину, и новоселы завалили суды жалобами.

Возле клуба есть монумент, воздвигнутый в честь местных жителей, погибших во время Великой Отечественной войны. Не так давно здесь было 93 фамилии (здесь упоминались уроженцы Лунева и окрестных деревень). В начале «перестройки» латунные буквы с памятника были кем-то украдены, и не восстановлены по сей день.

Уголовное дело по факту хищения не заводилось. Временный баннер с фамилиями вывешивается только на 9 мая... Прискорбно.

Эти отрывочные записки можно приравнять к словам благодарности безвестным сельским труженикам, которые вынесли на своих плечах и разруху 1920-х гг., и труды коллективизации, и безмерные тяготы Великой Отечественной войны, и тяжелую работу по восстановлению хозяйства в послевоенные годы, и труд на фабриках и заводах.

Сейчас этих людей, с детства привыкших к тяжелому труду и длительным пешим переходам, уже не осталось. Но, вернувшись на пенсии в родные места, они, видимо, успели приучить к этим местам своих внуков. Часть их потомков живет и работает в городе, но сейчас приезжают на лето (кто-то и зимой, на выходные) в родные места. Их не пугает заброшенность, бездорожье, отсутствие магазинов и врачей, неизбежные комары и мошки, а также клещи и змеи.

Деревенская солидарность действует по-прежнему: автомобилисты привозят хлеб и другие продукты «безлошадным» соседям». Соседи устраивают субботники по ремонту проселочной дороги. Сейчас появились даже местные депутаты, что пытаются «пробить» асфальт от трассы до села (всего-то 2 км), или официальную автобусную остановку на объездной дороге, или автолавку раз в неделю... Местные лесные жители, потомки древних мерян, постоянны в своих привязанностях; а значит, не все еще потеряно.

¹ Если двигаться от Москвы в сторону Нижнего Новгорода – именно так, с запада на восток, и заселялся этот край.

² Историко-статистическое описание сел и приходов Владимирской губернии. Вып. 1. – Владимир, 1893. – С. 274- 275.

³ *Ершов А.Л.* О закрытии храмов в Кусунове, Лунево и Ущере в 30-е годы // Старая столица. Краеведческий альманах (Владимир). – 2013. – Вып. 7. – С. 56 – 57.

⁴ Кстати, конокрады и лошадиные барышники очень нажились на бегстве москвичей перед приходом французов: цены на лошадей возросли многократно. Нажитое надо было сберечь.

⁵ Историко-статистическое описание сел и приходов Владимирской губернии. Вып. 1. – Владимир, 1893. – С. 274- 275.

⁶ Фельшерско-акушерский пункт в селе или деревне.

⁷ После закрытия других церквей в округе, в 20-е и 30-е гг. XX в., в Ковергино стали ходить богомольцы из других, не названных здесь деревень.

⁸ Фабрично-заводское училище.

⁹ Сейчас в Богданцево ходят две маршрутки в неделю (не в день!) из Судогды. Из Владимира туда можно попасть только на машине – желательно, на внедорожнике.

¹⁰ *Ершов А.Л.* О закрытии храмов в Кусунове, Лунево и Ущере в 30-е годы // Старая столица. Краеведческий альманах (Владимир). – 2013. – Вып. 7. С. 56 – 57.

¹¹ Такой же обычай я видела в Белоруссии, в Браславском районе.

¹² Историко-статистическое описание сел и приходов Владимирской губернии. Вып.1. – Владимир, 1893. – С. 274.

¹³ Именно здесь он написал знаменитую оперу «Князь Игорь».

¹⁴ Здесь надо сказать, что до 50-х гг. XX в. местных, «заречных» жителей во Владимире видели не часто. После войны, как уже было сказано, началась вербовка на заводы. Местные жители, ставшие рабочими, доучивались в городе в вечерних школах; их считали диковатыми и малограмотными, но физически сильными и ловкими. Тогда во Владимире возникла присказка: «Ты из Кусунова, что ли?!»

¹⁵ «Рахманов перевоз» – лодочный перевоз через Клязьму, возле села Доброе. Был учрежден в начале XX в. купцами Рахмановыми, известными владимирскими благотворителями, и до революции содержался за их счет; потом местным мужикам пришлось платить перевозчику.

Т. А. КРАСНИЦКАЯ
(г. Шуя)

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ (В ВОСПОМИНАНИЯХ ЗЕМЛЯКОВ)

Прошло семьдесят пять лет со дня Великой Победы. К сожалению, все меньше становится тех, кто являлся участником боевых действий, ковал в тяжелейших условиях победу в тылу. Но своя память о событиях суровых военных лет у жителей края, кому в середине 40-х гг. XX в. не было и 16. Дети и подростки, лишенные войной детства, отчетливо помнят военное лихолетье. Воспоминания детей военной поры были собраны студентами историко-филологического факультета Шуйского филиала ИвГУ в рамках проекта «Память памяти». Они вместе с личным архивом автора позволяют увидеть военную пору их глазами.

Начало войны. 22 июня 1941 г. стало точкой отсчета военных лет. В памяти десятилетней девочки Александры Константиновны Лебедевой (в замужестве Хромовой), уроженки д. Бухарино Юрьево-вского района Ивановской области, этот день запомнился навсегда: «С пожарки (пожарная часть, где была связь и телефон) к нам пришёл мужчина и сказал о том, что началась война. Все поначалу как окаменели, но потом женщины заревели, мужчины молча пошли по измам. А утром всех мужиков повезли в военкомат» [2].

Война лишила подрастающее поколение детства. Они, в результате мобилизации мужчин на фронт и как следствие нехватки рабочих рук, вынуждены были работать наравне со взрослыми.

На селе всё делали «вручную, тракторов не было. Пахали лошаадью и плугом под картошку, под зерновые. Картошку клали в борозду, шла лошадь с плугом, заваливала. Зерно разбрасывали по пашне вручную, затем царапали граблями. Всё это делали дети и мужчины, которые по возрасту не подходили в армию» [2].

Подростки помогали колхозам круглый год: весной – сеяли урожай; летом – заготавливали сено, участвовали в прополке на полях, жали рожь, овёс, лён, ставили снопы, делали суслоны; осенью – убирали урожай, копали и собирали картошку, овёс, турнепс, морковь и другие овощи. В зимнее время работали на овощехранилище. Работа продолжалась весь световой день: «Вставали рано, а приходили домой потемну» [2]. Девочки-подростки доили коров.

Посильную помощь оказывали и младшие дети. Надежда Михайловна Беляева (в девичестве Андреева), уроженка с. Воскресенское Савинского района, делясь воспоминаниями о тяжелом военном времени, указывала, что «мы-то такие маленькие [5-6 летние.– Т.К.] ходили по жнитву и собирали колоски. Лен дергали и валечками стучали лен, доединой головички вычишали, а потом лен этот раскладывали на луга, как половички, потом он до какого то времени лежал, потом его собирали перед зимой, долго он лежал на этих лугах и овинны были их собирали, сушили и получалось волокно как шелк и отправляли его дальше на фабрики. ...Мы носили воду, кто сколько почерпнет. Приходили домой во льду. Мы дети, носили им воды на всю ферму» [1].

Нелегким был труд и тех, кто жил в городе. Многие вынуждены были встать у станков на фабриках и заводах. Нина Васильевна Лихачева (в девичестве Захарова) с 13 лет работала прессовщицей на керамическом заводе в г. Кинешма. Ей приходилось «брать литейную форму из глины весом около 10 килограмм и подниматься по лестнице к воронке пресса. Этим я и занималась всю рабочую смену, то есть 8 часов» [2].

Городские подростки регулярно ездили в подшефные колхозы на сенокос и уборку урожая.

Детские руки выполняли разную работу. Раиса Гордеевна Тютяева, 1937 года рождения, жительница деревни Путятино Гаврилово-Посадского р-на Ивановской области, вспоминает, что в «15 лет сестра Лида и другие девочки ходили на торфоболото – сушить торф, который возили на спирткомбинат для топки и продавали вместо дров. Брат Гена закончил 4 класса, пошёл в кузню – помогать кузнецу...» [2].

Еще один вид помощи взрослым со стороны подрастающего поколения – уход за маленькими детьми. Зиновья Алексеевна Козина (в девичестве Максина), уроженка деревни Меньшиково Шуйского р-на Ивановской области, «три сезона работала в няньках. Начиная с мая, июнь, июль, август, сентябрь. А зимой-то ясли не работали...»[2].

В свободное время по вечерам дети помогали вязать теплые вещи для фронтовиков. А. К. Хромова вспоминает, что варежки вязали из ваты, «которую привозили на склад. Нам её давали по целой кипе. Ещё плели корзинки из тала. Тал заготавливали на берегу реки на зиму. Корзинки плели круглые под бутылки. Их возили в Кинешму на химзавод. Вязали варежки и плели корзинки при лампадке» [2].

Для фронта «в свободное время мы все ходили чистить картошку, затем эту картошку ломтиками нарезали и сушили» [1].

Старшие подростки ухаживали за ранеными в госпиталях.

В памяти детей остались не только трудовые будни, но и жизнь «впроголодь». В голодные годы войны, особенно в первый, когда не удалось собрать с полей урожай, весной дети выкапывали на полях замерзшую картошку. Ее сушили и протирали, получая крахмал. Из крахмала и муки (а иногда и без нее), но сдобавлением лебеды пекли лепешки, которые очень часто старшее поколение называет «тошнотиками»[1]. Лепешки готовили также из клевера и колокольца (шелуха от головок льна). На этот факт указывает в своих воспоминаниях Зиновья Алексеевна Козина (Максина): «В Палехском районе сеяли лён, и вот колколе'ц-то давали на трудодни. Колколе'ц – это лён-то молотили, шелуха-то оставалась, и мы ездили в Палехский-то район покупать этот колколе'ц. Сушили, толкли и пекли колобу'шки». Употребление его в пищу приводило к расстройству желудочно-кишечного тракта: «Вот из клевера я лучше любила, а колколе'ц – это гиблое дело, в туалет не сходишь, со слёзами. Я лучше совсем есть не буду. Мама: «Зинушка, что ты не ешь колобушки-то?» «Не буду, я лучше голодная буду» [2].

По воспоминаниям Р. Г. Тютяевой, в голодные военные годы в пищу употребляли густую барду (ещё и жидкая была) – это отходы от спиртового производства в с. Петровском Гаврило-Посадского района, от которой «у всех болели животы, заводились глисты» [2].

В летнее время дети собирали анис, щавель, ягоды, грибы.

Лакомствами для детей военного времени, увы, был не шоколад, а редька, мочёная рябина, сушеная свекла. Из сушеной моркови заваривали чай.

Дети даже в военное время продолжали ходить в школу, где в то время было немало трудностей с отоплением, организацией питания, снабжением учебными и канцелярскими принадлежностями. Последнее вынуждало школьников писать на обратной стороне газет, а иногда и книг. На этот факт указывала Н. М. Беляева: «Помню, дома были такие книги в перепеле хорошем, красные – «Ленин», в синем – «Сталин». Так вот эти книжки мы брали, крышки от них мы отрывали и вот на этих крышках мы и писали, у нас никаких тетрадей не было» [1].

Некоторые школьники в военные годы вынуждены были прекращать учение, окончив лишь 4 класса.

Долгожданный день Победы. В воспоминаниях повзрослевших детей он, действительно, был праздником со слезами на глазах, когда все вокруг поздравляли друг друга, вспоминая тех, кто так и не вернулся с фронта.

Объем данной статьи не позволяет в полном объеме охватить все, что осталось в памяти юного в то время поколения. Это материал для не одной публикации. Важно другое – сохранить для будущих поколений историческую правду тех лет.

1. Личный архив.

2. «Память памяти». Воспоминания о Великой Отечественной войне. Наша память жива //Межкафедральный кабинет лингвокраеведения [Электронный ресурс] <https://sspu.ru/pages/subfakulties/rya/lingvo/pamyati/html>

Ю. А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

ШУЙСКИЕ АМЕРИКАНЦЫ

История высшего педагогического образования в Шуе насыщена удивительными сюжетами. Начать стоит с уникального своеобразие формирования научно-педагогических кадров «чуда на Тезе», как в началеXXI в. называли Шуйский государственный педагогический университет в одном из центральных педагогических изданий.

Исторически система высшего образования на периферии в СССР всегда пополнялась кадрами высшей квалификации за счет

приезжих «распределенцев» или, что значительно реже, – «инициативников». Кстати, здесь повторялась ситуация с учителями гимназий в провинции дореволюционной России.

В этом отношении один из 50 открытых на базе учительских институтов в 1952 г. Шуйский государственный педагогический институт, который в дальнейшем станет педуниверситетом, а затем филиалом ИвГУ, не был исключением.

Анализ кадрового потенциала вуза в 1950-1980-е гг. дает картину, достаточно типичную для многочисленных провинциальных педвузов. Речь идет о пополнении кадрами высшей квалификации (кандидаты, реже – доктора наук) в советское время. Кадровые справки в архиве Шуйского филиала ИвГУ рисуют картину четырех достаточно массовых (учитывая масштаб вуза) потоков, которые условно можно обозначить как:

1-й – начало 1950-х гг. и 2-й – 1967-1973. «Национальные» – государственные, по сути антисемитские, компании против «буржуазных космополитов» в начале 1950-х гг. и связанные с вытеснением евреев из «оборонных» и «режимных» научных учреждений в связи с арабо-израильским конфликтом в 1967-1973 г. – привели к прибытию в вуз в первом случае 4, во втором 7 (в том числе 3 докторов наук).

3-й поток можно обозначить как «квартирный». В связи с расширением ШГПИ в начале 1970-х гг., совпавшим с «бумом» жилищного строительства в Шуче, сюда прибыло более 20 молодых перспективных аспирантов и кандидатов наук из разных регионов страны, которые благодаря поддержке городских властей в течение 1-2 лет решали «квартирный вопрос» и на последующее десятилетие определяли научный потенциал вуза.

Наконец, в начале 1990-гг. – последний четвертый поток – «миграционный» (около 10 человек), связанный с процессом распада СССР и вытеснением русскоязычных кадров из национальных республик, которые зачастую оказывались в ситуации беженцев.

Кроме того в первой половине 1980-х гг. в пединституте находили трудоустройство в отдельных случаях неугодные в столицах заподозренные в «сионизме» или «диссидентстве».

Даже на этом фоне экзотическими представляются две биографии ровесников: Э. А. Штейна (1934, Белосток, Польша –1999, Орандж, США), студента истфила ШГПИ, ставшего профессором славистики американского Йельского университета и М. Д. Гриндлингера (1932, Нью-Йорк, США), студента Нью-

Йоркского университета, ставшего профессором математики ШГПУ.

В Шуе о студенте Э. Штейне, окончившем вуз в 1958 г., вспомнили только в 1978 г., когда он оказался тренером и советником-консультантом В. Корчного в матче за звание чемпиона мира по шахматам с В. Карповым в Багио. В советской печати Э. Штейн проходил как «матерый антисоветчик». Примерно так же о нем отзывался и А. Карпов в своих воспоминаниях «В далеком Багио».¹

В Шуе Э. Штейн оказался вместе со своим отцом А. Б. Штейном, режиссером Шуйского драматического театра в июне 1949 г. Здесь он закончил среднюю школу № 2 и в 1953 г. поступил на историко-филологический факультет педагогического института. Уже на 1 курсе в декабре 1953 г. у Э. Штейна появилось «последнее предупреждение за нарушение дисциплины и неправильное отношение к студенческим организациям».² Это единственное задокументированное ему взыскание за студенческие годы. В дальнейшем он учился успешно, в зачетной ведомости в приложении к диплому № 235724 – только хорошие и отличные оценки.³

В Шуе Э. Штейн увлекся шахматами. Еще в школе был чемпионом города среди юношей. Его наставниками и партнерами были Е. Бальмонт, Б. Рунцов и другие шуйские шахматисты. В институте Э. Штейн познакомился со своей будущей женой Д. П. Горовой, тоже студенткой. После окончания вуза они вместе работали в школе в селе Котцино Ивановского района. Отсюда они вместе в 1961 г. эмигрируют в Польшу, где жила мать Э. Штейна Ю. Фляум, известная актриса и исполнительница еврейских песен. Начнется новая жизнь Э. Штейна – профессора-слависта, исследователя поэзии русской эмиграции («поэзия русского рассеяния» – термин, введенный им самим в литературоведение), коллекционера, библиофила, издателя и библиографа, шахматиста, каким он и войдет в историю русского литературного зарубежья.

Собственное изложение биографии Э. Штейном – «Иваном Калитой» русского зарубежья – в «доамериканский» период во многом художественно легендарно автором.⁴ В части, касающейся Шуи, факты его жизни были обнаружены и исследованы М. Ю. Бальмонтом и показывают преувеличенный задним числом Э. Штейном уровень «гонений за убеждения» в студенческие годы.⁵

В Шую Э. Штейн приезжал дважды в 1993 г. и 1996 г. Он посещал могилу отца (могила не сохранилась, но место захоронения

было известно), читал лекции и встречался со студентами и преподавателями ШГПУ, шахматными партнерами юности, в частности, с Б. С. Рунцовым. Судя по многочисленным свидетельствам, он хорошо вспоминал о Шуе, но перестройка и постперестроечное время не изменили его «антисоветского» отношения к России.⁶

Незадолго до этого в 1992 г. из Шуи в США навсегда уехал профессор кафедры математики М. Д. Гриндлингер, который работал здесь с 1983 г.⁷

В 1961 г., когда Э. Штейн эмигрировал из СССР, М. Д. Гриндлингер стал советским гражданином. Впервые американский аспирант приехал в СССР в 1957 г. на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, где познакомился с советской студенткой Еленой. Эта романтическая встреча надолго изменила его жизнь. Они поженились в 1958 г., и вполне могли бы стать идеальными героями документального фильма «Любовь и голуби 1957 года (сочинение на вольную тему)», снятого в 2007 г. к 50-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов режиссером Л. Лариной.

В 1959 г. М. Д. Гриндлингер вернулся в США и защитил диссертацию в Нью-Йоркском университете. В 1960 г. ему была присуждена ученая степень доктора философии по алгебре. В этом же году начал работать в Ивановском педагогическом институте, где в 1967 г. стал доктором физико-математических наук. Работая в Иванове, позднее в Тульском педагогическом институте (1967-1983), создал алгебраическую школу, получившую признание как внутри страны, так и за рубежом.

В Шуе М. Д. Гриндлингер продолжил свою научную деятельность. И здесь он оставался американцем. Принципиально не стремился в совершенстве освоить русский язык – не считал это необходимым для своей научной деятельности. Был вегетарианцем, вместе с семьей активно занимался спортом: летом – бег, зимой – лыжи. Поведенчески он так и остался чужим в провинциальном социуме. Тем не менее формальная связь М. Д. Гриндлингера с Шуей прервалась только в ноябре 2014 г., когда Шуйский городской суд признал его «утратившим права пользования жилым помещением» (квартирой, пустовавшей с 1990-х гг.).

В 2017 г. в Тульском государственном педагогическом университете проводились чтения «М. Д. Гриндлингер – основатель тульской алгебраической школы (к 85-летию профессора)».⁸

Какой след оставила Шуя в жизни Э. Штейна и М. Д. Гриндлингера?

Первый, не испытывая особой ностальгии по городу юности, если не считать «шахматного» сюжета, был гражданином мира. Второй жил в своем особом «математическом мире» – географическое место для него не имело значения. Так тоже бывает.

¹ Карпов А. В далеком Багио.– М., Советская Россия, 1981. – 191 с.

² Бальмонт М.Ю. Шуйский след Эмануила Штейна // Борисовский сборник. Выпуск 4 / Отв. ред. В. В. Возилов. Иваново: Издательский дом «Референт», 2013. – С.153.

³ Там же. – 161.

⁴ Штейн О. Иван Калита Русского Зарубежья. Эмануил (Эдуард) Штейн // Новый журнал. – 2006. № 245 // <https://magazines.gorky.media/nj/2006/245>; Мальцев Ф. Эммануил Штейн – архивариус № 2 // Дети Ра. – 2004. – № 3 // https://detira.ru/arhiv/3_2004/index.html (09.04.2020).

⁵ Бальмонт М.Ю. Указ. Соч. – С.151-161.

⁶ Многим запомнилась его фраза в последний приезд в Шую: «Вы счастливы, что не понимаете, в какой стране живете».

⁷ Преподаватели и сотрудники ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет». Биографический справочник. – Шуя: Шуйский государственный педагогический университет, 2006. – С. 81-82.

⁸ Безверхний В.Н., Добрынина И.В., Трубицын Ю.Э., Устьян А.Е. М.Д. Гриндлингер – основатель тульской алгебраической школы (к 85-летию профессора // Чебышевский сборник. – 2018. – Т.18. – № 1 (61). – С.160-166 // <https://www.chebsbornik.ru/jour/article/view/311> (09.04.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балдин Кирилл Евгеньевич – профессор Ивановского государственного университета, доктор исторических наук

Бутрин Егор Сергеевич – заместитель начальника Отдела публикации и использования документов государственного архива Ивановской области, кандидат исторических наук

Гулидов Арсений Юрьевич – старший преподаватель Шуйского филиала Ивановского государственного университета, кандидат исторических наук

Иванов Юрий Анатольевич – профессор Шуйского филиала Ивановского государственного университета, доктор исторических наук

Иеромонах Тихон (Захаров) – насельник Свято-Николо-Шартомского монастыря

Касаткина Светлана Вадимовна – директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея, кандидат исторических наук

Красницкая Татьяна Александровна – заведующий кафедрой истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета, кандидат исторических наук

Макарьянц Борис Леонидович – врач-кардиолог

Марков Дмитрий Сергеевич – доцент Шуйского филиала Ивановского государственного университета, кандидат географических наук

Матвеев Михаил Николаевич – студент Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Монякова Ольга Альбертовна – директор Ковровского историко-мемориального музея, доктор исторических наук

Мохонова Ольга Николаевна – краевед

Новицкий Иосиф Иосифович – краевед

Новичкова Наталья Юрьевна – доцент Ивановской Пожарно-Спасательной Академии ГПС МЧС России, доктор культурологии

Сбитнева Инна Станиславовна – учитель коррекционных дисциплин школы-интерната для слабовидящих и слепых детей г. Владимира

Ставровская Екатерина Викторовна – старший научный сотрудник МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г. о. Шуя

Ставровский Евгений Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и организации предприятия Ивановского государственного энергетического университета

Харитонов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника

Цикулина Наталья Валерьевна – директор МБУ «Музей истории городского округа Кохма»

Черниховский Дмитрий Михайлович – доцент Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета, кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Иеромонах Тихон (Захаров)	Плесские владения Николо-Шартомского монастыря	3
Макарьянц Б. Л.	Похвала на икону Одигитрии Шуйскую: особенности гимнографии	9
Бутрин Е. С.	Шуйский перевоз через Тезу в конце XVIII в. и катастрофа 1788 г.	22
Бутрин Е. С.	Шуйский многодетный отец XVIII века Федор Васильев – миф или реальность	37
Цикулина Н. В.	Железная дорога «Иваново-Новки». Станция Кохма (к 150-летию создания)	48
Мохонова О. Н.	Загадка «Письма из Турции»	53
Ставровская Е. В.	Первый справочник по Шуе: «Памятник для г. Шуи Владимирской губ.» Я. И. Борисоглебского	58
Балдин К. Е.	Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в г. Шуе в конце XIX – начале XX века	60
Черниховский Д. М.	К биографии гражданского архитектора Брагина	66
Иеромонах Тихон (Захаров)	Обстоятельства закрытия Николо-Шартомского монастыря	71

Ставровский Е. С.	Трагедия советской деревни (на примере селений Дроздовского сельсовета Шуйского района)	80
Гулидов А. Ю.	«Шуйский флот»	86
Марков Д. С., Матвеев М. Н.	Размер имеет значение: о высоте колокольни Воскресенского собора г. Шуя	94
Марков Д. С.	Вокруг озера Яскинское: история и современность	98

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

Касаткина С. В.	Дворяне Философовы (неизвестная переписка 1850-х годов)	103
Касаткина С. В.	Судебное дело Авдотьи Алексеевны Философовой с крестьянином Жариновым	111
Балдин К. Е.	Государственные и церковные награды приходского духовенства во II половине XIX – начале XX века (на примере Иваново-Вознесенска)	118
Новичкова Н. Ю.	Вклад иваново-вознесенских предпринимателей в благоустройство города в конце XIX – начале XX века	123
Монякова О. А.	«Экономический развод» Шуйского и Ковровского уездов в 1918 году	126
Монякова О. А.	Шуйско-ковровский период жизни Г. И. Фалеева – автора учебника физики для советской школы	129

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

Иванов Ю. А.	«Ты помнишь, как все начиналось...» (К 20-летию «Уездной старины») . . .	134
Харитонов С. С.	Деревня Плясицыно Ковровского уезда Владимирской губернии в 1четверти XX века в воспоминаниях А. В. Тала- нова	138
Сбитнева И. С.	Повседневная жизнь пригородных кре- стьян в XX века: осколки семейной хроники	143
Сбитнева И. С., Новицкий И. И.	Были и небыли Луневского края	152
Красницкая Т. А.	Война глазами детей (в воспоминаниях земляков)	162
Иванов Ю. А.	Шуйские американцы	165
Сведения об авторах		170

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский филиал Ивановского государственного университета и Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. XII. – Шуя, 2020. – 176 с.

Технические редакторы: Е.В. Ставровская, Е. Ю. Фаркова

Подписано к печати 05.10.2020 Формат 60х84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 7,25 Тираж 300 экз.

Издательство ФГОУ ВО Шуйский филиал «ИвГУ»

Отпечатано в ИП Пряслов А.А («ПолиЦентр»)
155900 г. Шуя ул. Ленина д. 30, тел. (49351) 4-44-04.